

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1968

Гэсэр

БУРЯТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Перевод с бурятского
Семена Липкина

Сводный текст Намжила Балдано

Подстрочный перевод и предисловие
Алексея Уланова

Художник
А. Сахаровская

БУРЯТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Есть один эпизод в национальной бурятской поэме, который должен привлечь к себе пристальное внимание читателей. Злсе чудовище хочет уничтожить на земле все живое.

Пусть умрет человеческий плод!
Станет мальчиком? Пусть умрет!
Станет девочкой? Пусть умрет!
Пусть людской прекратится род!

Страшный замысел зловеще осуществляется:

В свете дня и в полночной мгле
Все живое уничтожая,
Воцарилась на всей земле
Язва страшная, моровая.
На бескрайнем просторе земном
Умирали ночью и днем
Люди, звери, птицы, растения.
Наступило время смятенья

Чтобы спасти человеческий род от поголовной гибели, на борьбу с чудовищем отправляется Гэсэр. Кто же этот богатырь? Это, оказывается, небожитель Бухэ-Бэлигтэ, и, когда он с неба спускается на землю, чтобы совершить подвиг добра, он перевоплощается в человека. Он заново рождается на земле в нищей пастушеской хижине, ибо только «человеческое дитя», рожденное в семье бедняков, может, по мысли слагателей эпоса, понять горе и чаянья народа, «слезы женские, слезы мужские, скорби-горести, муки людские».

В этом эпизоде — истинная поэзия и истинная народность, потому что основа поэзии, как и основа народности, — человечность.

Вот так, рожденный на небе, чтобы карать неправду на земле, чтобы истребить зло, чтобы уничтожить звериный закон пожирания слабых сильными, бурятский богатырь Гэсэр приходит к читателям, чтобы вслед за Давидом Сасунским, Джангаром, Манасом, Алпамышем, вслед за горскими нартами и сыном Калёва заговорить с ними по-русски.

Мечта о лучшей жизни, о «золотом веке», о государстве, основанном на законах справедливости, сопутствует многим эпическим произведениям народов Советского Востока. Вспомним страну бессмертия Бумбу из близкой,

бурятам калмыцкой Джангариады. И так же как в этой сказочной стране, по представлениям бурятов, народ, победивший зло, живет, не зная нужды,— и пастухи и звероловы,

И Гэсэр, и его жена
В многотравной, мирной долине,
Говорят, пируют поныне,
А кругом ликует страна,
Изобилья и света полна.

«Склонив головы знатных, стать опорой и поддержкой униженных»,— вот что обещает людям Гэсэр. Сказания о Гэсэре, заступнике человечества, бытуют и в Тибете, и в Монголии, и у нас в Бурятии. Недаром прежние исследователи называли поэму о Гэсэре «Илиадой Центральной Азии».

Бурятский героический эпос состоит из девяти глав (ветзей).

Действие первой ветви — «Истоки людских судеб» — происходит на небе, в среде тенгриев-небожителей. Сын верховного тенгрия Хан-Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ, как мы уже сказали, отправляется на землю, чтобы спасти ее от коварных, злобных чудовищ, которые с помощью повальных болезней, язвы и чумы, хотят уничтожить всех людей и животных. Враги Гэсэра — силы зла, оборотни, демоны, порой принимающие человеческий облик. Последующие восемь ветвей и посвящены борьбе с ними Гэсэра, его подвигам и приключениям, его поражениям и победам.

Когда Гэсэр уничтожает всех врагов рода человеческого, отец повелевает ему вернуться на небо, но Гэсэр отказывается: он навеки полюбил землю и людей, ради которых пришлось ему претерпеть столько испытаний. Тогда отец разгневался на него, и вместе со своими соратниками Гэсэр был наказан: он и его богатыри были превращены в немые человекоподобные скалы. Есть в бурятском народе легенда, что и поныне эти изваяния украшают Саянский горный хребет и напоминают людям об их великом заступнике.

Сказители эпоса творят богов по своему образу и подобию. Небожители очеловечены. Небо является отражением земного пространства. На небе имеются пастбища, горы, тайга, пасутся кони, овцы, быки, есть государство добрых небожителей — западных и злых — восточных, есть и «нейтральное» небольшое Срединное царство.

Над всеми западными небожителями духовно возвышается бабка Манзан-Гурмэ, прародительница и владычица, обладающая Книгой Судеб и волшебной силы шерстобитным смычком. Она воплощает душу народа, его мудрость и знания.

Небожители действуют как люди, им свойственны и человеческие слабости, и это сочетание обыденного и возвышенного составляет особую

поэтическую прелесть Гэсэриады. Но, очеловеченные, эти существа олицетворяют и небо громовержащее, и небо дождливое, и небо с белыми полосами («белодонное»), и Млечный Путь («Белый Шов»). Не случайно — и это очень характерно для поэтики Гэсэриады — о негодовании бабки Манзан-Гурмэ говорится в таких выражениях, которые можно отнести и к человеку, и к силам природы. В переводе это звучит так:

Словно туча, лицо нахмуря,
И грозна, как осенняя буря,
И темна, как ночная мгла,
Негодуя, она ушла.

А вот как описываются небожители, собравшиеся в доме властелина Срединного царства:

Влажным взглядом всех обводя,
Здесь толпятся владыки дождя,
Потрясают халатов подолами,
Что полны облаками тяжелыми,
Что полны туманами-ливнями,
Затяжными и непрерывными.
Средь гостей радушного дома —
Три стрелка, три властителя грома,
Держат, в жажде вражеской крови,
Стрелы-молнии наготове.

Давно ли «Илиада Центральной Азии» стала достоянием исследователей? До конца XIX века существовало мнение, что буряты и другие народности Сибири не имеют героического эпоса. Такое ошибочное утверждение возникло, вероятно, потому, что улигеры (так буряты называют большие стихотворные сказания о богатырях) не исполнялись без серьезного повода: чтобы пригласить на сход знатока-сказителя, нужны были основательные для всего племени причины. Кроме того, имелись строгие запреты-табу: нельзя было исполнять улигер днем, в присутствии посторонних, ради праздного любопытства. Обычно улигеры исполнялись перед большой охотой, дальним походом, во имя исцеления больных. Считалось, например, что исполнение богатырской поэмы способствует прозрению слепых.

Накануне облавной охоты на диких коз, на сохатых, на изюбра собиралось все племя. Почтенные старики запевали слова зачина:

Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться?
Родословной могучих
Почему б не заняться?

Так пели до тех пор, пока один из признанных улигершинов-сказителей не отвечал:

Тридцать стрел из колчанов
Извлечем и покажем.
Тридцать славилось ханов, —
Об отважном расскажем.

И вот улигершина сажают на белый войлок, под локоть кладут ему подушечку, ставят рядом чашку с водой для питья.

Ничто не должно прерывать исполнение эпоса. Прервать — значит помешать действиям героя. Сказитель-улигершин, полулежа на белом войлоке, облокотясь на подушечку, поет самозабвенно, как бы перевоплощаясь в своих героев, сопровождая пение мимикой, жестами. Слушатели воспринимали улигер как рассказ о действительно происходивших событиях.

В бурятском героическом эпосе отражены такие занятия, как звероловство. Бурятские роды — хоринцы и степные булагаты — стали переходить к скотоводству, вероятно, в конце первого тысячелетия новой эры. В летописи монголов «Сокровенное сказание», возникшей в 1240 году, хоринцы называются «лесными», но указывается на их занятия скотоводством, на родственные связи с некоторыми монгольскими родами. Археологические раскопки показывают наличие домашнего скота во второй половине первого тысячелетия нашей эры у родов курыкан и баргутов. Орхоно-енисейские надписи говорят о столкновении енисейских киргизов с баргу-бурятами уже в седьмом веке новой эры. Все эти данные позволяют сделать предположение о возникновении бурятского эпоса в конце первого тысячелетия нашей эры и о более позднем развитии отдельных мотивов и эпизодов в среде унгинских и хоринских бурятов.

Среди бурятских улигеров самым популярным, самым крупным по своему значению является сказание о Гэсэре. О Гэсэре поют улигершины всех племен и родов, поют и в Эхирит-булагате, и в унгинских степях. Надо отметить, что в унгинских сказаниях чувствуется некоторая близость к монгольской Гэсэриаде. Имена небожителей Эсэгэ-Малан, Манзан-Гурмэ, Ундэр-тенгри, Хухэ-тенгри, название матушки-земли Ульген, подземного царства Эрлэк одинаковы и у монголов и у бурятов. Но сюжетные линии меняются. В монгольской Гэсэриаде Бухэ-Бэлигтэ спускается на землю по повелению Шэгэмуни — буддийского божества, у бурятов его посылают на землю небожители по просьбе людей.

Имя «Гэсэр» в наиболее архаическую эхирит-булагатскую версию эпоса могло попасть очень давно. Связи бурятских родов с монгольскими весьма древние, они не прерывались и во времена эпического творчества. «Информация» о главных событиях была «поставлена» между близкими родами в древнюю эпоху довольно хорошо, соседи узнавали быстро о столкновениях

родов, о побоищах, о перекочевках. В этих условиях кажется вероятным, что имя Гэсэра, как могучего борца за человеческое счастье, за победу добра над злом, рано сделалось популярным в бурятской среде и наряду с именами других богатырей стало одним из самых любимых.

Монгольская Гэсэриада — прозаическое произведение, бурятская — называется в стихах. Буряты считают улигер о Гэсэре своим исконно народным произведением, и хотя это имя проникло, скажем, в унгинскую версию не раньше XVI века, для бурятов Гэсэр — свой, на бурятской земле, в тайге, заново рожденный герой, и старики любят показывать места его битв и походов в Унге и Тунке.

У Гэсэра в эпосе — три жены. Следует предположить, что все они были раньше героинями самостоятельных улигеров. Есть отдельно бытующие улигеры и о героях — соратниках Гэсэра. Можно думать, что различные улигеры были в конце концов объединены вокруг имени Гэсэра в единую, общенациональную поэму. Поэтому, возможно, и стали улигеры о Гэсэре венцом эпического творчества бурятов, вобрали в себя все поэтические богатства народа, созданные им художественные образы.

Поэтика Гэсэриады высокоорганизована. Сказители хорошо чувствуют ритм и размер, пользуются приемами ускорения и замедления ритма. Они умело варьируют различные созвучия, аллитерации, внутренние и конечные рифмы. Часто пользуются сказители и таким приемом, как параллелизм — психологический и синтаксический. Эпитет свеж, нов, хотя и наблюдается, как это свойственно каждому эпосу, устойчивость излюбленных определений: черный и желтый цвета носят, как правило, отрицательный характер, в то же время желтый цвет определенных предметов — рукояти меча, кисти головного убора — воспринимается как положительный. Положительными цветами всегда являются белый, красный, серебряный.

Широко в эпосе используются распространенные метафоры, гиперболы, пословицы, загадки, антитезы.

О богатстве поэтических средств Гэсэриады русские читатели получают представление по поэтическому переводу трех ветвей бурятского эпоса, исполненному известным переводчиком Семеном Липкиным.

Гэсэр звучит как гимн мирной жизни. После трудного, но победного похода Гэсэр решает так:

Наступило желанное время!
Ни к чему походное стремя,
Ни колчанов не надо, ни стрел,
Не нужны ни мечи, ни луки!

Первооткрывателем бурятского эпоса был этнограф-фольклорист М. Н. Хангалов. Его прозаический пересказ стихотворной эпопеи «Абай-

Гэсэр» был опубликован в 1893 году Г. Н. Потаниным в книге «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (т. II, СПб.).

Советский бурятский писатель Намжил Балдано много лет работал над составлением сводного варианта бурятского эпоса и опубликовал этот вариант под названием «Абай Гэсэр хубун» на бурятском языке в Улан-Удэ в 1959 году.

Сводный текст почти целиком основан на унгинской версии Гэсэриады и содержит двадцать четыре тысячи стихотворных строк. Редакторы свода полностью сохранили содержание, поэтическую форму, стиль народных улигеров, отсекая только те эпизоды, которые не имели прямого отношения к развитию единого сюжета. Язык сводного варианта таков, что он доступен всем бурятам, проживающим на огромной территории и говорящим на разных диалектах. Составитель проявил достаточно такта и умения, чтобы сохранить образный, народный строй языка. Читатели полюбили сводный вариант: книга разошлась быстро.

В бурятских улигерах говорится: красивую землю красит человек. Хочется сказать: красивые сказания красят человека. Красотою жизни, как нам кажется, дышат эти строки:

Там, где вечное море Манзан,
Где бессмертья шумит океан,
Где в цветущей долине Морэн
Каждый камень благословен,
Где раскинулась величаво
Ранних жаворонков держава,—
На земле, где родился и рос,
У реки, чью испил он воду,
Богатырь, защитивший свободу,
Тот, кто счастье народу принес,
Мир и благо людскому роду,—
Стал Гэсэр, заступник добра,
Светлой жизни вкушать веселье.
Эта радостная пора
Продолжается там доселе.

Так мечтал бурятский народ в своем героическом эпосе. Поэма о Гэсэре — народное достояние. В этом полном поэзии древнем эпосе угадываются богатырские деяния народа, осуществленные в наше время.

Алексей Уланов

Гэсэр

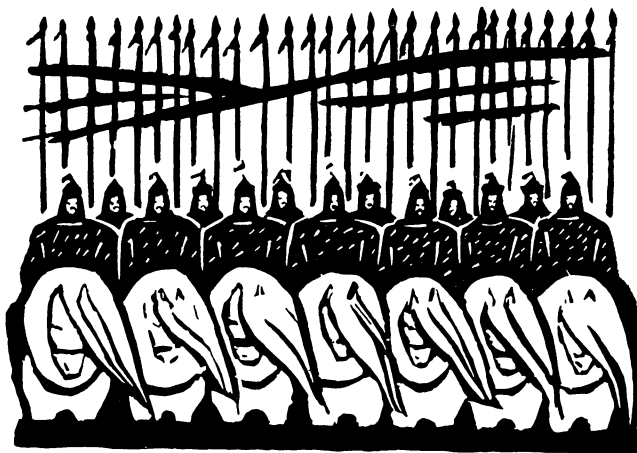

ЗАПЕВ

Тридцать стрел из колчанов
Извлечем и покажем.
Тридцать славилось ханов —
Об отважном расскажем.
Двадцать было ларцов,
Где хранили мы стрелы.
Двадцать было борцов,
А один — самый смелый!

Мы позвать не забыли
Старцев, живших до нас.
Стародавние были
Мы расскажем сейчас.
Как созвездия юга,
Пусть не гаснет рассказ, —
Только слезы у друга
Пусть прольются из глаз.

Будем петь до мгновенья,
Что рассвет нам принес,
Будем петь до забвенья,
До восторга и слез.

*Будем петь, чтоб соседи
У окошка столпились,
Чтоб на нашей беседе
Люди в песню влюбились!*

*У священного дерева
Девять длинных ветвей.
Вот сказанье Гэсэрово —
Тоже девять ветвей.
Ствол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.*

А-э-э! А-э-э!

*Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться?
Родословной могучих
Почему б не заняться?*

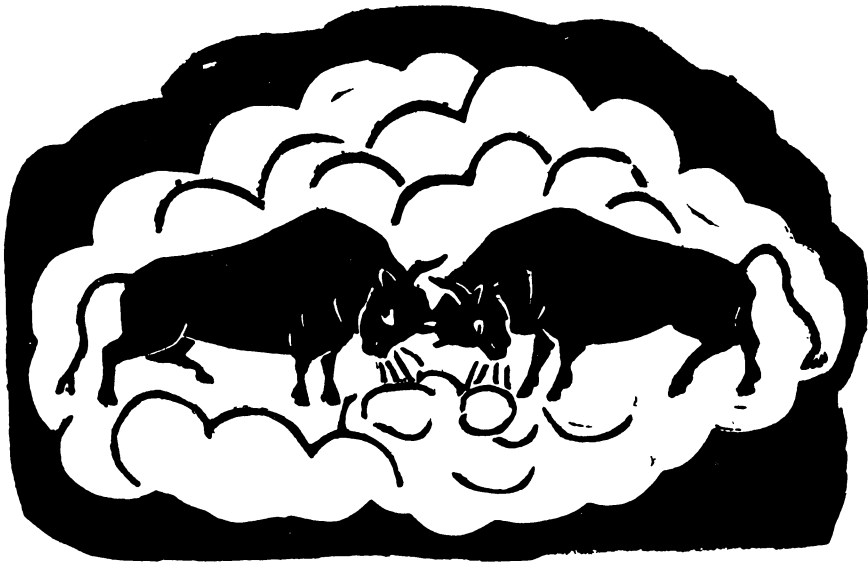
А-э-у! А-э-у!

ВЕТВЬ ПЕРВАЯ

ИСТОКИ ЛЮДСКИХ СУДЕБ

КОГДА ЭТО БЫЛО

Это было, когда начало
Изначальное рассветало;
Загоралось первое зарево,
Созидалось первое марево;
Не всходила еще трава,
Не звучали еще слова
В первый раз поведанной былью,
И была еще легкой пылью
Наша твердая мать-земля,
А могущественная змея
Безобидным была червяком,
Грязной глины жалким комком,

А Сумбэр-гора¹ — бугорком;
Великанша-рыба тогда
Незаметным была мальком;
Океан, что бушует кругом,
Что волшебным богат молоком,
Был ничтожной лужей тогда;
Бурных рек не шумела вода.

Это было, когда сандал
Благовоньем не обладал,
А пятнистая самка марала
Чистой нетелью пребывала;
Пребывало в недвижной мгле
Все, что ныне растет на земле;
Исполинская лебедь была,
Словно слабый галчонок, мала;
Были грозные скакуны
Только что на свет рождены;
Не имелось в те времена
Ни обычных, ни ханских дорог;
Не гремела еще война;
Ни восточный, ни западный бог
Не знавали еще вражды;
Боевые свои ряды
Небожители не созывали,
А воители не воевали.

Это было до наших лет,
Сказ не сделался делом живым,
И от серого черный цвет
Был в ту пору неотличим;

¹ С у м б э р — мифическая гора, находящаяся, по воззрениям буддийской космогонии, в центре мира.

Не была еще борода
Эсэге-Малана седа,
И была еще в те года
Мать Эхэ-Юрен молода;
Мощью смелою Хан-Хурмас
Небеса еще не потряс.

Это было еще до тех пор,
Как предание стало сказкою,
Как вступили в суровый спор
Краска белая с черной краскою.
Мир не знал, что на свете есть
Вековые ссора и месть,
Не был злобным еще великан,
Небожитель Атай-Улан.
Не кружились в круженье живом
Небеса с Белым Швом, с Белым Швом ¹,
Не кипели еще день за днем
Небеса с Белым Дном, с Белым Дном; ²
На страницах времен, где блестело
Все, что ныне открылось для глаз,
Исполнялось заветное дело,
Совершался поведанный сказ...

БОГАТЫРИ ЗАПАДНЫХ НЕБЕС

Был на Западе Хан-Хурмас,
В богатырской красе боевой,
Над властителями главой:
Над пятьюдесятью пятью
Небожителями главой.

¹ Белый Шов — Млечный Путь.

² Небо с Белым Дном — небо в ясную погоду.

Как родился он в горнем краю,
С ним играл, веселясь и шутя,
Поднимал к подбородку дитя,
Убаюкивал и качал
И воспитывал-поучал,
Чтоб могучим рос мальчуган,
Тот отец Эсэге-Малан,
Что владыкой был девяти
Запредельных небесных стран.
Сотворил он светлую твердь,
Сотворил он и жизнь и смерть
Запредельных семи держав.

О Хурмасае начнем, сказав:
С первых дней обмывала его,
Дорогим называла его,
У груди согревала его,
Пеленала, растила его,
Чтоб возвысилась сила его,
Матушка Эхэ-Юрен,
Что была началом тепла,
Что опорой вечной была
Тысячи белых небес.

Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Небожителей госпожа,
Бабушка Манзан-Гурмэ
Восседала, в руке держа
Чашу разума и добра,
Сотворенную из серебра.

Хан-Хурмас был войска главой.
С жизнью жизнь, голова с головой
С ним сроднилась Гэрэ-Сэсэн,
Разостлавшая войлок-потник,
Даровавшая света родник,
Наставлявшая сыновей,
Воспитавшая дочерей,
Не скрывавшая ясного облика,
А служило ей зеркалом облако!

Хан-Хурмас был счастливым отцом
Трех здоровых сынов-силачей,
Чернобровых трех дочерей,
Был главой тридцати и трех
Многомощных богатырей,
И трех братьев — земных царей,
И трех сотен знатных вождей,
И трех тысяч ратных людей.

Старший сын его, белый сын,
Знаменитый и смелый сын,
Обитал на вершине горной.
Был, как ястреб, конь его сер,
Был быстрее, чем ветер черный.
Богатырь Заса-Мэргэн
Много сделал хороших дел,
Много дел дурных разглядел,
Разгонял он тьму и туман,
Побеждал он зло и обман.

Средний сын его, красный сын,
Обитал на одной из вершин,
Где прозрачные облака.

Был он крепкий и сильный воин,
С шеей толстой, как у быка,
Был он телом упруг и строен, —
Мощноруких, широкоплечих,
Не страшился в сраженьях-сечах
Богатырь Бухэ-Бэлигтэ!

Младший сын его, третий сын,
Обитал среди горных теснин,
Обладал бездонным умом,
Обладал соловым конем.
Он, как беркут, на подвиг летел, —
Для великих рожденный дел,
Богатырь Хабата-Герэл.

Белоцветная старшая дочь
Всем стремилась в державе помочь.
Воскрешала она мертвецов,
Вдохновляла она храбрецов,
Исцеляла она больных,
Вразумляла она дурных,
Одаряла бедных людей,
В силачей превращала детей
И в могучих коней — жеребят.
Об Эржэн-Гохон говорят:
Для мужчин — блаженством была,
Среди жен — совершенством была!

Красноцветная средняя дочь,
Красоты своей власть утверждая,
Чувства чувствующих возбуждая,
Думы думающих пробуждая, —
Всех чистейших из всех сторон
Превзошла своей чистотою,

Целомудренной, молодою,
Дочь владыки Дуран-Гохон.

А последняя, младшая, дочь
С колыбельных дней, с первых дней
Всех прилежней была и умней,
Работящая, с доброй улыбкой
И с походкой плавной и гибкой.
Белый цвет в чистоте берегла,
И ягнят берегла без числа,
И старалась, чтоб зелень росла,
Молодая Сэбэл-Гохон.

Чтобы дальше вести рассказ,
Мы на землю взглянем сейчас.
Там трех братьев Хурмаса найдем,
Трех властителей в мире земном.
Был из младших старшим — Саргал.
Книгу белых указов держал.
Белолиц и белоголов,
Он скакал на белом коне,
Обитал он в Белой Стране,
Где дороги — белей облаков.

Средний брат жил в стране Сурагта,
Где неведома доброта,
Где дороги полны черноты,
Словно черные облака,
Где указы полны клеветы,
Словно сердце клеветника.
Обладал он черным конем
И душой с черно-мутным дном,
А на дне — и злость и обман.
Имя хана — Хара-Зутан.

С чистой, честной душой властелин,
Третий брат жил в стране Тэгэшин,
Где дороги издалека
Голубели, как облака.
Сэнгэлен был славен повсюду.
Конь его был равен верблюду.
Книга синих указов его
Почиталась, подобно чуду.

А среди тридцати и трех
Небожителей-богатырей
Всех важнее и всех смелей
Был могучий Буйдан-Улан.
Был отцом его — Холод-Буран.
Грудь его была широка,
А спина — спина смельчака.
Был он мощным и сильноруким,
Обладал он упругим луком,
В тучах тающею стрелой.
У него был скакун-иноходец,
Что меж небом летел и землей.

А второй из тех силачей
Был грозой для коварных мечей.
Был грозой для громил и задир,
Изумлял он отвагою мир.
То — Бургы-Шумар, чей отец —
Белоликий Заян-мудрец.
Был он с делом битвы знаком,
Был он самым метким стрелком.
Рядом с красной зарей, в вышине,
Над простором земных дорог,
Он скакал на гнедом коне,
Что от выстойки был тонконог.

Третий воин — строг и суров,
Третий воин — страх для врагов.
То был с крепкой костью стрелок,
То был с меткой злостью стрелок,
Чья стрела, как звезда, быстра.
Он скалу превращал в песок,
И, как пыль, рассыпалась гора,
Если гору толкал он ногой.
Был у воина конь лихой,
Масль коня — как сама заря.
Этот воин — Эржен-Шумар,
Сын Ойдóла-богатыря.

А четвертый был крепок станом,
Назывался Бэге-Буйланом.
Трепетали пред ним враги.
Был он отпрыском Бударгí,
Исполина белых небес.
Все дробил он, что грязно и серо,
Все измерил, чему есть мера,
Взвесил все, что имеет вес.
Возвышаясь, подобно скале,
И сражаясь на правом крыле,
Он и левое видел крыло.
Сокрушал он подлость и зло.

Пятый, песнями знаменитый,
Был от всякой беды защитой,
Был броней от всякой опасности.
Столько в песнях его было власти,
Что, когда он пел, вдалеке
Закипала вода в реке.
Так был звучен его напев,
Так богаты мыслью слова,

Что на голом камне трава
Разрасталась, зазеленев.
Доставлял он много услад.
Получал он много наград —
Богатырь Нэхур-Нэмшэн.

А шестой — совсем молодой
Богатырь, пятнадцати лет —
Был покрыт железной броней,
Был в кольчугу и панцирь одет.
Были мышцы его сильны.
Он, как вихрь, летел на просторе —
Обладатель могучей спины
И груди широкой, как море.
А его богатырский лук
Был изделием Бухары ¹.
Были желтые стрелы остры.
Золотым был его колчан.
Этот воин, Эрхэ-Манзан,
Был хозяином друга-коня
Цвета крови и цвета огня.

Было тридцать и три удалыца:
Если речь мы начнем о них,
Никогда не дойдем до конца.
Рассказали о шестерых,
Не забудем и остальных:
Девять сильных стояли у горна,
Девять было лихих кузнецов,
Девять молотом били упорно,
А всего — двадцать семь храбрецов.

¹ Бухарские луки славились на Востоке. Здесь — анахронизм, поскольку действие происходит еще до возникновения жизни на земле.

БОГАТЫРИ ВОСТОЧНЫХ НЕБЕС

Н а востоке, в заоблачной шири,
Тоже были богатыри,
Повелители и цари.
Было сорок их и четыре.
Возглавлял их Атай-Улан...
Чтобы крепким рос мальчуган,
С ним играл, веселясь и шутя,
Поднимал к подбородку дитя,
На коленях его держал,
Поучал, на бой снаряжал
Тот отец Абарга-Саган,
Что верховных владыкою был
Запредельных тринадцати стран,
Что явился на свет, когда
Зарождались месть и вражда.

С первых дней для сына была
Родником любви и тепла
Матушка Хара-Манзан,
Та, что мальчика согревала,
Пеленала и обмывала.
Было сладким объятье ее,
Щегольским было платье ее,
С тонкой кисточкой шапка была,
А сама круглолицей была,
Госпожой, царицей была!

С ним составив семью и племя,
С ним слила на вечное время
Сердце, душу свою и уста
Та, чья дума была чиста,

Мать могучих трех сыновей,
Наилучших трех дочерей,
Госпожа Гунгэр-Сэсэн.

Был Атай-Улан удальцом,
Был он трех сыновей отцом.
Трех красивых имел дочерей.
Возглавлял он богатырей,
Чье число — шестьдесят и шесть,
Ремесло — смертный бой и месть.
Возглавлял Атай-Улан
И шесть сотен знатных вождей,
И шесть тысяч ратных людей.

Старший сын его — белый сын.
С ним сравниться не мог ни один
Из господ небесной страны.
Оценить его? Нет цены!
Были мышцы его сильны,
В три обхвата широкая грудь.
Беломастным владел он конем,
Белизною сверкал его путь.
Говорили всюду о нем:
Славный воин Саган-Хасар —
Не осилит его верховод,
Не догонит его скороход!

Средний сын, красноцветный сын,
Был превыше горных вершин,
А глаза его были как сталь,
Подчинялись им близь и даль,
Был глубокий ум у него,
Подчинялось ему колдовство.
По багровой скакал стороне

На пятнисто-буланом коне
Красноцветный Шара-Хасар.

Самый младший, последний сын
С крепкой костью был исполин,
С шеей толстой, как у быка.
Мощь его была велика.
Только в черное был он одет,
Признавал только черный цвет,
Только в серый цвет проникал,
А скакун его черноногий
По одной лишь дороге скакал —
По туманной, черной дороге.
Вот каков был Хара-Хасар!

Всюду славилась старшая дочь
Как великая мастерица.
Круглолица была, белолица!
Девять — с воротом — одеяний
Вышивала из шелковой ткани,
Что была, как ладонь, мала,
Вышивала из шелковой ткани,
Что не больше пальца была,
Двадцать — с воротом — одеяний.
И художеством и мастерством
Всех затмила в мире живом
Та царица Алтан-Хурабша.

На ладонях нежных своих
Десять хитрых волшебств держа,
И на кончиках пальцев своих
Двадцать мудростей тонких держа,
Прославлялась и госпожа,
Повелителя средняя дочь.

Так была собой хороша
Та царевна Мунган-Хурабша,
Что причиной раздоров была,
Что предметом споров была
Для небесных богатырей.

Всех считалась умней и добрей
Повелителя младшая дочь,
Чья походка плавной была.
Ослепляла она зеркала,
Та царевна Уен-Сэсэн!
И скромна была, и мила,
В небольшом она доме жила,
Но зато обладала большой,
Как безбрежное море, душой.

СРЕДИННОЕ НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО

На небесном своде высоком
Между Западом и Востоком,
Меж могучими посередине,
В голубой, счастливой долине
Жил почтенный Сэгэн-Сэбдэг.
Отвергал он Запада власть,
Не желал пред Востоком пасть.
Он травой, скотом был богат,
На Сэсэн-Уган был женат.
Жил народ его благодатно:
В день питался он троекратно,
Наслаждался у всех на виду
Троекратным счастьем в году.

В незабвенное это время
Утверждаться начало племя

Белых западных небожителей.
В это время на небе восточном
Становилось мощным и прочным
Государство черных воителей.
У Сэсэн-Уган в это время
Округлялось желанное бремя:
Между двух враждебных сторон
Родилась у Сэгэн-Сэбдэга
Дочь-царевна Сэсэг-Ногон.

Над владением Серединным
Каждый стать желал господином:
Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Властелины небесных стран,
Силу пробовали свою,
Но пока еще не в бою:
Ханы спорили десять лет —
Шел обман за коварством вслед,
Ханы спорили двадцать лет —
Вслед за хитростью шел навет.
Ханы трижды прошли вокруг
Мироздания нового, юного
И четвертый проделали круг
От простора земного до лунного...

БОЛЕЗНЬ ДОЧЕРИ СОЛНЦА НАРАН-ГОХОН

В эти дни у Наран-Дулана,
У противника мглы и тумана,
В доме Солнца-богатыря,
Побеждавшего черную ночь,
Вырастала сама заря,
Вырастала красавица дочь.

А в руках у Атай-Улана
Двадцать два было страшных дурмана
И двенадцать волшебных сил.
Эти силы он в дело пустил,
И, рожденная Солнцем царица,
Стала чахнуть Наран-Гохон,
Стала кашлять она каждодневно...
Дочь три года уже больна, —
Нет у Солнца-отца лекарства,
Нет спасенья от колдуна
Из Восточного государства!

...В стародавнем рукописанье
Изначальных, первых времен
Было грозное предсказанье:
Коль погибнет Наран-Гохон,
То восточные сорок четыре
Небожителя власть свою
Утвердят в заоблачном мире
Над пятьюдесятью пятью
Храбрецами Западной части —
И не будет конца этой власти.

Храбрецы — пятьдесят и пять —
Стали девушку лечить,
Но старанья были впустую —
Не смогли исцелить больную.

Не умея царицу спасти,
Не найдя к исцеленью пути,
Пятьдесят и пять лекарей —
Небожителей-богатырей —
Обратились к той, что была
Их верховною госпожой,

Обладавшей мудрой душой,
Чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра, —
К бабушке Манзан-Гурмэ.

Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Бабушка Манзан-Гурмэ
Заглянула в книгу священную.
То, что нужно, найдя сперва,
Охватила мыслью вселенную
И такие сказала слова:

«На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Где никто не видал очага,
Вьется жаворонок Азарга.
На груди — древних букв серебро,
Тонко вывело буквы перо,
И сверкает на солнце спина —
Золотые на ней письма.
Если поймана будет птица,
Сразу девушка исцелится:
Приложите к спине спиной,
И к груди — другой стороной, —
Возвратите здоровье больной!»

Восседа, сказала сказ
И, привстав, отдала приказ
Бабушка Манзан-Гурмэ,

Чтоб явился к ней в тот же час
Без других храбрецов, один,
Богатырь, чей отец — Хурмас,
Средний сын его, красный сын,
Удалец Бухэ-Бэлигтэ.
И старуха богатыря
Похвалила за послушанье
И поведала предсказанье,
Слово истины говоря:

«Коль погибнет Наран-Гохон,
То погаснет, зайдет заря.
Над пятьюдесятью пятью
Храбрецами в Западной шири
Станут властвовать сорок четыре
Властелина Восточных небес.
Если ж выздоровеет царица
И возрадуется душевно,
То заря будет ярко сиять.
Храбрецы — пятьдесят и пять, —
Исполины Западной части,
Обретут желанное счастье.
Надо Солнцем рожденную дочь
Исцелить — и низвергнуть ночь,
Чтоб избавить нас от напасти.
Наступил испытанья час.
Воин, послушай мой наказ.

На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Вьется тот, кто спасет от врага:
Белый жаворонок Азарга.

На груди — древних букв серебро,
Тонко вывело буквы перо,
И сверкает на солнце спина —
Золотые на ней письма.
Если поймана будет птица,
То Наран-Гохон исцелится,
Но должна быть птица живой.
Ты ее не срази стрелой,
Целься в жаворонка умело,
Постарайся, чтобы в глазки
Наконечника птица влетела,
А когда совершишь это дело,
Мы приложим к царевне больной
Эту птицу — к спине спиной,
И к груди — другой стороной.
Только так, при этом условии,
Возвратится к царевне здоровье».

Поучала среднего внука
Бабка мудрая и седая,
И нелегкой была наука.
Удивляясь, недоумевая,
Вопросил Бухэ-Бэлигтэ:

«Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться!
Я, охотясь, по небу мчался,
Обошел и леса и луга,
Но ни разу не повстречался
С белым жаворонком Азарга.
Где находится эта птица?
Где летает и где гнездится?»

И от бабки он слышит наказ:
«У отца спроси, говорит,
Пусть ответит тебе Хурмас».

Средний сын, красноцветный воин,
Словом бабки своей расстроен,
Задаёт Хурмасу вопрос.
Тот подумал и произнес:
«В молодые, смелые годы
И позднее, в зрелые годы,
Эту птицу встречал я порою...
Там, где ночь расстается с зарею,
На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Белый жаворонок трепетал.
Я серебряные читал
На груди его письма,
Мне сверкала его спина —
Золотые на ней письма.
Вместе с ним трепетал я, читая,
Открывалась мне то золотая,
То серебряная страница.
Но исчезла с тех пор эта птица,
Не встречал я ее нигде...»

Средний сын, Бухэ-Бэлигтэ,
В путь-дорогу решил отправиться,
Птицу жаворонка поймать,
Чтобы вылечилась красавица.
Он достал свой лук и колчан,
Поскакал, сквозь рассветный туман,
На отцовском гнедом коне
К неизведанной стороне.

БЕЛЫЙ ЖАВОРОНОК ИСЦЕЛЯЕТ ДОЧЬ СОЛНЦА

Конь Бэлыгэн, скакун удалой,
Между небом летел и землей,
Там, где дали густеют и меркнут,
То как белка мелькал, то как беркут.
Вдруг замедлил он бег торопливый,
Будто сразу почуял усталость:
Там, где с ночью заря расставалась,
Где дрожали ее переливы,

На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Белый жаворонок трепетал,
Трепетал-напевал, взлетая,
Наизусть две страницы читая:
На спине у него — золотая
И серебряная — на груди.
Погляди, богатырь, погляди,
Эта птица не просто ловится:
То былинкой она становится,
То, в пылинку величиной,
В синеве пропадает сквозной.
Но ее изловить готовится
Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ.

Богатырь, свой стан наклоня,
На развилке дорог небесных
Останавливает коня.
Он у предков помощи просит:
Вызывая сверканье огня,
Он заклятие произносит
Над хангайской ¹ черной стрелой.
Вызывая тяжелый дым,
Над ее опереньем густым
Причитание произносит:
Пусть, пернатая, счастье приносит,
Пусть стрела как следует прянет,
Но чудесную птицу не ранит,
Чтоб живым трепетанием тело
Трепетало, чтобы в глазки
Наконечника птица влетела!

¹ «Хангайский» означает «могучий», в иных случаях «великий».

Принялся богатырь за дело.
Он пустил из лука стрелу.
Поднялась стрела, засвистела,
И пронзила она облака.
«У стрелы быстрота — от стрелка,
У коня — от его седока».
Так подумал он, выжидая...
Засвистела стрела Хангая,
Возвратилась назад стрела
И, охотника радуя смелого,
В наконечнике принесла
Птицу — жаворонка белого,
Невредимого и целого!

Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ,
Средний сын, что был краснолик,
Утверждает: «Я цели достиг!»
Воскликает: «Сделано дело!»
На отцовском гнедом коне
До родного домчался предела.

Вот и коновязь золотая.
Вот и бабка Манзан-Гурмэ
Возвышается, восседая,
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра,—
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться!
Богатырь пред ней предстает,
Молча бабке своей подает
Птицу — жаворонка белого,
Невредимого и целого!

Бабушка Манзан-Гурмэ,
За старанье благодаря,
Похвалила богатыря.

А затем от недуга-врага
Белым жаворонком Азарга
Начала царевну лечить.
С дивной птицей, дарующей милость,
Над Наран-Гохон наклонилась,
Приложила к спине спиной,
И к груди — другой стороной.
Белый жаворонок Азарга
Исцеленье приносит больной,
Будто всасывает в себя
Яд болезни ее затяжной.
Перестала кашлять царевна,
Поправляется каждодневно:
День за днем и за ночью ночь
Крепнет Солнца юная дочь,
А болезнь убирается прочь!

И седая Манзан-Гурмэ
Весела всей великой душой,
Рада радостью самой большой,
Птицу — жаворонка Азарга,
Благодарная, освятила
Долговечным своим молоком
И на волю, ввысь отпустила,
И увидели все кругом,
Что царевна юная снова
Весела, красива, здорова,
Что на Западном небе опять
Храбрецы — пятьдесят и пять —

Стали радостно жить-поживать,
А воители неба Востока
Стали западным издалёка
Битвой-мestью грозить-угрожать.

ХАН-ХУРМАС ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ

Дальше сказывается сказ.
Произнес как-то слово Хурмас,
Повелитель богатырей:
«Что мне мясо баранье и бычье?
Мне другой захотелось добычи —
Поохочусь на диких зверей.
Погляжу на стада-табуны,
На людей мне подвластной страны,
Погляжу на свою державу,
А потом, говорит, на славу
Я устрою охоту-облаву».

Хан-Хурмас произнес это слово,
Стал коня снаряжать гнедого.
Возвышался Бэльтэн, как гора.
Как у зайца, уши остры.
Недоуздок из серебра,
И блестит серебро узды.
Принялся богатырь за труды.
Он повел коня по камням,
Чтоб копыта стали тверды,
Он по льду повел скакуна,
Чтобы круглыми стали копыта,
А потом с утра дотемна
Стал поить его черной водой,
На равнине его стреножил,

Чтобы ястребом взвился гнедой,
На вершине его стреножил,
Стал кормить прошлогодней травой,
Чтобы конь свою мощь умножил,
Чтоб как сокол парил боевой!

У коня из бархата холка,
А потник — из лучшего шелка.
Скакуна седлают седлом,
И сверкает оно серебром,
И нагрудник из серебра,
И нахвостник из серебра.
Перетянута туго-туго,
За подпругой видна подпруга,
Крепкий повод, красивый, тугой,
За седельной закинут лукой,
За седельной подушкой — плеть,
Хороша ее рукоять...
На таком бы коне сидеть,
На таком бы коне скакать!

Скакуна, что дышал привольем,
Хан-Хурмас к серебряным кольям,
К светлой коновязи привязал,
Посмотрел на него и сказал:
«Он готов для охоты вполне —
Приготовиться надо и мне!».

Облачил он в сорочку тело,
А холстина, как снег, блестела,
Из парчи он рубаху надел,
На одежды свои поглядел
И отменные выбрал штаны,
Из лосиной сшитые кожи,—

Словно печень, они черны,
И на замшу они похожи.
А потом сапоги натянул,
Что из рыбьей сделаны кожи, —
Черной юфти она дороже.
А потом на плечи надел
Из парчи накидку-дэгэл —
Богатырское облачение.
Только пальцем большим шевельнул —
И все семьдесят медных застёжек
Сразу пальцем одним застегнул!
Он потом свой стан затянул
Кушаком извитым, прославленным,
Серебром и золотом оправленным.
Он кольчугу надел и щит —
Ничего их не устрасит:
Ни равнин дожди многодневные,
Ни дружин вожди многогневные!

Он соболью шапку надел,
Что казалась огромной копной,
Кисть была словно холм травяной
И дрожала от ветра дорог.
Нацепил он на правый бок
Закаленный булатный меч,
Сотворенный для ратных встреч:
Он на восемьдесят шагов
Удлинялся при виде врагов
Иль сжимался на восемь шагов,
И при этом он был таков:
Острие — хитрей колдуна,
На ребре видны письмена.
Он привесил налучник стальной
Шириною в простор степной,

Нацепил он колчан, шириной
Равный узкой долине речной.
Он упрятал в налучник свой
Желтоцветный лук боевой
С крепкой шелковой тетивой,
С завитками из козьих рогов
И опасный для грозных врагов.
«Все готово, — подумал Хурмас, —
В путь-дорогу пора в добрый час».

Он выходит на двор, величавый
Повелитель небесной державы.
Открывает хангайскую дверь
Из чистейшего перламутра,
Без соринки, светлый, как утро,
Позади оставляет порог —
Белоснежный мрамор Хангая,
И по лестнице из серебра,
Ни ступеньки не пропуская,
Он спускается со двора.
А попробовали б спуститься
Жеребенок и кобылица!
А пошли бы за смельчаком
Кобылица да с лончаком!

Подошел он к серебряным кольям,
Где стоял на привязи конь,
Наслаждаясь небесным раздольем.
Хан-Хурмас погладил гнедого,
Приласкал коня удалого.
Взял он повод в левую руку,
Взял он плетку в правую руку,
Быстро ноги вдел в стремяна,
На гнедого вскочил скакуна

И уселся крепко в седло
Из якутского серебра,
Возвышаясь, точно гора.
Круг проделал он, повторяя
Светлый солнечный круговорот,
И, как вихрь, помчался вперед —
Только пыль взметнулась густая,
Только шапки высокая кисть
Трепетала нитями алыми,
Развевалась над серыми скалами.

Путь Хурмаса давно ли начат,
Долго ль, коротко ль едет-скачет,
А до северной стороны,
Где паслись стада-табуны,
Доскакал властелин страны.
Оказался несметным скот,
Лошадям был потерян счет,
И китаец ¹ белобородый
Охранял овец и коней
Наилучшей, ценной породы.

Поздоровался с ним Хурмас,
И, насколько хватал его глаз,
Он увидел стада-табуны:
Овцы тучны, а кони сильны,
Не убавились овцы в числе,
Не убавились кони в числе,
Стало больше их, стали крупней.
И решил небожитель Хурмас:
«Напою овец и коней».

¹ Здесь опять анахронизм.

И к великой реке тогда,
Где черна, кипуча вода,
Он погнал табуны-стада.
То покрикивал криком тонким,
То покрикивал криком звонким,
То покрикивал громко, в голос,
И от криков степь раскололась
Под ягненком и жеребенком!

Он пригнал бесчисленный скот
К необъятной черной реке.
Стадо, вырвавшееся вперед,
Жадно воду чистую пьет,
А стоящее вдалеке
Лижет камни, тонет в песке.

Хан-Хурмас поскакал на юг.
Сколько пастбищ было вокруг,
Сколько было коров и быков
На зеленом просторе лугов!
Охранителем этих стад
Был китаец черноголовый,
И при нем быки и коровы
Приумножились: их число
С каждым днем росло и росло!

Говорит глава смельчаков:
«Напою коров и быков!»
И к реке он погнал стада,
Где желта и обширна вода.
То скрипучий крик издавая,
То могучий крик издавая,
То склоняясь к коню, то вставая,

Он пригнал бесчисленный скот
К необъятной желтой реке.
Стадо, вырвавшееся вперед,
Жадно воду чистую пьет,
А стоящее вдалеке
Лижет камни, тонет в песке.

Вот, оставив стада-табуны,
Хан-Хурмас поскакал то степью
Непомерной длины-ширины,
То сухой недотрогой-пустыней,
То крутой дорогой нагорной.
До тайги доскакал он синей,
До тайги он добрался черной.
Только тех промышлял зверей,
Кто побольше был, пожирней,
Малых, тощих он отпускал.
Долго он по тайге скакал,
Он и соболя изловил,
И стрелою сразил бобра,
Что белее был серебра.

На коня он навьючил добычу.
Навострил свои уши гнедой
И, внимая походному кличу,
Из тайги помчался домой.
Если тихо всадник скакал,
Замедляя бег скакуна,
Пыль вздымалась, мутна и черна.
Если с шумом всадник скакал,
Убыстряя бег скакуна,
То под ним сотрясался дол
И взлетали тяжелые комья,
Что размером были с котел.

Прискакал стрелок и храбрец,
Прискакал Хурмас во дворец.
Возле коновязи своей
Придержал он коня гнедого.
Сбросил влево одних зверей,
Сбросил вправо других зверей,
А потом сказал свое слово:
«Чтобы шубы сшить, отберите
Тех, которые попышнее,
Чтоб людей накормить, сварите
Тех, которые повкуснее!»

Вот хозяйка Гэрэ-Сэсэн
В богатырском небесном чертоге
Попросила мужа присесть
За широкий стол восьминогий,
Пригласила попить-поесть,
Насладиться отменной едой,
Что на скатерти золотой
Стали ставить пред ним повара,
А на скатерти из серебра
Тоже было немало пищи!
Небожитель, поев, достает
Из похожего на голенище,
Из кисета на правом боку
Горсть легчайшего табаку,
И табак он бросает в трубку,
Что размером с детскую шубку,
Высекает кресалом искры,
А кресало — что крупный лось.
И как только пламя зажглось,
Закурив, стал сосать он трубку,
Поднимал он шум, как вулкан,
Стался горький дым, как туман.

ХАН-ХУРМАС ПОСЕЩАЕТ СРЕДИННОЕ ЦАРСТВО
СЭГЭН-СЭБДЭГА

Так подумал властитель страны:
«Осмотрел я стада-табуны,
Я устроил охоту-облаву,
На коня я сяду опять,
Погляжу на свою державу».
Он отправился к северным жителям
Своего небесного края.
Прибыл в гости, милость являя,
Подошел к старикам предводителям.
Словно старший, одних приветствовал,
Словно младший, других приветствовал.
Тем, кто спрашивал, он отвечивал,
А потом он и сам расспрашивал,
Он учтивостью разукрашивал
Благосклонную, умную речь, —
И сердечней не было встреч.
«Здесь, на Севере, ваш народ
Лучше прежнего ныне живет,
Он теперь богат и велик», —
Так сказал ему главный старик.

Вот, внимая напутствиям дружным,
Хан-Хурмас повернул коня,
И, отраду в душе храня,
Он отправился к подданным южным.
Долгим был его путь иль коротким,
А Хурмасу был он знаком.
Как с ровесником-одногодком,
С главным встретился стариком.
Вот подходят учтиво друг к другу,
Подают они правую руку,

Жаждают в сердце дружбу сберечь.
У обоих — честная речь,
И правдив у обоих язык.
Так поведал главный старик:
«Здесь, на Юге, ваш добрый народ
Лучше прежнего ныне живет,
Стал сильнее во много раз».

И возрадовался Хурмас,
Возвратиться решил назад,
Но внезапно он бросил взгляд
На дворец, что виднелся в тумане,
В дымке-мареве утренней рани.
А владел им Сэгэн-Сэбдэг,
Тот, кто горя не знал вовек,
В голубой проживая долине,
Меж могучими посередине,
Между Западом и Востоком,
Тот, кто жил на небе высоком,
Отвергая Востока власть,
Не желая пред Западом пасть,
У кого было много стад,
Чей народ, красив и богат,
Беззаботно жил, благодатно,
В день питался он троекратно,
Наслаждался у всех на виду
Троекратным счастьем в году.

Хан-Хурмас на синий дворец
Посмотрел своим взглядом острым,
И решение воитель-мудрец
Принял в сердце своем черно-пестром,
В богатырском сердце своем:
Повстречаться пора с царем,

С благородным Сэгэн-Сэбдэгом,
Что приветлив был и умен,
И проведать Сэсэг-Ногон.

Конь гнедой под всадником взвился.
Тот помчался небесной тропой
И, замедлив, остановился
Возле коновязи золотой,
На приколе коня поставил
И шаги во дворец направил.
Вот поднялся он по богатым,
По сереброцветным ступеням —
По таким бы взбегать с нетерпеньем
Кобылицам и жеребяткам!

Он дошел до ворот дворца,
Он взбежал к серебру крыльца,
Ни ступеньки не пропуская.
Подошла б дорога такая
Кобылице и лончаку!
Дверь — сокровище из Хангая —
Уступила путь смельчаку.
Ни соринки не оставляя
На пороге, белом как снег,
Входит гость во дворец расписной,
А навстречу — Сэгэн-Сэбдэг
С благородной своей женой,
И приветствуют гостя учтиво,
С уваженьем и красноречиво.

На почетное место справа
Приглашают богатыря,
Чья грозна, обширна держава:
«Вы садитесь повыше нас!»
И садится могучий Хурмас

На почетное место справа.
Стать воителя так величава,—
Он в смущенье хозяев привел!
Вот Сэбдэг, небожитель-хан,
Вместе с ханшей Сэсэн-Уган,
Золотой накрывают стол,
Предлагают вкуснейшие блюда,
Накрывают серебряный стол —
Что ни яство на нем — то чудо,
Предлагают чашу вина —
Озерку эта чаша равна,
Предлагает мясо Уган —
Мясо высится, как курган!

Важный гость потянулся к мясу —
Отказаться не было сил.
Так понравилась пища Хурмасу,
Что он кончики откусил
Десяти своих пальцев белых,
Будто с мясом съесть он хотел их.
Восхищеньем большим восхитился
И смущеньем большим он смутился!
Растревожился хан Сэбдэг,
Но целебные вспомнил свойства,
Но волшебные вспомнил свойства
Двух красивых пальцев своих —
Указательного и большого.
Прикоснулся двумя к десяти,
Стали целыми, крепкими снова
Пальцы гостя, сильнее не найти, —
Даже крепче они и чище!

Вот, отведав питья и пищи,
Два небесных, важных царя

Стали речь вести, говоря
Об умершем и о живущем,
О прошедшем и о грядущем
И о том, что было поздней,
Чем возникшее возникало,
И о том, что было древней,
Чем древнейшей поры начало,
И о том, что было тогда,
Как водою стала вода,
Как земля землей назвалась,
Как вселенная создавалась,
Как всемирного зданья родного
В небесах воздвигалась основа.

Так вели они мудро беседу,
И сосед не перечил соседу.

В это время Атай-Улан,
Объезжая стада-табуны,
Населенье Восточной страны,
Пересек рубежи государства,
Прибыл в гости в Срединное царство.
Скакуна, что скакал с быстротой,
К кольям коновязи золотой
Привязал он поводом длинным,
И, закинув через седло
Этот повод, к двум властелинам
По ступенькам взошел тяжело,
Поздоровался, как сосед,
Произнес учтивый привет,
А Сэбдэг и его супруга
Привечают гостя как друга,
Оказав ему должную честь,
Просят справа, повыше сесть.

Было крепким рукопожатье,
Было радостным их занятие,—
Восемь дней продолжался пир.
Разливались во время встречи
И вино, и умные речи,—
Девять дней продолжался пир.
На десятые сутки веселий
Оба гостя отяжелели
И дышали уже с трудом,
Угощаясь едой и питьем.
Говорят: «Надо знать и честь —
Столько можно ли пить и есть?»

На прощанье Хурмас к Сэбдэгу
Обратился с речью такой:
«Подчинись мне по доброй воле,
Стань мне преданным, верным слугой,
На своем оставаясь престоле».

Но к Сэбдэгу Атай-Улан
Обратился с речью другою:
«Стань отныне моим слугою,
Ты отринь пятьдесят и пять
Небожителей Западной части,
Ты пойми: чтоб найти свое счастье,
Ты мое обязан признать —
Властелина Востока — господство
И моих сорока четырех
Небожителей превосходство!»

Так ответил Сэбдэг владыкам,
Двум небесным царям великим:
«Я не знаю, кому подчиниться,—
Пусть на это ответит страница
Из священной Книги Судеб.

Прочитав, узнайте: по праву
Кто получит мою державу?»

Ищут, желтую книгу листая,
Ищут, вещи строки читая,
Два верховных царя небес, —
Оказалось, что книга святая
Отказала им наотрез:
«Никакая не вправе рать
У Сэбдэга страну отобрать!»

Но Хурмасу-богатырю
Так была та страна желанна,
Что упрашивать стал он Улана:
«Ты послушай, что я говорю.
Нам с тобою спорить негоже,
Я постарше, ты помоложе, —
Уступи мне эту долину!»

Хоть восточному властелину
Не понравилась просьба такая,
Уступил он Хурмасу все же,
С ханом ссориться не желая:
Тот постарше, он помоложе —
И Хурмаса в гости позвал.
Десять дней у него пировал,
И вино вкушая и счастье,
Повелитель Западной части.
Говорит довольный Хурмас
Властелину Восточной страны:
«Я к себе приглашаю вас
На десятые сутки луны». —
И, простясь, на гнедом коне
Поскакал к родной стороне.

БОЙ БЫКОВ

Было радостным возвращенье,
Но, забыв о своем приглашенье,
За собою не зная вины,
На десятые сутки луны
Тестя вздумал Хурмас навестить —
И отправился погостить.

Но в назначенный прибыл срок
Тот, кому подчинялся Восток, —
Небожитель Атай-Улан.
Вот пред ним высокий чертог
На небесном воздвигся просторе,
Но ворота все на запоре,
Не дымятся холодные трубы...

Рассердился Атай-Улан,
Заскрипели белые зубы,
Встали дыбом белые волосы
На горячей его голове,
Он пошел — и глубокие полосы
Протянулись в высокой траве,
И дворец, где не встретил дружбы,
Обошел он тринадцать раз,
Обошел постройки и службы
Он тринадцать и десять раз,
Закричал и — страхом объятых —
Пятьдесят кочевий потряс,
Будто десять сотен сохатых
На лесистых вскрикнули скатах,
Будто подняли громкоголосье,
Испугавшись, лосихи и лоси!

Он приехал к властителю в гости,
Ожидая высокой чести,
А уехал он полный злости,
А уехал он полный мести.
Прискакал он к Сэгэн-Сэбдэгу
И с коня ему крикнул: «Ты — мой,
А не то не дожить мне до старости!»
И, дыша тяжело от ярости,
Возвратился к себе домой.

Возвратился к себе домой
И Хурмас от отца жены,
Позабыв, что позвал он гостя
На десятые сутки луны.
Вышла к мужу Гэрэ-Сэсэн
И, с обидою на супруга,
Проронила, дрожа от испуга:
«Здесь один из твоих побывал,
Тот, кого ты в гости позвал,
Но, тебя не застав, рассердился,
Твой дворец прокляв, удалился,
Обойдя его много раз».

«Пригласил я Атай-Улана, —
Сразу вспомнил седой Хурмас, —
Он и прибыл в назначенный час,
Без меня приехал сюда —
Небольшая это беда!»

Хан-Хурмас отправил к Сэбдэгу
Трех надежных, быстрых послов,
Чтобы пять поведали слов:
«Ты под властью моей отныне».

Но послы в голубой долине,
Между двух держав посредине,
Носом к носу столкнулись нежданно
С храбрецами Атай-Улана,
Три посла против трех послов!
Два посольства тогда поссорились,
И одна сторона и другая
Пред хозяином опозорились,
Грубой бранью друг друга ругая,
И прогнал их Сэгэн-Сэбдэг:
«Я ничьим не буду вовек!»

Хоть и вызвали в нем недовольство, —
Возвращались к нему троекратно
Двух небесных владык посольства
И ни с чем уходили обратно.
Поспешили к своим дворам
По небесным светлым просторам,
Доложили двоим царям,
Что прогнал их Сэбдэг с позором.

В это время в стране Сэбдэга
Повстречались быки двух владык:
Хан-Хурмаса могучий бык
С темно-синей пятнистой шкурой,
И второй — бугай красно-бурый,
Мощный поро́з Атай-Улана.

Два быка — два врага.
Чьи острее рога?
«Бык, скажи, не робей:
Ты ль сильнее и храбрей?»
Рев раздался еще раз.
«Ты ль сильнее, бурый пороз?»

Выйдя издалека,
Сходятся два быка.

Два быка, два царя,
Будто в бой не решаются,
Исподлобья смотря,
Тихо, грозно сближаются.
Сначала коснулись
Друг друга боками,
Друг с другом столкнулись
Большими рогами, —
Дрожа, всколыхнулись
Холмы под быками,
И вихри взметнулись
У них под ногами!

Длится бой восемь дней.
Кто смелей? Кто сильней?
Девять дней длится бой,
Полный злобы тупой.
Забелел день десятый —
Ослабел староватый,
Головою поник
Синий — с пятнами — бык.
Рыхлым сделалось тело,
В жилах кровь загустела.
Постепенно слабея,
Начала гнуться шея,
Как лоза, как лоза,
И, недвижно темнея,
Потускнели глаза.

С ревом бык пестро-синий
Убежал от врага.

Он топтал в котловине
И леса и луга.
Он бежал сквозь кочевья,
Он бежал сквозь тайгу,
Вырывая деревья
И кусты на бегу.
И тропа распоролась
Под бегущим быком,
А неистовый пороз
Гнался вслед за врагом.

Два противника разъярены
И не могут остановиться...
Вот и Западной стороны
Перед ними рубеж-граница.
Здесь увидел обоих быков
Хан-Хурмас, глава смельчаков.
Стал он пороза бить булавой,
И отпрянул горячий бык
С красно-бурою головой:
Повернул красно-бурый бок,
Побежал назад, на Восток.

За быком Хан-Хурмас помчался,
Вот Сэбдэга страна за курганом, —
Там воитель с Атай-Уланом
Неожиданно повстречался.
До поры столкнувшись, до времени
Носом к носу и стремя к стремени,
Друг на друга два божества,
От полдневного часа до темени,
Стали бранные сыпать слова.
Так ругались они, что трава
Тех ругательств не вынесла бремени,

Так ругались они, что сухие
Дерева рассеклись пополам,
Так ругались они, что сырые
Дерева стали падать к ногам.
Перепуталась полночь с рассветом,
Перепутались небыль и быль,
И над миром, в туман одетым,
Поднялась пугливая пыль.

Гром гремел голосами раската,
Вспыхнув, сразу же гасла зарница,
От козы отбились козлята,
И птенцов потеряла птица.
Поостыли два главаря,
Перестали ругаться-браниться
Два небесных верховных царя.
И, поставив коней на приколе,
Где береза белая в поле
Упиралась в сверканье зари,
Сели, ноги скрестив, цари,
Сели друг против друга спокойно,
Разговаривать стали достойно.

Много дней прошло в разговоре, —
До тех пор, что вспенилось море,
До тех пор говорили слова,
Что на голом камне трава
Неожиданно зазеленела, —
А никак не сделают дела,
А никак не свершат раздела
Голубой Срединной страны.
Наконец пойти порешили
Непреложным путем войны

И назначили день похода:
Через год и еще полгода.
Тот, кому суждена победа,
Завладеет страной соседа.

О КРАСОТЕ ЦАРЕВНЫ СЭСЭГ-НОГОН

Благородный Сэгэн-Сэбдэг,
Что владел Срединной страной,
Со своей почтенной женой
Так воспитывали царевну:
На нее, как на солнце, смотрели,
Самым теплым теплом колыбели
Согревали Сэсэг-Ногон,
На руках царевну качали,
К подбородку ее подняв,
На коленях ее держали,
Охраняли, чтобы печали
И тревоги над ней не повеяли,
Так растили ее, так лелеяли,
Чтобы к ней не пристала грязь,
Чтобы пыль над ней не взвилась,
Что при конском вздымается топоте,
Чтоб не выпачкалась она
Ни в грязи, ни в песке, ни в копоти...

Есть у нас поговорка одна:
«С колыбели отважен мальчонок,
А девчонка красива с пеленок».
Как царевне исполнился год,
Начала розоветь, как восход,
И румянцем живым наливаться;
Как второй исполнился год,
Начала лепетать-смеяться;

Как ей семь исполнилось лет,
Расцвела, как весенний цвет,
Стала звонко петь-заливаться;
Как ей восемь исполнилось лет,
Стала в пляске плыть-изгибаться;
Как ей стало десять без малости,
Позабыла детские шалости,
За хозяйством стала приглядывать,
Ко всему свои руки прикладывать,
Золотой разгораясь зарею,
Молодой наслаждаясь порою.

Ей работа казалась забавой:
Указательный палец правый
Подружился-сроднился с наперстком,
С левым глазом сдружилась иголка.
Из кусочка тонкого шелка, —
Ткань была, как ладонь, мала, —
Десять шила она одеяний,
А из тонкой шелковой ткани,
Что не больше пальца была,
Двадцать шила она одеяний —
Для сражений, для славных деяний.

Стала радость дочь доставлять
И Сэсэн-Уган и Сэбдэгу.
Говорили отец и мать,
Что рука к их рукам прибавилась,
Что нога к их ногам прибавилась,
Что помощница-дочь прославилась
И в хозяйстве и в рукоделье,
Что пышнее трава закудрявилась,
Что настало в их доме веселье...

Как чудесный цветок весенний
Средь обычных цветов и растений,
Вырастала Сэсэг-Ногон.
Как подснежник перед весною,
Озаренная новизною,
Расцветала Сэсэг-Ногон.
Расцветала и вырастала,
Несравненной девушкой стала.

Вот идет она и садится,
И движенья так величавы,
Что не могут с нею сравниться
Наливающиеся травы.
Вот встает она и ложится,
И как будто издали слышится,
Что, желая с ней подружиться,
На лужайке трава колышется.

Вот походкою совершенной
По тропе идет-изгибается
И почти тропы не касается,
И тринадцать красок вселенной,
Золотой и благословенной,
Изумляясь, переливаются.
Побежит — и душистая зелень,
Разноцветье долин и расселин,
Мир подлунный, что беспределен,
Заволнуется, заулыбается.

Светом правой щеки просияв,
Затмевает сиянье небесных,
Мощных Западных стран-держав.
Светом левой щеки просияв,
Затмевает сиянье небесных,
Неоглядных Восточных держав.

На сверкающий взглянешь лик —
И рассвета увидишь двойник.
Ты посмотришь на круглую шею —
В восхищенье придешь перед нею,
Скажешь: новый месяц возник.
Ты посмотришь на лоб высокий,
На ее румяные щеки,
На ресницы дивной длины,
На глаза, что черным-черны,
И на косы, что в три обхвата,
И воскликнешь: она — божество,
Что для нашего мира всего
Навсегда драгоценно и свято!

Нет, воскликнешь, она — изваянье,
Излучающее сиянье!
Нет, — горит она белой звездой
Над вселенною молодой!
Нет, — луны и солнца прелестней,
Эта девушка сделалась песней,
И разносится песня широко
По небесным державам Востока,
А для Западных стран и племен
Стала счастьем Сэсэг-Ногон,
Им сияющим издалёка!

Совершенного вида и нрава,
Стала девушка всюду известной,
Как волна, разлилась ее слава
По сверкающей выси небесной,
Над горами и над полями
Загорелась она, как пламя,
Как волшебная песнь, полетела
И земного достигла предела.

Много тысяч небесных бурханов ¹,
От ее красоты поглупев,
Превратились в задир и буянов.
Много тысяч отважных воителей,
Небожителей-повелителей,
Именитых и знатных сыны,
Были вестью возбуждены:
Всех манил их цветок волшебный,
Все друг другу стали враждебны.
Приходил за бурханом бурхан
Из небесных Западных стран,
Шли, красавицу возжелав,
Удальцы из Восточных держав.
Приходили небесные жители —
Их с почетом встречали родители.
Были здесь удалые стрелки
И несметных дружин предводители.
Истомились одни от тоски,
А другие, как дураки,
Сердцу-разуму вопреки
Собирались в кучи и кучки,
В нетерпенье тряслись, как в трясушке.

БОГАТЫРИ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ НЕБЕС
СОБИРАЮТСЯ У СЭГЭН-СЭБДЭГА

И Сэсэн-Уган, и Сэбдэг,
Из веков выбрав лучший век,
Постигая годов череду,
Самый лучший выбрали год,
Самый лучший месяц в году,
На великое пиршество-сход

¹ Б у р х а н — праведник, достигший совершенства и ставший богом.

Пригласили богатырей,
Населявших небесный свод, —
И стрелков, и их главарей:

Были здесь именитые боги,
Что владели дождем и огнем,
И такие, что, духом убоги,
Одурманены были вином,
Что курили до одурения
И шатались от злого курения.
Но совсем рассудок утратили
Многих княжеств завоеватели,
Про свое забыли главенство
И величье своих племен --
Лишь увидели совершенство
Непорочной Сэсэг-Ногон!

Устоять не могут на месте
Воевавшие ради мести,
Усидеть не могут на месте
Побеждавшие ради чести.
Поднимаются сотни желаний
В сердце каждого храбреца,
Закаленные в пламени брани,
Сладострастьем кипят сердца.
Сразу головы всем вскружила,
Всех царица приворожила, —
И воителей-смельчаков,
У которых широкие плечи,
И прославленных, метких стрелков,
Несравненных в военной сече,
Храбрецов, наделенных величьем,
С толстой шеей и горлом бычьим,
С крепким луком и крепким телом,

С твердой дланью и взглядом смелым,
С крепкой, словно крепость, спиной,
С грудью, что в океан шириной,
С богатырской одеждой-броней,
С боевой кольчугой стальной,
С черноцветной хангайской стрелой,
С серебряными колчанами,
С воронными конями, с булаными,
С неустанными и бодрыми,
С потниками, шелком тканными,
С изогнутыми седлами,
С мечами, что ладно кованы, —
И, царевною очарованы,
То встают они, то садятся,
И в наряде своем боевом,
Похваляются и гордятся
Богатырством и удалством.

Обитатели неба — сыны
Белой, Западной, стороны —
Собрались как единая рать,
Чтобы правую руку поймать,
Чтобы верное слово сказать.
А Восточного неба сыны
Собрались, для борьбы сплочены,
Чтобы левую руку поймать,
Чтобы верное слово сказать.
Возвышаясь, подобно твердыне,
Словно стрелы, бросают слова,
Задирают носы в гордыне
И засучивают рукава.

Восседая у очага,
Грозно вглядывается Хурмас:

Он выискивает врага,
Не спуская с витязей глаз.

Влажным взглядом всех обводя,
Здесь толпятся владыки дождя,
Потрясают халатов подолами,
Что полны облаками тяжелыми,
Что полны туманами-ливнями,
Затяжными и непрерывными.

Средь гостей радушного дома
Три стрелка, три властителя грома,
Держат, в жажде вражеской крови,
Стрелы-молнии наготове.
То кричат они, то хохочут,
И все прочие небеса
В дрожь бросает, едва прогрехочут
Их сердитые голоса.

Ищут места в доме чужом
Небеса с Белым Швом, с Белым Швом,
Что белеет, как молоко,
И вступают взволнованно в дом
Небеса с Белым Дном, с Белым Дном,
Распростершимся широко.

Честный воин, ликом угрюмый,
Проницателен и суров,
Замышляя новые думы,
Входит в дом повелитель ветров.
Белоликий Заян-мудрец,
Запредельной жизни творец,
Ничьему не подвластный велению,
Знаменитый своею ленью,
С опозданием летит во дворец.

Небожитель каштановокудрый,
Быстрый разумом, сердцем мудрый,
Сотворивший коров-лошадей,
Со своим старшим сыном белым,
Молодцом могучим и смелым,
Входят в гущу небесных вождей.

Богатырь, чье лицо вечно молодо,
Белоснежный властитель холода,
С опозданием дойдя до ворот,
Пробирается все же вперед,
Всех отталкивая плечом:
Сан иль возраст — ему нипочем!

В той толпе оказавшись тесной,
Самый белый витязь небесный
Порешил: «Где моя родня,
Там и место есть для меня».
И нашел он широкостанного,
Что всех ближе ему и родней;
Этот бог с головою каштановой
Сотворил и быков и коней.
Вот и взяли друг друга под руки,
Сообщают друг другу новости,
А кругом не смолкают отроки,
Старцы смотрят взором суровости.

Разлились толпою широко
Многомощные богатыри
Черноцветных небес Востока.
Там, вперяя глаза свои острые,
Их белки поворачивал пестрые
Завидуший Атай-Улан.
С небесами подвластными вместе
Он обдумывал дело мести,

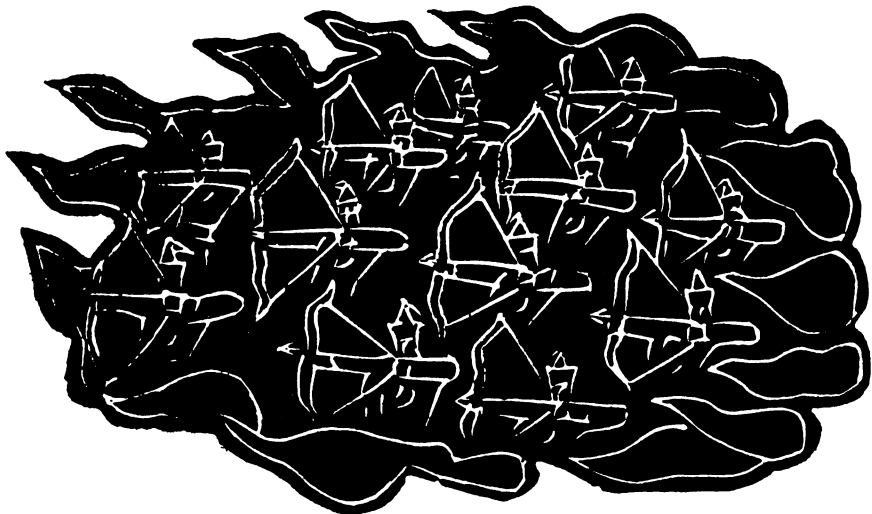
В ход пуская хитрость, обман.
Черным шумом шумел черноликий
Богатырь, в чьих руках — туман,
А в свирепых глазах — мрак великий.

За спиною Атай-Улана —
Мглистых дымов и тьмы владыки.
Полный яда и полный дурмана,
В пляс пустился безумный и дикий
Небожитель Черное Маревое.
А за ним — цвета красного варева —
Зашумели, враждою горя,
Три кровавых богатыря,
Забряцали доспехами ратными.
А за ними — серое с пятнами
Небо, ненавистью дыша,
Думу думая темную, злую,
Подступило, на битву спеша,
К властелину Улану вплотную.
А за ним — небосвод, полный злобы,
Желтый с пятнами, низколобий,
С черным словом и хитрым взглядом,
Стал с жестоким Уланом рядом.

Три Ветра — три светлых воина,
Чья сила порывом утроена,
Противники дыма и тьмы,
Кричат: «Нам еще неизвестно,
На чьей стороне бьемся мы,
Но биться мы будем совместно!»

Три Неба — три юных конника,
Три веющих тихо шелоника¹,

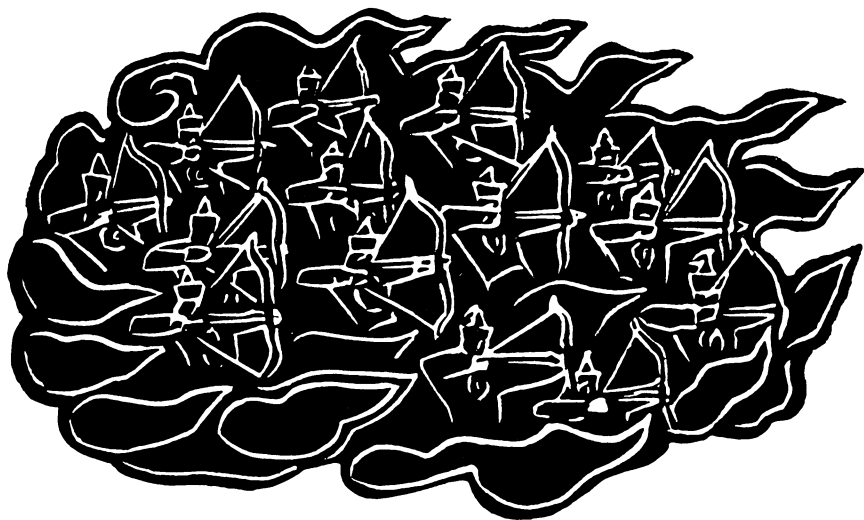
¹ Ш е л о н и к — юго-западный ветер.

Что по Западу реют и Югу,
Быстро на ухо шепчут друг другу:
«Надо прочных друзей нам найти», —
И приплясывают на пути.

Грязно-серые, с сердцем нечистым,
Клопоча, кипя и дымясь,
Подползают к серо-пятнистым,
Доказав с ними давнюю связь.
«У ствола — тень одна, говорят,
Вместе с братом кочует брат!»

Небеса, что темны и туманны,
Что известны везде, как шаманы,
Приседая, приплясывая
И присловья разбрасывая,
Всё глядят, но не прямо, а вбок,

То на Запад, а то на Восток.
Увидав небосвод с Белым Дном,
Закричали: «Брат-побратим,
Мы всегда за тобою пойдем,
Воевать мы с тобой не хотим!»
И, уверенны с виду и пылки,
Но почесывая затылки,
Стали тихо ползти-подползать,
Обнимать и ласкать-лобызать
Небосвод с Белым Дном, с Белым Дном,
Что и ночью белеет и днем!

Говорили гордо сыны
Белой, Западной, стороны:
«Вместе с нами — правда святая.
Мы пойдем по дороге войны,
Справедливость и честь утверждая!»

И Восточные небеса
Поднимали свои голоса:
«Для мечей у нас пояса!
Мы пройдем сквозь огонь и дым,
Справедливость и честь утвердим!»

ПОЕДИНКИ НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Вот Заса-Мэргэн белоликий,
Старший сын Хурмаса-владыки,
Порешил подтвердить в бою
Золотую клятву свою,
Правоту своих слов подтвердить —
И для этого победить!
Наполнять он стал до предела
Грозной мощью сильное тело
И напряг, как орлиные крылья,
Богатырские сухожилья.
Приосанясь, он вышел вперед, —
Если глянешь, так страх берет!
Раздвигал он богов толпу,
Пробивал он себе тропу.

Старший отпрыск Атай-Улана,
Белоцветный Саган-Хасар,
Тоже вышел в одежде бранной,
Чтоб врагу нанести удар.
Гневом гневаясь и клокоча,
Как мехи, раздувал он грудь,
Чтоб противника силой плеча
Одолеть и к ногам пригнуть.
Непоборная твердость меча
Утвердилась в костях силача.

Волоса поднялись в беспорядке,
В предвкушении жаркой схватки
Жаждой мести насытился взгляд,
Стало слышно, как зубы скрипят.

Эти двое — витязей цвет
И всегда восседают справа,
Потому что громких побед
Им досталась военная слава.
Эти двое уже не раз
В знак победы пускались в пляс.

У обоих — стрелы парящие
И бухарские желтые луки,
У обоих — копья разящие
И железные, круглые руки,
У обоих — сотни наград...
«Будет схватка! — все говорят. —
Будем смелых судить без пристрастья!...»
И, на две разделившись части,
Для борьбы расширяют круг.

Чтобы силу и крепость рук
Двух отважных борцов увидеть,
Чтобы ловкость и храбрость двух
Удальцов-гордецов увидеть,
Чтобы меткость, проворство двух,
Чтобы единоборство двух
Смельчаков-храбрецов увидеть,
Поединка жаждущих грозного, —
Из чертога светлого, звездного
Плавно вышла навстречу взглядам
Восхищенных враждебных сторон,
Красоту приукрасив нарядом,
Молодая Сэсэг-Ногон.

Небожители Западной части,
Подчиняясь девичьей власти,
Пробиваться стали вперед,
И сыны другой стороны,
Очарованы, ослеплены,
Пробивают в толпе проход.
Перепутались стороны обе,
Позабыв на мгновенье о злобе.

Словно скалы, в бой снаряженные,
Иль утесы вооруженные,

Словно горной страны вершины,
Возвышались те исполины.
У могучих — широкие груди,
У бесстрашных — упругие спины,
У проворных — сабли булатные
И колчаны в богатой оправе,
Луки витязей необъятные
С окаямом соперничать вправе.
Каждый витязь небесного края
Возбужден, восхищен, потрясен,
И толкается каждый, желая
Посмотреть на Сэсэг-Ногон.

Безупречна, как изваяние,
Перед ними предстала тогда
Излучающая сияние
Целомудренная звезда,
А глаза у нее — озерная
И таинственная вода,
И черны, как черемуха черная, —
Нет в тайге вкуснее плода,
А ресницы ее точно молнии,
Благодатного пламени полные.
По спине с затылка высокого
Косы шелковым льются потоком.
Так, причиной спора жестокого
Между Западом и Востоком —
Перед всеми предстала царица,
Та, чья прелесть везде славословится,
И воители шумно и гневно
К состязанию стали готовиться.

Сильный, смелый Заса-Мэргэн,
Мощнотелый Саган-Хасар,

Чтобы право свое утвердить,
Чтобы сердце свое усладить,
Чтоб добыть победу себе,
Состязаться стали в борьбе.
Волей воинской вооружаясь,
То за твердь, то за прах держась,
По движению солнца кружась,
Как изюбры, землю взрывают,
Точно коршуны, в небо взмывают,
То дерутся, как лоси рогатые,
То как соколы реют пернатые.
Этот — недруга в прах поверг,
Тот взметнул противника вверх,
Но не падают с вышины —
У обоих силы равны,
Поднимаются из глубины,
Пуще прежнего разъярены.
Из-за той богатырской ссоры
Облака дождем пролились,
Сотряслись тяжелые горы,
Зазвенела просторная высь.

Для воителя Западной части,
Удалого Заса-Мэргэна,
В этой схватке — восторг и счастье:
Хочет он победить непременно.
Словно ястреб — сильные крылья,
Он напряг свои сухожилия,
Он Саган-Хасара схватил,
Он под мышкой его скрутил,
Побежал и на всем бегу
Он о Западную тайгу
Храбреца-великана ударил,
Пораженье нанес врагу,

Повернув на Восток, о тайгу
Сына хана Улана ударил,
Вверх подбросил и наземь сбросил.
Тот сначала обезголошел,
А потом, как стрела, засвистел,
Словно камень, вниз полетел
И на землю, средь выжженных скал,
С распростертого неба упал.

Он упал в голодном краю,
В позабытом, безводном краю,
Где неведомы ловля, охота,
Где урочище Хонин-Хото
Словно вывернуто наизнанку,
Где гуляют ветра спозаранку,
Где земля и суха и бестравна,
Где бессолнечна жизнь и бесславна.
Оказался Саган-Хасар
На земле, где пыль и пески,
Старшим ханом Желтой реки.
Так вступил он в земной предел,
Принял имя Саган-Гэрэл.

Громко радовался Заса:
«Гляньте, Западные небеса!
Одолел я могучего воина,
Ныне сердце мое успокоено!»
Он, красуясь, пустился в пляс,
Небывалой победой хвалясь.

Сын Улана, Шара-Хасар,
Средний сын, силач красноликий,
В сердце гнев почуял великий.

Встали волосы, зубы скрипят —
Отомщен будет старший брат!
Небожителей слышатся крики,
Сотни тысяч богов собралось,
Но прошел он толпу насквозь,
Подскочил, как рогатый лось,
Наскочил на Заса-Мэргэна.

Долго длилась эта борьба.
То взлетали, как ястреба,
То, как волки, грызли друг друга.
Началась в морях крутоверть,
Застонала, как бы от испуга,
Распростертая синяя твердь.
И была до самого дна
Вся вселенная потрясена.

У Заса-Мэргэна, у воина,
Битвы жаждущего всегда,
От борьбы отвага утроена,
А Шара-Хасару — беда:
Ослабели сердце и тело,
И сама душа ослабела.
Вот-вот сломится толстая шея,
Бычье горло вот-вот оторвется,
И согнется спина, и, тускнея,
Жалкий разум заснет — не проснется,
Восемь ребер станут как крошево
У воителя, на́ небе росшего!

Несравненный в деле войны,
Воин Западной стороны
По-лосиному вскинул рога,
По-орлиному взмыл на врага.

Он за пятки возьмет — не устанет,
За колени возьмет — и потянет!
А восточный витязь Шара,
Возвышавшийся, как гора,
Извивается, как былинка,
Изгибается, как тростинка.
То скрипит, словно ветвь сухая,
То без смысла глядит, затихая.

Небожитель Заса-Мэргэн
Исполина берет в обхват
Так, что кости врага хрустят,
И бросает Шара-Хасара,
Чье лицо краснее пожара,
На седьмое дно мироздания,
Эту месть задумав заранее.

И Шара полетел, словно искра,
Словно пыль, он понесся быстро,
С распростертого неба упал
И средь голых и острых скал
На земле начал жизнь свою
В позабытом, безлюдном краю,
Словно вывернутом наизнанку.
Наконец он нашел стоянку
На урочище Хонин-Хото,
Где кочарники да болота,
Где шумит река водопадами,
Гулко бьется с тремя преградами,
Где промчатся трудно стреле.
Стал Шара-Хасар на земле
Средним ханом Желтой реки.
Три преграды он одолел,
Принял имя Шара-Гэрэл.

Увидав, что старшие братья,
В бой вступившие без понятия,
Превратились в недвижные вьюки,
Как попали противнику в руки,
Младший отпрыск Атай-Улана, —
Так воскликнул Хара-Хасар:
«Я приму на себя удар,
Ибо должен его принять я:
Ведь надеялись старшие братья
На меньшого, на милого братца,
Что как следует буду я драться,
Что для братьев я стремянем стану,
Их опорой со временем стану».

Так сказав, налетел мгновенно
Богатырь на Заса-Мэргэна.
Словно волк, что жаждет добычи,
Словно бык, напрягаясь по-бычьи
И приплясывая, как марал,
На врага Заса заорал.
Тучи севера, южные тучи
На ходу он сбивал, могучий,
Опрокидывал на ходу
Облаков тяжелых гряду,
Он туманы бил по бокам,
Поднимая пыль к облакам.

От орлиц отбились орлята,
И от коз отбились козлята,
Хамниганы ¹ в таежной глуши
Потеряли свои шалаши,
И, покинув юрту, монгол

¹ Х а м н и г а н ы — эвенки.

Своего жилья не нашел —
Потерял посреди равнины!
Вот-вот хрустнут упругие спины,
Вот-вот сломятся толстые шеи,
Но становится тверже, сильнее
И ловчее Заса-Мэргэн.
Мощь и воля его не истратятся!
То он за ноги ловко ухватится,
То как дернет врага за пятки!
А Хара-Хасар в этой схватке
Оказался слабее врага:
То одна, то другая нога
Над клубящимся прахом взметнулись,
Восемь ребер его изогнулись
И уже — ни жива ни мертва —
Горько свесилась голова,
И, как плети, повисли руки —
Испытал он тяжкие муки.

А Заса-Мэргэн, небожитель
И свершитель многих побед,
Вдруг противника опрокинул
И за старшими братьями вслед
Вверх ногами его низринул
На седьмое дно мироздания,
И в земной, неизведанный прах,
Где рожденья и смерти свидания,
С головой погрузился враг.

Так Хара-Хасар оказался
В том бестравном, бесплодном краю,
В том бесславном, голодном краю,
Где неведомы ловля, охота, —
На урочище Хонин-Хото,

Где навыворот все живое,
Где безлюдие ветровое,
Где река ниспадает с отрога,
Через три пробиваясь порога,
Где не знают прохлады дневной,
Где засушливый, душный зной,
Где пространство поникло во мгле.
Стал Хара-Хасар на земле
Младшим ханом Желтой реки.
Он высокой горой завладел,
Принял имя Хара-Гэрэл.

Из небесных краев три пришельца,
Шарагольские три владельца,
Повелители Желтой реки,
Обратив свои думы к насилью,
Обладая желтою пылью,
Обладая черным туманом,
Стали трем тэгэшинским ханам
Ядовитой злобой вредить,
Чтоб господство свое утвердить.

БУХЭ-БЭЛИГТЭ ОТПРАВЛЯЕТСЯ
В СРЕДИННОЕ ЦАРСТВО

Так подумал Заса-Мэргэн:
«Знаменитого силача
Победил я силой плеча».
И к царевне Сэсэг-Ногон,
Целомудренной и прекрасной,
Нежным сердцем ее покорен,
Одержимый любовью страстной,
Он проталкивается вперед

И за правую руку берет,
Говорит ей правдивое слово
И за левую руку берет,
Говорит ей счастливое слово.

Ратоборцы блуждают вокруг,
А иные — толпятся кучами,
Перепутались недруг и друг,
Маломощные боги с могучими,
И нигде не найдут себе места,
И шумят они грозно и гневмо,
Потому что должна, как невеста,
Дом родной покинуть царевна.

И едва лишь Заса-Мэргэн,
Небожитель Западной части,
Обретя мечтанье свое,
Ловко на руки поднял ее,
Чтоб делить с ней горе и счастье, —
Все бурханы, что прибыли в гости,
Заскрипели зубами от злости.

И, себя позабыв, небожители
Заблудились в небесной обители.
Все, что было черным, — сгустилось,
Все, что было белым, — скатилось,
Все, что было серым, — закуталось,
Все, что было синим, — запуталось.

Разгорелись у витязей страсти,
Собираются биться жестоко
Небожители Западной части
С небожителями Востока.

В это время Атай-Улан
Прискакал на буланом коне.
Мысли мечутся, точно в огне,
Словно конь, полосатыми стали:

«Задушевыми сватами стали
Я и славный Сэгэн-Сэбдэг,
Породниться решили навек, —
Двадцать лет прошло с той поры!
Десять лет прошло с той поры,
Как мы головы соединили
Двух детей, не спросясь никого,
Как торжественно мы вступили
С многотимым ханом в родство.
Для детей в этот памятный миг
Расстелил я постель-потник.
Сын Хурмаса Заса-Мэргэн
Отнял право мое святое,
Чтобы день торжества померк.
Он законы попрал и низверг
Установленные устои!

Если стал конем жеребенок —
Должен всаднику покориться,
Если воином стал ребенок —
Должен старшему подчиниться.
Шуба шьется с воротником,
Младший следует за стариком.
О небесные и поднебесные
Храбрецы, повсюду известные!
Охраняйте Сэсэг-Ногон,
Да не будет нарушен закон!»

От навета и злобы лжеца
Закипели бурханов сердца.

«Верно, верно!» — кричат в ответ
Сотни тысяч бурханов Востока,
А противники: «Это навет,
Мы расправимся с вами жестоко!»

Богатырские голоса
Заставляют дрожать небеса,
Достигают земной глубины,
Где их отзвуки в недрах слышны.
Со враждой и гневом великим
Встретил хана Улана Хурмас,
Закричал — и могучим криком
Небожителей он потряс.
Говорит, повествует сказ,
Что была его речь такова:

«Вы послушайте наши слова.
Обещали отец и мать
Несравненной Сэсэг-Ногон
Эту девушку в жены отдать
Сыну старшему моему.
Я других речей не приму.
Честно, правильно слово мое,
А слова Улана — вранье!»

Боги Западной стороны
Закричали, возбуждены:
«Разве мудрому Хан-Хурмасу
Возражения слово найдешь?
Превосходному мягкому мясу
Разве надобен острый нож?»

Двух сторон богатырский спор,
Разгоревшийся с давних пор,

Закипел, ядовитый, вновь,
Заиграла горячая кровь.
На средину собрания вышел,
Чтобы каждый его услышал,
И сказал почтенный Сэбдэг:

«Не бывало такого вовек,
Чтобы я обещал Улану, —
Мол, ему я родичем стану,
И ни десять, ни двадцать лет
Не могло миновать с тех пор,
Ибо выдумка — сей договор.
К вам, собравшимся на совет
Небожителям и бурханам,
Как могу я выйти с обманом?
С Хан-Хурмасом мы тоже не сваты.
Вы запомните наперед:
Будет пойман тот, кто соврет,
И от вора не ждите платы!»

На высоком собрании-встрече
Услыхав эти твердые речи,
Что исполнены были достоинства,
Рассердились небесные воинства.
Мысли черные, громко бахваясь,
Скопом хлынули, клокоча.
Закипели, заволновались
Мысли серые сгоряча.
Облаченное в синеву,
Затрещало небо по шву,
Задрожали земные просторы.
Содрогнулись долины и горы.
Все, что было черным, — сгустилось,
Все, что было белым, — надвинулось,

Синецветное запропастилось,
Сероцветное опрокинулось!

Разошелся воитель Хурмас,
Разойдясь, он пустился в пляс,
Ищет битвы с достойным борцом,
А широкая грудь — колесом.
Небожитель Атай-Улан,
Темной яростью обуян,
Тоже вышел, вступая в спор:
Он противнику даст отпор!

Повествует старинный сказ:
Богатырь, чей отец — Хурмас,
Тот Бухэ-Бэлигтэ красноликий,
У которого разум великий,
Понял в этот тревожный час:
Будет биться его отец,
Раздосадованный вконец,
С ненавистным Атай-Уланом...
Пожелал он — и стало багряным
Солнце утра, напевное солнце.
Пожелал — и одел синевой
Молодое, полдневное солнце,
И в костер превратил живой
Он вечернее, гневное солнце.

Как настало полночное время,
Сунул ногу в походное стремя,
К двум отправился станам спорящим,
Что стояли великим сборищем.
Отправляясь в далекий путь,
Он сначала решил заглянуть
К седовласой Манзан-Гурмэ.

С благодатной чашей добра,
Сотворенной из серебра,
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться, —
Бабушка Манзан-Гурмэ,
Слово ласки ему говоря,
Посадила богатыря
У огня и спросила внука:
«Мой бесценный стрелок из лука,
Видно, в дальний ты едешь путь?
Пусть он будет счастлив и светел!»
Ей Бухэ-Бэлигтэ ответил,
Восседающий у огня:
«Я Бэлыгэна, гнедого коня,
Порешил испытать копыта».

Развернула Манзан-Гурмэ,
Чтоб изведать то, что сокрыто,
Стародавнюю Книгу Времен
И узнала, ее читая,
Что душа и дыханье Атая
Притаились в пальце большом,
В пальце правой его ноги,
Чтобы их не сгубили враги.

Распростился с бабушкой внук,
И копыт послышался стук, —
Богатырь на гнедом коне
Поскакал к Срединной стране.
С расстояния в три пробега
Он увидел в чужой стороне
Государство Сэгэн-Сэбдэга.

Он увидел издалека,
С расстояния в три пробега,
В небе тающий, как облака,
Светозарный дворец Сэбдэга.

Въехал всадник отважный в ворота,
Спрыгнул около поворота,
Там, где коновязь серебрилась.
Привязал он к ней скакуна
И пошел, и пред ним открылась
И своих и чужих сторона.

ПОРАЖЕНИЕ АТАЙ-УЛАНА

Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Властелины небесных стран,
Порешили бойцов собрать
И померяться силой военной,
Чтобы та и другая рать
На просторах столкнулись вселенной.
Собирает Атай-Улан
На войну, на крепкую месть
Смельчаков шестьдесят и шесть,
И шесть сотен знатных вождей,
И шесть тысяч ратных людей,
Небожителей сорок четыре,
Знаменитых в заоблачном мире.
Все вокруг него сплочены,
Заслужили его доверье.
Распахал он дорогу войны,
Распахнул он сражения двери.

Снарядил в этот грозный час
Тридцать три смельчака Хан-Хурмас,

Пятьдесят и пять небожителей,
И три сотни полков предводителей,
И три тысячи верных воителей
И поклялся, что в битве прославится,
Навсегда с врагами расправится.

Загорелся над миром день.
Оба войска ринулись в бой,
И легла огромная тень
На небесный свод голубой,
И густая великая мгла
На земные просторы легла.
Каждый насмерть бился с врагом.
Покатился над миром гром.
Обагрила утесы кровь.
Те, что вечером были убиты
И лежали, травой сокрыты,
Поутру оживали вновь,
А убитые до зари
Знаменитые богатыри,
Что легли, где растет камыш,
Разбудив полночную тишь, —
В лисьей тьме оживали опять,
Чтобы недругов убивать.
Вот, обиды вспомнив былые,
Насмерть бьются в сумраке мгlistом,
И звенят их мечи боевые,
И летят их стрелы со свистом.

Хан-Хурмаса богатыри —
Именитые тридцать и три,
Пятьдесят и пять небожителей,
И три сотни вождей-предводителей,
И три тысячи верных воителей —

Одолели Атай-Улана
Шестьдесят и шесть удалцов,
И шесть сотен вождей военных,
И шесть тысяч обыкновенных,
Но выносливых, смелых бойцов.

Победили их в жарком бою
И низвергли с небесных высот.
Оказались они в краю,
Где гора над горою встает,
В том бесславном, бесплодном краю,
В том бестравном, голодном краю,
Словно вывернутом наизнанку,
Где услышишь ветров перебранку,
Где река, разбита преградами,
Вниз бросается водопадами,
Где кочкарники да болота!
На урочище Хонин-Хото
Храбрецы, что в битвах прославились —
На земле, словно лед, расплавились,
Поубавились, как луна,
Поистерлись они, как колеса.

А на небе многоголосо
И кроваво длилась война.

Хан-Хурмас и Атай-Улан
Злую гибель сулят друг другу.
То, как коршуны, реют по кругу,
То, как лоси, друг друга хватают,
То, как беркуты, крылья сплетают,
То как ястребы, гордо взлетают.
Обопрутся руками вперед —
Прямо в бездну столкнут небосвод,

Обопрутся руками назад —
Небеса позади загудят
И с гудением в бездну скатятся.

Началась на небе сумятица,
Изменился времени ход,
Перепутался с годом год.
А противники бьются все злее,
Чтоб друг другу свернуть бычьи шеи,
Напрягают свои усилия,
Чтоб друг другу рассечь сухожилья.

На молочном своем просторе
Взволновалось великое море,
И Сумбэр-гора загудела,
Распростертая без предела,
Зазвенела небесная высь,
И земли задрожало тело,
И холмы над ней затряслись.
Чашу жизни древняя месть
Переполнила, закипая.
Попиралась гордая честь.
Разгоралась вражда вековая.

Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Два небесных войск полководца,
Как на небе начнут бороться,
Так не падают с вышины:
У обоих силы равны,
А начнут на земле бороться —
Одинаково оба сильны.
Хан-Хурмас устал от войны,
Трудно дышит Атай-Улан,

Но решимости твердой полны
Боги Западной стороны,
А Восточного неба сыны
Жгучей злобой напоены.

Бьются насмерть противники смелые,
Властелины небесных стран
Хан-Хурмас и Атай-Улан.
Поднялись их волосы белые,
Изогнулись их спины, как луки,

Ослабели могучие руки,
И зубов их слышится скрежет.
Над вершинами солнце брезжит, —
Появился из-за вершин
Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ,
Средний сын, красноцветный сын.

Там, где трудно, там, где опасно,
Там всегда Бухэ-Бэлигтэ!
Сжал он саблю крепко и властно,
Богатырь с бесстрашной душой,
Пред которым трепещут враги,
Размахнулся — отсек большой,
Сильный палец правой ноги
Властелина Атай-Улана,
И тотчас душа улетела
Из куска рассеченного тела.

Хан-Хурмасу силы прибавилось,
И плечо его мощно расправилось.
Как плетью, он руками хлещет,
Полный ярости боевой,
И врага, что зубами скрежещет,
Он о скалы бьет головой.
Если вправо удар нанесет —
То на Западной стороне
Сотрясается небосвод,
Если влево удар нанесет —
На Востоке дрожит небосвод.

И на Западе и на Востоке
Жаркой крови помчались потоки,
Ураган поднялся, и вскоре,
Зашумев, нахлынуло море

На дрожащее мироздание,
И низверглось молний блистание,
Родила эта битва грозу,
Загудело вверху и внизу,
И с небес низринулся град —
Всегубительный камнепад.

Приуныла восточная рать,
Не осталось решимости боле,
И, лишенная мысли и воли,
На Восток повернула вспять,
Восклищая: «Несчастье! Несчастье!
Нет надежды вблизи и вдали!
Небожители Западной части
Поражение нам нанесли!
Наше воинство обессилело,
Нам бесславная жизнь опостылела!»

Но, познав желаний свершенье,
Одержав победу в сраженье,
Подошел к царице Заса,
Грозной рати мощь и краса,
Небожитель Западной части.
Посадил он Сэсэг-Ногон
На коня ястребиной масти,
И быстрее ветра и вести
Он с прекрасной царицей вместе
Поскакал к родной стороне
На своем крепконогом коне.
Победители в трудной войне,
Небожители Западной части,
Что извели бранное счастье,
Поздравляя друг друга по праву,
Поскакали в родную державу.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ АТАЙ-УЛАНА НА ЗЕМЛЕ

С вой клинок Хан-Хурмас прославил —
Он противника обезглавил,
И отрубленная голова
Властелина Атай-Улана
Начала ворочать сперва
Тридцать раз глазами-белками.
То ль жива она, то ль мертва?
Из ноздрей вырывалось пламя,
И покрылись уста его пеной,
И саженную косу его
Развевали ветры вселенной.

Эту круглую голову черную,
Что познала участь позорную,
Пнул ногой властелин Хурмас,
И она покатилась тотчас
С гор скалистых к просторной пустыне
И повисла как раз посредине
Между небом и твердой землей.
Был таков удел ее злой:
Не под силу ей на небо двинуться
И на землю не может низринуться.
Превратилась она в чудовище
По прозванью Архан-Шудхэр,
Что повсюду ищет становище
И все время исходит слюной:
Проглотить хочет солнце с луной.

Хан-Хурмас рукою своею
Отсекает от тела шею,
Поднимает ее на клинок,
И кидает без сострадания

Он опорный ее позвонок
На седьмое дно мироздания.

На земле, в стороне восточной,
Далеко от воды проточной,
Где неведомы ловля, охота,
На урочище Хонин-Хото,
В землях, вывернутых наизнанку,
Где ветра шумят спозаранку,
Где река ниспадает с отрога,
Через три пробиваясь порога,
Где бестравье и суховеи
На просторе главенствуют диком, —
Позвонок богатырской шеи
Стал шулмусом ¹ огненноликим,
По прозванию Гал-Нурман-хан.

На его широкой груди
Было сорок раз по сто глаз,
Было десять по тысяче раз
Завидующих глаз позади,
На спине, повествует сказ.
А на лысой его голове
Был один-единственный глаз.
Так пылал воинственный глаз,
Будто злая звезда зажглась.
Был во рту один только клык.
Гал-Нурман, в превращениях велик,
Стал причиной мук и мытарств,
Стал началом всех непотребств.
Он две тысячи ведал коварств,
Три и тысячу ведал волшебств.

¹ Ш у л м у с — нечистая сила, бес.

Силой рук все сворачивать мог
И ломать мощной силою ног.
Говорят: на земле возродясь,
Чародейством жестоким гордясь,
Он поклялся в кромешной темени:
«Чуть позднее позднего времени,
При слиянии двух времен,
Я устрою гибель племен!»

Хан-Хурмас, дыша горячо,
Довершал богатырское дело.
Руку правую по плечо
Он отсек от безгласного тела,
И Улана руку недвижимую
Ниспроверг он на землю нижнюю.
Ожила рука на земле,
На горе, на Сумбэр-скале,
Стала тигром рука врага,
По прозванию Орго́й,
Подчинилась тигру тайга
Всей далекой, полночной земли,
И была страшна его власть.
Как раскроет алчную пасть,
Так проглотит он все живое.
Лезут в пасть деревья тайги —
От корней до зеленой хвои.

Хан-Хурмас не кончил еще
Богатырского, грозного дела.
Руку левую по плечо
Он отсек от безгласного тела,
И отрубленная рука
Сквозь прозрачные облака
На холмистую землю слетела.

И, покинув небесную твердь,
На земле, где гора высока,
Где с рождением встречается смерть,
Та отрубленная рука
Превратилась в чудовище злое
По прозванию Шэрэм-Мина́та.
Это чудище, злобой богато,
Весь людской ненавидело род.
У того чудовища злого
Был большой, трехсаженный рот,
Был язык ровно в пять четвертей,
Пожирало оно детей,
С каждым днем становясь лютей.

Не хотел Хан-Хурмас отдохнуть.
Отрубил он Атай-Улана
Пустотелую, черную грудь,
Чтоб на землю ее швырнуть.
Пустотелая грудь великана
Оказалась на той земле,
Где долины и горы — во мгле,
Где навыворот все живое,
Где безлюдие в душном зное, —
На урочище Хонин-Хото,
Где кочкарники да болота,
Где, с тремя воюя преградами,
Ниспадает река водопадами,
Где и слово еще не звучало,
Где не смеет подняться росток,
Где реки желтоцветной начало,
Где реки черноцветной исток.
Отсеченная черная грудь
Стала алчным, свирепым чудовищем,
Людам злую погибель готовящим

И в коварстве своем неизменным,
А звалось Абарга-Сэсэном.

Хан-Хурмаса острый и жалящий
Вновь сверкнул на мгновенье клинок,
У Атай-Улана седалище
Отрубил он до самых ног,
И на землю оно полетело
И достигло вскоре предела
Семигорья, безводной земли,
Тьмы и горя бесплодной земли,
Где ветров и песков обиталище,
Иссушенное долгим зноем.
Стало чудищем это седалище,
Диким Лойро-Лобсоголдоём,
Что несло по горам и пустыням
На железном коне светло-синем.

А потом на землю слетели
Две отрубленных жалких ноги
И упали средь горных ущелий
В том краю, где не видно ни зги,
Где ветра пролетают с воем,
Где кругом — бестравный простор.
Рядом с черным Лобсоголдом
В трех его превратилось сестер,
И полны были злобы тупой
Эти три сестры Енхобой.

Части тела Атай-Улана,
Как на землю, отрублены, прибыли,
Стали черным источником гибели,
Ибо жаждали постоянно,
День за днем и из года в год,
Истребить человеческий род.

В небесах, в распростертой бездне
Расстилались едким туманом,
Разносили они болезни
По земным, обездоленным странам.

НА ЗЕМЛЕ РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ
ПОВАЛЬНЫЕ БОЛЕЗНИ

Позвонок богатырской шеи,
Превращенный в Гал-Нурман-хана,
Всех чудовищ сильнее и хитрее,
Стал главою бесовского стана.
Вот он черную клятву дает:
«Пусть умрет человеческий плод!
Станет мальчиком? Пусть умрет!
Станет девочкой? Пусть умрет!
Пусть людской прекратится род!
Я покончу с враждебными ханами:
Будет ночь — нападут на них,
Будет день — падут бездыханными,
Тех владык уничтожу земных!»

Эту клятву сказав, Гал-Нурман,
Чья опора — обман и дурман,
Грозно двинулся к Желтой реке,
Начинавшейся в желтом песке.
Он удобное место нашел там,
На крутом побережьи желтом.
Сотворил он в той желтизне
Желтых бесов, тридцать числом.
Все нечистые — с желтым хохлом,
Каждый бес — на желтом коне,
Всех снабдил он желтым котлом,

Все питаются желтою гнилью,
Все окутаны желтою пылью.
Он пустился в дорогу опять
И добрался до синей реки.
Были воды ее широки.
Камни синие стал собирать.
Сотворил он из синих камней
Синих бесов, тридцать числом.
Дал им тридцать синих коней,
Всех украсил синим хохлом,
Всех снабдил он синим котлом,
Всех кормил он тухлятиной синею,
Одарил их синей пустынею.

Он в дорогу пустился опять
И добрался до черной реки.
Были воды ее глубоки.
Стал он гальку там собирать.
Сотворил он из мелких камней
Черных бесов, тридцать числом.
Дал им тридцать черных коней,
Всех украсил черным хохлом,
Всех снабдил он черным котлом,
Приказал питаться шулмусам
Черной пищей с гниlostным вкусом.

Девяносто бесов тлетворных,
Желтоцветных, синих и черных,
Стали делать зло на земле,
Чтобы люди погибли во зле.
В воду яд бросали жестокий,
Чтобы рек погибли истоки,
Наполняли корни отравами,
Чтоб луга не блистали травами.

Там, где горы и доли цвели,
Расплодились гадюки и змеи,
На богатые страны земли
Налетели, вопя, суховеи,
Потому что хотели злодеи,
Чтобы люди смерть обрели,
Чтоб живое было отравлено,
Ядовитым туманом придавлено.

Никогда не болевшие люди
Разве думали, ведали разве
О чуме и о страшной язве?
А теперь неожиданно, скоро
Погибали от язвы и мора.
Не болевшие никогда
Табуны, отары, стада
По долинам и косогорам,
На просторах несчастной земли,
Бездыханные, полегли,
Побежденные язвой и мором.

В свете дня и в полночной мгле
Все живое уничтожая,
Воцарилась на всей земле
Язва страшная, моровая.
На бескрайнем просторе земном
Умирали ночью и днем
Люди, звери, птицы, растенья.
Наступило время смятенья.

Племена трех земных вождей,
Неиссечные толпы людей,
Бесконечной печалью печальных,
От болезней страдая повальных,
Вопрошали, друг к другу взывая,

Удивлением удивлены:
«Как нам жить? Из какой стороны
Эта язва пришла моровая,
От которой гибнет больной,
От которой не знаем лекарства?
Кто же стал этих бедствий виной —
Чье злодейство и чье коварство?»

Обратились люди к шаманке,
К той прославленной Шайнархан,
Что лечила от лихоманки,
И в грядущее заглядывала,
И по запаху угадывала,
Где какая убойна жарилась, —
Чтоб над скорбью людскою сжалилась,
Чтоб узнала: по чьей вине
Гибнут люди в каждой стране,
Чье злодейство, чье чародейство
Губит все племена и семейства?
Пригрозили шаманке при этом:
«Если к нам не придешь с ответом,
Не поведаешь о причине
Той беды, что творится ныне,
Мы повесим тебя на осине,
Жадным воронам на обед.
Так ступай. принеси ответ».

ДЕВЯНОСТО БЕСОВ
ХОТЯТ УНИЧТОЖИТЬ ЛЮДСКОЙ РОД

Шайнархан собрала тогда,
Чтоб развеялась эта беда,
В деревянной надломленной чаше
Слезы женские, слезы мужские,
Скорби-горести, муки людские.

Деревянную чашу крутя
С человеческими слезами,
Неподвижными глядя глазами,
К небу Запада их обратя,
Застывая, как изваяние,
Зашаманила заклинание:

«Поднимись, деревянная чаша,
О несчастной поведай земле,
Покрутись, покрутись на столе,
Чтоб тебя увидела наша
Дорогая Манзан-Гурмэ,
Та, что в Западном горнем краю
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Та, что волю воздвигла свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Та, что держит чашу добра,
Сотворенную из серебра».

Прокричав слова заклинания,
В распростертые небеса,
Вверх закинула чашу стенания,
Чашу слез, что светлы, как роса.
Облака насквозь пробивая,
Эта чаша, где скорбь живая,
Наконец на столе очутилась
Мудрой бабки Манзан-Гурмэ
И внезапно пред ней закрутилась,
Закрутилась — остановилась.
И тогда-то Манзан-Гурмэ
Удивленьем большим удивилась:
Что еще за беда нагрянула?
Вот в волшебное зеркало глянула,—

В мире верхнем царил покой,
А на нижнем земном просторе,
Там, где род пребывал людской,
Увидала горькое горе.

Девяносто бесов-уродцев,
Чьи противны крики и вопли,
Чьи носы вроде старых колодцев,
Толщиною в два пальца сопли,
Чьи грязны и черны котлы,
А еда — чернее смолы,
Чьи слюной наполнены рты,
Чьи унты не знают подошв,
Чьи без тульи шапки мохнатые,
Чьи бесхвосты кони горбатые,
Чьи глаза как затхлое гноище,
Чьи тела утратили тень, —
На земле устроив побоище,
Серой мглою окутали день.

На земной простор напустили
Черноцветные тучи пыли.
По земле расползаясь, как змеи,
Словно мухи, с жужжаньем летя,
Всех детей убивали злодеи
И закапывали дитя,
Если девочкой был ребенок,
Глубоко под грудой пеленок,
Если мальчиком был ребенок,
То закапывали дитя
Под замолкшей его колыбелью —
Лишь с одной-единственной целью:
Чтоб земля зачахла во мгле,
Чтоб не стало людей на земле.

Язва страшная, моровая
Совершала свой путь жестокий,
Семигорный мир заставляя
Горьких слез проливать потоки.
Громким плачем сменялся крик
В трех державах земных владык.
Зашаталась жизни опора.
Все живое гибло от мора.

Там, где мертвые в прахе валялись,
Там, где правила смерть, веселясь,
Девяносто бесов, бахваясь
И кривляясь, пускались в пляс.
Как былиночку круговерть,
Так людей уносила смерть.
Постепенно, как снег и лед,
В трех державах таял народ.
Только бесы одни ликовали
На равнине, на перевале,
И в степях, и на шумных морях,
У ручьев и в каждом ущелье,
И безумное это веселье
Всем внушало губительный страх.

И, узнав о язве-чуме,
Рассердилась Манзан-Гурмэ:
«Как на землю упал позвонок
Богатырской шеи Улана,
Что коварен был и жесток, —
Превратился тот позвонок
В завидущего Гал-Нурман-хана.
Из обмана и злого дурмана
Сотворил на земле чародей
Девяносто бесов-грабителей,

Истребляющих бедных людей,
Разорителей-погубителей,
Учиняющих всюду разбой,
Угрожающих язвой-чумой
Трем большим сопредельным странам,
Трем земным тэгэшинским ханам.
И повальная эта беда
Так с людским воевала родом,
Что он стал убивать стада,
Табуны и отары с приплодом
И съедать загубленный скот:
Все равно, мол, скоро помрет,
Одолеть невозможно заразу!»

И тогда, сорвав с себя сразу
Два платка из разных шелков,
Опираясь на посох длиною
В девяносто широких шагов,
Рассердилась Манзан-Гурмэ,
С низко согнутою спиною
Устремилась к отцу богов,
К Эсэгэ-Малану пошла,
Чтоб найти спасенье от зла.

Но уже о бедствии этом
Знал отец Эсэгэ-Малан,
Ибо разум служил ему светом.
К многомудрой Эхэ-Юрен
Обратился он: «Слушай, жена,
Что скажу я, — по всем приметам,
На Хурмаса лежит вина.
Он Улана рассек на части,
Оттого и земли злосчастье.
Пусть Хурмас на землю сойдет,

Где людской терзается род,
Пусть врагов-лиходеев раздавит,
Пусть людей от бедствий избавит».

Лишь замолкло слово Малана,
Как явилась Манзан-Гурмэ,
Перед ним предстала нежданно
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра.
Говорит ей чета седая:
«Вы займите место повыше,
Вы откушайте нашего чая».
И, напитком ее угощая
Из серебряного кувшина,
Перед бабкой стоят они чинно.
И, отведав того напитка,
Успокоилась бабка немного
И сказала, какая тревога
Семигорную землю гнетет:

«Сиротлив человеческий род,
А терзают наших сирот
Девяносто бесов тлетворных,
Желтоцветных, синих и черных:
Ежедневно грабят и губят,
Еженощно режут и рубят.
То ломают людей, как камыш,
То их скрутят, как тонкую нитку.
Как на муки земли поглядишь,
Так не сможешь терпеть эту пытку.
Убивают седых домоседов,
Убивают и юных в пути.
Говорю я, горе издевав:
Где виновника нам найти?

На тебѣ, на тебѣ вина,
И на детях твоих, и на внуках!
Искупи ее: разве должна
Жизнь земная погибнуть в муках?»

Словно туча, лицо нахмуря,
И грозна, как осенняя буря,
И темна, как ночная мгла,
Негодуя, она ушла.
И, ее проводив с почетом,
Приказал Эсэгэ-Малан,
Чтоб гонцы, десять сотен счетом,
Чтоб гонцы, двадцать тысяч счетом,
Полетели на север и юг:
«Созовите богов и бурханов,
Повелителей бурь и туманов!
Соберем небожителей в круг.
Мы над звездами дело обсудим,
Как помочь страдающим людям,
В круг собравшись над светом луны,
Будем правдою вдохновлены!»

Повинуясь ему, гонцы
Устремились во все концы
По заоблачным весям и странам —
К властелинам, богам и бурханам.

НАДЗВЕЗДНОЕ СОБРАНИЕ БОГАТЫРЕЙ ПОСЫЛАЕТ
БУХЭ-БЭЛИГТЭ НА ЗЕМЛЮ

Пятьдесят и пять небожителей,
Рати западной предводителей,
Самым старшим приглашены,
Над сияньем звезд и луны

Собрались, мудры и воинственны,
Ради правды, во имя истины.
Эсэгэ-Малан, всех старей,
Много лет не ходил из-за старости
На собрания богатырей,
Но теперь, забыв об усталости,
На собранье явился надзвездном,
На собранье надлунном и грозном.
Прислонившись к спинке сиденья,
Окруженный бурханами важными,
Он глазами дымчато-влажными
Озирал их и ждал их сужденья.

Здесь теснились небесные воины,
Что победами были прославлены, —
Богатейшие чем-то расстроены,
И нойоны ¹ чем-то подавлены.
Есть у всех владенье-имущество,
Только нет бывшего могущества.

Шум летит из конца в конец,
Различаются в шуме слова:
«Эсэгэ-Малан, наш отец,
Наш великий, верховный глава,
Чтоб свои передать права,
Чтобы нам пожаловать милость,
И величье, и власть, и достоинство,
Повелел, чтоб сюда явилось
Небожителей славное воинство!»

Хан-Хурмас, обдумав заранее,
Предстоящее трудное дело,
Открывает это собрание
И ведет его властно, умело.

¹ Нойон — князь.

И, созвездьями окружена,
Там, внизу, сверкает луна.
Каждый бес на земле — убийца,
Расплодилось их девяносто,
Нет охотников с ними биться,
Нет охотников с неба спуститься,
Потому что это не просто.
Небожители говорят:
«Если спустимся мы на землю,
Никогда не вернемся назад.
Если мы в болоте застрянем,
Никогда уже ввысь не прянем,
Мы погибнем в тине земной.
Никогда не собратъся собраньем
Нам над звездами и луной».

Слушал их Эсэгэ-Малан,
Слушал, взвешивал каждое слово
И смотрел на них гневно, сурово.
Он сказал: «Вашим возгласам внемлю,
А душа моя скорби полна.
На Хурмаса лежит вина.
Пусть же сам он сойдет на землю,
Пусть искупит свою вину,
Против бесов начнет войну».

И старик удалился домой,
Опираясь на посох владыки,
В девяносто сажёней длиной,
И опять слышались крики...
Многомощны и белолики
И сошедшие с каждой звезды,
Эти воины храбро сражались,
Но теперь они не решались
Землю вызволить из беды.

Приводили разные доводы
Молодые и старики,
И ревели они, как быки,
Будто их искушали оводы:

«Если бесы бесчинства творят,
Если в этом Хурмас виноват,
Пусть он сам на землю сойдет,
Пусть спасет человеческий род.
Неужель по вине чужой
Будем жертвовать нашей душой?
Почему вины своей бремя
Порешил он свалить на нас?»

Расшумелось небесное племя.
Хочет слово сказать Хурмас —
Не дают ему говорить.
Гул становится громче, сильнее,
И нойоны и богатеи
Не дают ему рта раскрыть.

Возмущение умножалось,
И к отцу почувствовал жалость
Средний сын, Бухэ-Бэлигтэ.
Он сказал: «К чему наши споры?
Если нам на земные просторы
Надо с горней сойти синевы,
Есть для этого две головы.
Если старший мой брат откажется,
Если младший робким окажется,
Средний сын, я на землю сойду,
Я развею людскую беду!»

Так сказал он немногословно,
И Хурмас на среднего сына,

Красноцветного исполина,
Посмотрел по-отцовски любовно.
«Верно!» — возгласы были слышны
Над сиянием звезд и луны.

И тогда небожитель Хурмас
Посылает отцовский наказ
Сильнорукому старшему сыну,
Что в своей скалистой стране
Обиталищем сделал вершину,
Что на сером, как ястреб, коне
Обгонял и буран и ветер,
Что в сраженьях был впереди:
«Ты на нижнюю землю сойди!»
Но Заса-Мэргэн так ответил:

«Разве этому есть причина,
Что вы гоните старшего сына,
Чтобы я на земле изнемог,
Под дождем семидневным промок?
Мне, по правде сказать, недосуг
Наблюдать, как пронзят меня вдруг
Оперенных семьдесят стрел.
Ваш наказ не могу принять я.
У меня есть младшие братья —
Их пошлите в земной предел!»

С гневом Хан-Хурмас посмотрел,
И за младшим послал он сыном,
Мол, на землю сойди, помоги нам.
Но сказал Хабата-Гэрэл:
«Что случилось, отец? На меня
Посмотрите с любовью в очах:
Я рожден быть стражем огня
И поддерживать ваш очаг!»

Огорченный речью такую,
Обратился к Бухэ-Бэлигтэ
Хан-Хурмас с великой тоскою:
«Я печалью печалюсь людскою,
Я повинен в ужасном зле —
Гибнет род людской на земле.
Смерть приблизилась к старым и юным.
Как мне быть? С надзвездным, надлунным
Мне собранием спорить нельзя.
Если помощи людям не будет,
То меня наш отец осудит,
Мне позором вечным грозя!»

Наступила тогда
Наверху тишина.
Речь Бухэ-Бэлигтэ
Стала ясно слышна:
«Все, что я попрошу,
Мне дадите ль сполна?»
А Хурмас: «Все отдам —
На погибель врагам!»

Средний сын говорит:
«Правда в сердце горит,
Ваш приказ я приемлю,
А раз так — то на землю
Мне придется сойти.
Не страшусь я пути,
Но, отец мой, сперва
Мне скажите слова.

Отдадите ли мне
Брата, старшего брата,
Что летит на коне,

Чья порода крылата?
Старший брат мой Заса —
Богатырства краса,
Он бесстрашен в бою».
Отвечает Хурмас:
«Отдаю! Отдаю!»

«Отдадите ли мне
Трех красавиц небесных,
Трех сестер, всем известных
В нашем звездном краю?»
А Хурмас: «Отдаю».

«Отдадите ли мне,
Под седлом и в броне,
Вы Бэлыгэна гнедого,
Скакуна удалого,
Мошь, опору свою?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Мне четыре волшебных
Отдадите ли посоха,
Мне на море потребных,
Чтоб ходил, будто посуху,
С пеной синею споря,
Беспредельного моря
Побеждая струю?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Мне аркан отдадите ли,
Чтоб на поприще брани
Оказались воители
В этом крепком аркане,
Видя силу мою?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Отдадите ли мне
Вы частичку сандала,
Чтоб в чужой стороне
Боль мою исцеляла, —
Отдадите иль нет?»
«Отдаю!» — был ответ.

«Отдадите ли сыну
Красный камень вождей,
Что прольет на долину
Десять тысяч дождей.
Отдадите иль нет?»
«Отдаю!» — был ответ.

«Мне, отец, отдадите ль
Вы царевну Наран?
К ней придя как спаситель,
Я развеял дурман,
Исцелил от недуга —
Ближе нет у ней друга.
Отдадите иль нет
Дочь могучего Солнца,
Что нежна, как рассвет?»
«Отдаю!» — был ответ.

Получив обещанье отца,
Был Бухэ-Бэлигтэ готов
Долг исполнить свой до конца,
Мир земной спасти от врагов.
Порешило собрание надзвездное
Небожителей-богатырей:
«Предстоит сражение грозное.
Пусть на землю сойдет поскорей
Сын Хурмаса с небесных высот.
Пусть людей от смерти спасет.

На земле он вкусит земного,
На земле он родится снова.
Чтобы долю познать бедняка,
В самой бедной семье он родится
У старухи и старика,
И тогда-то он воплотится,
Человеческий ум обрета,
В человеческое дитя».
Так в надзвездном, надлунном чертоге
Порешили воители-боги,
И, решением своим успокоены,
По домам разъехались воины.

ДОЧЬ СОЛНЦА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СТАРУХУ

Между облачной белизной
И небесной синью сквозной,
Что не знала конца и предела,
Дочка Солнца, Наран-Гохон,
Серым жаворонком звенела,
Совершая свое паренье
В переливчатом оперенье.
Богатырь Бухэ-Бэлигтэ
Не сумел ее взять с собою,
Он добраться к той высоте
Не сумел небесной тропею.
Приготовившись к долгому бою,
Он оружие взял, чтоб сражаться,
Взял коня, чтоб, как ветер, мчаться,
Взял он брата и трех сестер,
На земной опустил простор.
В это время нойон Саргал,
Что земных владык возглавлял, —
Среди трех был старшим нойон, —

Необычный увидел сон:
Там, где север суров и сер,
Где восходит гора Сумбэр,
Между облачной белизной
И небесной синью сквозной
Чудный жаворонок пролетал,
Словно блеском зари трепетал.

Если б жаворонка достать
И на землю спустить удалось,
На земле б родилась благодать,
Благоденствие б родилось
На земле трех тубинских стран..
И, проснувшись, ударил Саргал
В золотой, боевой барабан,
Свой полночный народ созвал,
И в серебряный барабан
Он забил, потрясая дол,
Чтобы южный народ пришел.

Три вождя трех племен земли
Племена свои привели
К перевалу горы Сумбэр.
Увидали они: вдали,
Там, где север суров и сер,
Над вершинами острых скал
Звонкий жаворонок трепетал,
Совершая свое паренье
В переливчатом оперенье.

«Если б жаворонка поймать
И спустить на землю живым,
Пролилась бы на нас благодать,
Засияло бы счастьем земным
Племенам трех тубинских стран!» —

Так воскликнул нойон Саргал,
Но коварный Хара-Зутан,
Усмехнувшись злобно, сказал:
«Не хватает силенок вам, что ли,
Птицу-жаворонка поймать
Ради вашей счастливой доли?»

Достает он стрелу Хангая
И, сначала ее пропуская
Меж ногами хромого пса, —
Перед тем, как метнуть в небеса,
Чтоб достигла заветной цели, —
Он стрелой коснулся постели
Черноликой бездетной вдовы,
Заклинаньем стрелу заклиная.
И взметнулась, и в глубь синевы
Устремилась стрела стальная.
И, стрелою замороженной
Так предательски пораженный,
С неба жаворонок слетел,
На земной опустился предел.

И увидели все неожиданно
Дочь-царевну Наран-Дулана,
Ту, что Солнцем на свет рождена,
И увидели все, что она —
Украшение стран и племен,
Та царевна Наран-Гохон.

Молвил слово Саргал-нойон:
«Возвестил мне мой вещий сон:
Хоть светла и прекрасна царевна,
Хоть мила и близка нам душевно,
Ради счастья стран и племен
Надо сделать ее одноокой,

Надо сделать ее однорукой,
Надо сделать ее хромой,
Надо сделать ее женой
Сэнгэлэна, старца-нойона.
Надо быстро и потаенно
Поселить их в лачуге нищей,
Превратить царевну в старуху,
Пусть пасут корову-чернуху,
Молоко пусть им будет пищей,
Что заквашено в старом котле!
Счастья нам не видать на земле
И веселья в доме человечьем,
Если мы этих двух стариков
Не прогоним, не искалечим!»

Был ответ Сэнгэлэна таков:
«Не могу, не найду в себе силы
Изуродовать облик милый,
Искалечить Наран-Гохон!»

Черной злобою обозлен,
Никого на земле не любя,
Восклицает Хара-Зутан:
«Это я возьму на себя!»

И жестокая сталь заблестала,
И тогда однорукою стала,
Одноокой и хромоногой,
Горемыкой старой, убогой
Дочка Солнца, Наран-Гохон,
Что была мечтою племен,
Благодатью солнечноликой!
Сэнгэлэна с той горемыкой
Сочетали и сразу прогнали,
И они побрели в печали.

ДОЧЬ СОЛНЦА СТАНОВИТСЯ
ЗЕМНОЙ МАТЕРЬЮ ГЭСЭРА

У старухи и старика
Нет мальчишки-озорника,
Чтоб его на коленях качать,
Чтоб ласкать,— нет у них потомка,
Нет собаки, чтоб лаяла громко,
Нет овец, чтоб землю топтать.
Возле жалкой своей стоянки,
Где безлюдье, ветер и холод,
Черемшой утоляют голод
И выкапывают саранки.

От небесной отчизны вдали
Дни земные текли и текли
В том краю, где безлюдно и глухо.
Много ль, мало ль прошло недель,
Просыпается как-то старуха,
Перетряхивает постель:
Показалось ей, что колышется
И волнуется одеяло,
Что ей голос младенца слышится!
И царица Наран-Гохон
Вновь красивой и юной стала.
У нее, у жены старика,
Исцелились нога и рука,
Стало, зрячее, видеть далёко
Сталью выколотое око.

В удивленье, в счастливом испуге
Выбегает она из лачуги,
Видит дочь небесной страны:

Снег лежит, белизной сияя,
А у двери следы видны
Убегающего горностая.

Побежала по этим следам,
По глухим, безлюдным местам —
Потерялись следы горностая,
Превратились в следы колонка.
По звериному следу ступая,
И внимательна и чутка,
Поднимается, молодая,
На вершину Сумбэр-горы.
Там, в сиянье рассветной поры,
Увидала дворец величавый,
Белостенный и белоглавый,
И белели под ним облака.
Потерялись следы колонка —
Превратились в своем движенье
В человечьи следы саженьи,
И вели они во дворец.
Заглянула в дверной проем, —
Эсэгэ, всех богов отец,
За широким сидел столом.
Говорил ему Хан-Хурмас,
Очищая шубу от снега:
«Наконец я дождался ночлега.
Я прошел, чтоб увидеть вас,
По сугробам такой высоты,
Что насквозь промочил унты».

И возрадовалась царевна,
Небожителей увидав,
Повелителей горних держав,
Что беседовали задушевно.

Дочка Солнца подумала так:
«Это — добрые вестъ и знак».
Возвратилась она в лачугу,
Возвратилась она к супругу
И старухой стала опять,
Стала жить и радости ждать.

Пролетело нужное время
Над старухой и стариком.
Показалось царевне — семя
Превратилось в желанное бремя,
Грудь белым полна молоком.
Показалось: судьба, блистая,
Будет к ней добра неизменно,
И отцовская золотая
Будет коновязь благословенна...

Так нойон Сэлэнгэн-старик
И царевна супругами стали,
Расстелили постель-потник,
Две свои головы сочetaли,
И в краю, где снежные дали,
Вместе жили и радости ждали.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ, ТРЕТЬЕЙ, ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ ГЛАВ (ВЕТВЕЙ)

Чудовища, происшедшие из останков Атай-Улана, стремятся погубить Гэсэра, в которого на земле перевоплотился Бухэ-Бэлигтэ. Когда он был еще ребенком, они двинули против него полчище комаров, коршунов и крыс. Маленький Гэсэр побеждает их. Затем он уничтожает коварного жреца-ламу, которого к нему подсылают бесы.

В раннем возрасте Гэсэр поражает своей непривлекательной наружностью. Это не мешает ему принять участие в соревновании женихов, добивавшихся руки красавицы Тумэн-Жаргалан.

Гэсэр побеждает всех соперников, а в их числе — и своего дядю, криводушного Хара-Зутана, и женится на Тумэн-Жаргалан. Второй его женой становится Урмай-Гохон. Однажды на охоте Гэсэр встречает женщину-воина Алма-Мэргэн, дочь морского царя, и та становится его третьей женой.

Отрубленная голова Атай-Улана, превращенная в чудовище Архан-Шудхэр, стремится проглотить луну и солнце. Один из богатырей Хурмаса, отца Гэсэра, пронзает чудовище стрелой. Архан-Шудхэр падает в пресноводное море. Он боится выйти из воды и соединиться с другими чудовищами, так как поблизости находятся владения Гэсэра. Дядя Гэсэра, его неудачливый соперник, криводушный Хара-Зутан, пригоняет свои стада к той воде, где прячется Архан-Шудхэр. Схваченный чудовищем, Хара-Зутан, чтобы освободиться из плена, уничтожает богатырские доспехи Гэсэра. Архан-Шудхэр нападает на Гэсэра. Несмотря на утрату богатырских доспехов, Гэсэр побеждает чудовище.

Гэсэр знает, что с другим чудовищем, Гал-Нурман-ханом, происшедшим из позвонка Атай-Улана, он сможет сразиться только через девять лет, но так как Гал-Нурман-хан пожирает людей и домашних животных, Гэсэру приходится с ним вступить в борьбу немедленно. Когда кажется, что чудовище одолевает Гэсэра, бабушка Манзан-Гурмэ посылает Гэсэру на помощь его брата, Заса-Мэргэна, вручив ему спасительный талисман, — стрелу Эрдени. Душа Гэсэра держится на одной красной ниточке, уже готовая покинуть тело, но стрела Эрдени пронзает насмерть Гал-Нурман-хана. Гэсэр раздает людям несметные богатства побежденного чудовища.

Гэсэр мечтает подарить народу счастье жизни, сокровища земли. Ему известно, что эти сокровища таятся в недрах недоступной горы, которую охраняет опоясывающая эту гору огненная змея. На пути к своей цели Гэсэр встречает таежного тигра, происшедшего из отрубленной правой руки Атай-Улана. Тигр притягивает своим дыханьем Гэсэра и его богатырей. Даже

деревья тайги исчезают в пасти лютого зверя. Когда в эту пасть попадает и Гэсэр верхом на коне, храброму всаднику удастся изловчиться и воткнуть копье в нёбо зверя, уперев древко копья в его нижнюю челюсть. Из чрева побежденного зверя выходят на свет живые, проглоченные ранее люди — кто пешком, кто на коне, кто на арбе. Совершив этот подвиг, Гэсэр с помощью своего тестя, морского царя, добывает из горных недр сокровища и дарит их людям.

ВЕТВЬ ШЕСТАЯ

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧУДОВИЩА
ШЭРЭМ-МИНАТА

ЧУДОВИЩЕ ХОЧЕТ ИСТРЕБИТЬ ЖИЗНЬ
НА ЗЕМЛЕ

С твол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.
Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться,
Родословной могучих
Почему б не заняться?

Так рассказывают старики:
Происшедший из тела Атая —
Из отрубленной левой руки, —

Возмужал, годов не считая,
Укрепился Шэрэм-Мина́та.
Был таким убийца проклятый:
Он таил в трехсаженном рту
В целых пять четвертей язык.
Непомерно остер и велик
Был один-единственный клык.
Черен был ненавистный лик,
Красных глаз пылали круги —
Страшно было на них смотреть!
Жизнь и радость — его враги,
А в руке — чугу́нная плеть.
Обитал он в пределах ненастья —
Ближе смерти и дальше счастья.

Это было время, когда
Процветал человеческий род:
Много видел от солнца щедрот,
А болезней не знал никогда.
Изумрудной лоснились травой
Бесконечные поймы-луга
И бессмертного моря прибой
Гулом волн услаждал берега.

В это время чудовище злое,
В чьей руке — чугу́нная плеть,
Поражение помня бывшее —
В прежней жизни — и дальше терпеть
Не желая старой обиды,
Порешило: настала пора
Рассчитаться с силой добра!

Гневом, ненавистью объятый,
Завиду́щий Шэрэм-Мина́та
Из огромного высунул рта

Длинный, в пять четвертей, язык,
Напоил свой единственный клык
Смертоносным дьявольским зельем,
Повернул ровно тридцать раз
Он круги своих красных глаз,
И, ударив рукой по ущельям,
Своротил он громады гор
И взглянул на земной простор
С лютой злобой и черным весельем.
Порешил он, что месть свою,
Напоенную зельем обид,
На Гэсэра обрушит в бою,
Человеческий род истребит!

Сжал рукою плетку чугунную,
Над землей наклонился юною.
Ближе смерти и дальше счастья,
На погибель цветущим странам,
Захрипел он ветром-бураном,
Залил землю влагой ненастья.
Он печальным сделал удел
Трех тубинских мудрых вождей.
Истреблял он малых детей
На земле, которой владел
Справедливый Абай-Гэсэр ¹, —
Истреблял их, покуда малы,
В сером царстве тумана и мглы.
Жеребенка глотал он живьем,
Чтобы стать не успел он конем.
Ежедневно по сто детей,
Еженочно по сто коней
Истребляло чудовище злое.
На земле погибало живое.

¹ А б а й — великий, славный, старший; постоянный эпитет Гэсэра.

Красной крови потоки текли,
Дым клубился вблизи и вдали,
Черной крови потоки текли,
Мгла душила тело земли.
Поднималась над миром гарь,
Умирали среди смятенья
Люди, звери, птицы, растенья —
Все живое, всякая тварь.
В табунах, стадах и отарах
Погибали самые жирные
И сливались в реки всемирные
Слезы юных и слезы старых.

Похвалялось злое отродье,
В чьей руке — чугунная плеть:
«Увядает земли плодородье,
И на это мне любо смотреть!
Я — безводье, и я — бесплодье,
Я не дам ликовать добру,
Всех детей на земле сожру!
Что ты можешь сделать, Хурмас,
Или ты, Гэсэр, мощный витязь?
Как людей вы спасете сейчас?
Ну-ка, храбрые, отзовитесь!»

Злобный дух, черный бес хохотал,
Проклял небо и землю, бахвал:
«Я всего живущего враг —
Из людей никого не оставляю,
Пусть последний погаснет очаг!
От животных я землю избавлю —
Никого я в живых не оставляю!
Ни людей, ни зверей, ни дорог
Пусть не знает мир необъятный!»

Злобный дух, кровожадный, отвратный,
Так бахвалясь, на землю прилег,
Расстелив потник сыромятный.

ГЭСЭР ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА БИТВУ С ЧУДОВИЩЕМ

В это время Абай-Гэсэр,
Самых светлых исполненный дум,
Обладая умом провидца,
Волшебствам двадцати и двум
На ладони велел появиться,
А потом по перстам пустил
Чародейных двенадцать сил
И воскликнул: «Богатыри,
Сильнорукие тридцать и три,
Моему вы слову поверьте:
То чудовище, что живет
Дальше счастья и ближе смерти,
Недруг тверди, суши и вод,
У которого черный лик
И один-единственный клык
В глубине трехсаженного рта,
Кровожадный Шэрэм-Мината,—
Тот, кто, ненавистью объятый,
Сжал в руке чугунную плеть,
Чьи страшны круги красных глаз,
Ополчился войной на нас,
Чтобы жизни не было впредь!»

Обратившись с речью такою
К тридцати и трем главарям,
К небожителям-богатырям,
Он раскрыл могучей рукою
Стародавнюю Книгу Судеб.

И воитель духом окреп,
Как прочел заповедное слово:
«Если должен ты одолеть
Кровожадного беса злого,
В чьей руке — чугунная плеть,
То его ты один одолеешь.
Если ж ты победить не сумеешь,
То потерпишь один поражение,
Потому что в этом сраженье
Не помогут богатыри —
Сильнорукие тридцать и три».

Приказал Гэсэр, чтоб мгновенно
Снарядили в поход Бэльгэна,
Ветроногого скакуна,
И, поскольку дорога трудна,
Взял Эржен-Шумара с собою —
Одного из богатырей,
Приказал ему, чтобы к бою
Приготовился поскорей.
Услыхали эти слова
И отправились за Бэльгэном,
За гнедым конем драгоценным,
Остальные тридцать и два.

В это время скакун гнедой
Утолял свою жажду водой
Из прозрачного родника,
Рядом с облачной синевой.
Он питался нежной травой,
Что была и тучна и сладка.

У гнедого была красива,
В три воза шириною, грива,

Страх и трепет внушал он врагу.
Изловили его на лугу,
Там, где глазу вся даль открыта.
Чтобы твердыми стали копыта,
Повели его в поводу
По камням, а потом по льду.
Привязали его на вершине,
Чтоб, как ястреб, летал отныне,
Привязали среди долины,
Чтоб познал полет соколиный.
Чтоб к лишениям его приучить,
Прошлогоднюю дали травку,
Дали ржавой воды в добавку.

У коня — пушистая холка,
А потник — из мягкого шелка.
Оседлали его седлом,
Что сверкало литым серебром.
Чтобы трудный брал он подъем,
Серебрился нагрудник на нем,
Чтобы спуск ему был нипочем,
Серебрился надхвостник на нем.
Вот накинули на коня
С десятью ремешками подпругу,
С двадцатью язычками подпругу,
Место поводу — полукругу —
Под переднею дали лукой,
А под задней седельной лукой
Дали место плетке тугой,
Что из красного сделана дерева:
Крепко била плетка Гэсэрова!

Снарядил и Эржен-Шумар
Скакуна чудесного цвета

Загорающегося рассвета,
Взял с собою стрелу, что всегда
Излучала свет, как звезда,
И решил: «Конь готов к войне,
Приготовиться надо и мне».
И к Абай-Гэсэру пошел.

Там, накрыв серебряный стол,
И Гэсэр, и его жена —
Та хозяйка Алма-Мэргэн,
Что была для битв рождена, —
Угостили его на славу,
Дали мясо, к мясу — приправу.

В путь пора собираться теперь.
Стал Гэсэр одеваться, кружась
Перед зеркалом, ростом с дверь.
Стал Гэсэр одеваться, кружась
Перед зеркалом, шириной
В богатырский потник седельный.
Он сориночки ни одной,
Он пылиночки ни одной
Не оставил на ткани нательной.

Натянул шаровары-штаны,
Что, как печень, были черны,
А на ощупь, как замша, нежны:
Из семидесяти — помнят воины —
Шкур изюбров штаны были скроены!
Нацепил он справа колчан,
Что серебряным был издельем,
Что сравнялся с узким ущельем,
А налучник, что шириной

Равен был равнине степной,
Нацепил он на левый бок.

Превосходный, меткий стрелок,
Он в налучник серебряный вдел
Лук, для славных сработанный дел:
Было все у него, чтоб стрелять,
А подставок — семьдесят пять.
И число такое же стрел
Он поставил торчком в колчане,
Девяносто — расставил врозь,
Чтоб зимою на снежной поляне
Мерзнуть воину не пришлось,
Чтобы летом, в горячий день,
Эти стрелы давали тень.

Он оделся в такие одежды,
Чтоб никто не питал надежды
Среди тех, чьи плечи сильны,
Одолеть его в день войны;
Чтоб ни острое, ни тупое
Не пробili во время боя
Облаченья твердую сталь,
Чтобы сталь сверкала, как даль,
Освещенная солнцем юга,
Чтоб, как листья, шуршала кольчуга.

На двенадцать весен вперед,
Чтобы голодом не был мучим,
Он запасся жиром паучьим,
Этим жиром обмазал рот.
Чтобы голодом не голодать,
Двадцать лет без пищи страдать,
Он уста, что крови красней,
Впрок обмазал жиром червей.

Взял с собой он четыре посоха,
Чтобы с ними ходить, как по́суху,
По воде четырех морей,
Взял с собою носимый на шее
Красный камень богатырей,
Что бесчисленных преград сильнее,
Взял с собою ветку сандала,
Чтоб от боли она исцеляла,
Взял аркан, чтоб на поле брани
Оказались в белом аркане
Многочисленные враги.
Он потом натянул сапоги,
Что из рыбьей сделаны кожи, —
Черной юфти она дороже.
Богатырь на плечи надел
Из парчи накидку-дэгэл:
В дорогом облаченье этом
Бились воины только летом.

Вот он пальцем большим шевельнул —
И застежки все застегнул,
А потом свой стан затянул
Кушаком извитым, прославленным,
В серебро и золото оправленным.
Он надел и панцирь и щит —
Ничего их не устрашит:
Ни равнин дожди многодневные,
Ни дружин вожди многогневные.

Он соболью шапку надел,
Что казалась огромной копной.
Кисть была словно холм травяной
И дрожала от ветра дорóг.

Нацепил он на правый бок
Закаленный булатный меч,
Сотворенный для ратных сеч,—
Он в крови не утрачивал злости,
Не тупился о белые кости,
Он на восемьдесят шагов
Удлинялся при виде врагов,
А сжимался на восемь шагов,
И при этом он был таков:
Острие — хитрей колдуна,
На ребре видны письмена,
Смертоносен его удар!

Вот Гэсэр и Эржен-Шумар
Открывают хангайскую дверь
Из чистейшего перламутра,
Вот Гэсэр, величав и строг,
Переходит через порог,
А порог сверкает, как утро,
А порог — белый мрамор Хангая.
И по лестнице из серебра,
Ни ступеньки не пропуская,
Отправляются со двора.
Попытались бы так спуститься
Жеребенок и кобылица,
Поскакали б за смельчаком
Кобылица да с лончаком!

Подошел он к серебряным кольям,
Где, на привязи стоя, гнедой
Многотравным дышал раздольем.
Повод взял богатырь молодой,
Быстро ноги вдел в стремяна,

На гнедого вскочил скакуна
И уселся крепко в седле
Из якутского серебра,
Чтоб помчаться на помощь земле
Ради жизни, во имя добра.

Наклонясь к седельной луке,
Крепко в правой зажав руке
Плеть из красного тальника,
Он рукою левою вдруг
Незаметно почти, слегка
Дернул повод полукруг
И проделал круг, повторяя
Светлый солнечный круговорот,
И с Эржен-Шумаром вперед
Поскакал — только пыль густая
Поднялась, уперлась в небосвод,
Только шапки высокая кисть
Трепетала нитями алыми
Над ущельями и над скалами.

ПЕРВАЯ СХВАТКА С ЧУДОВИЩЕМ

Если скачут всадники наши
Не спеша, из-под гордых копыт
Пыль до самого неба летит
И комки этой пыли — как чаши,
А помчатся они побыстрее —
Будут пыли комки как котлы...
Двое славных богатырей
Там, где в зелень одеты стволы,
Словно белки, мелькают в листве.

Там, где с тучами горы в родстве,
Словно соколы над вершинами,
Машут крыльями соколиными.

То несутся по тропкам росистым,
Словно камень, с обрыва пущенный,
То летят со звоном и свистом,
Будто стрелы, что в воздухе сплющены.
Над пространствами в сто кругозоров
Скачут всадники выше воздуха,
Расстоянье в пятьсот просторов
Покрывают, не зная роздыха.

Скачут громко ли, скачут ли тихо —
Наступает ночевки пора.
Вот стрела взметнулась, быстра, —
Наземь падают лось и лосиха.
Разожгли они пламя костра
Там, где чистый бежал родник.

Каждый снял седло и потник
С двух коней, что скакали лихо,
Напоили их свежей водой,
По траве пустили густой.
Как вкусны будут лось и лосиха,
Что нанизаны на вертела!

А когда вечерняя мгла
Листья в темный покрасила цвет,
Погрузились всадники в сон.
Не успел еще бледный рассвет
Озарить, осветить небосклон —
Оба спутника пробудились,
Родниковой водой насладились,
Подкрепились мясом лосиным.
Не успела еще заря
Просиять лугам и долинам —
Два могучих богатыря
Огневых коней оседлали,
Поскакали в дальние дали.

«На чужбине сойдемся с врагом —
Учиним на чужбине разгром.
Встретим недруга в нашем краю —
Сокрушим его в быстром бою!»
Так решили твердо и строго
И помчались во весь опор.
Если в горы вела дорога,
Пролетали над гребнями гор,
Если море пред ними синело,
То четыре волшебных посоха
Помогали им быстро и смело
Мчаться по морю, будто посуху.

Если снег выпадал глубокий
И в пути стрекотали сороки —
Возвестители зимних дней,
Если ветки деревьев вздрагивали,
То воители поплотней
Лисьи шапки свои натягивали.
Если в зеркале луж красовались
Синецветные небеса,
Если, звонкие, переливались
Соловьиные голоса,
Если в мире рождалось тепло,
Возвещая, что лето пришло, —
Мчались, ворота расстегнув,
Два воителя, два смельчака.

Хоть земля была широка,
А воители к месту поспели,
Хоть была бесконечна река,
А достигли все-таки цели.

В это время Шэрэм-Мината,
Чье жилье — у горного ската,
Ближе смерти и дальше счастья,
Ненавистник тубинских владык,
У которого в страшной пасти
Был один-единственный клык,
Был язык в целых пять четвертей —
Страшный бес, пожиравший детей,
Враг земли, враг жизни подлунной,
Обладавший плетью чугунной,
Черный дух, чья злоба зажглась
В двух кругах ярко-красных глаз,
Чья слюна истекала ядом —
Понял мерзким умом колдуна,

Что Абай-Гэсэр где-то рядом,
И решил: «Да будет война.
Я помчусь Гэсэру навстречу,
Я начну смертельную сечу».
Вот Гэсэр, на погибель злу,
Из колчана достал стрелу,
Зачинавшую ратное дело.
Вот взвилась, взлетела стрела,
Но врага пронзить не могла, —
По броне скользнув, улетела.

А свирепый бес тридцать раз
Повернул круги красных глаз,
Обнажил единственный клык,
Длинный высунул свой язык,
Ядовитой забрызгал слюной.
Ненавистник жизни земной
Черной плетью — три ночи, три дня —
Стал направо бить и налево —
Чуть Гэсэр не свалился с коня!
И тогда, исполненный гнева,
Размахнулся Гэсэр мечом, —
О мече мы слово начнем!

Восхищая вселенную целую,
Удивительным свойством он славился:
Он о кость не тупился белую,
В красной, жаркой крови не плавился!
Но утратил он свойство свое,
Он с чудовищем злобным не справился.
Иступилось его острие,
Изогнулся булатный меч,
Не сумел он беса рассечь!

Становилось чудовище злее,
А Гэсэр бился с гневом удвоенным:
«Хоть и бычьими были шеи,
Я сворачивал шеи воинам.
Так неужто теперь врагу
Бычью шею свернуть не смогу?»

Так подумав, с гнедого сошел он,
Непреклонной решимости полон.
Две полы заткнув за кушак,
Засучив рукава, смельчак
Супостата схватил за предплечья —
Да не смог нанести увечья.
Издевается бес кровавый:
«Слишком слабы твои суставы,
Слишком волосы редки и жидки,
Слишком жалки твои попытки!»

Так сказав, из Гэсэровых рук
Злобный бес вырывается вдруг,
Бьет чугунной плетью с размаха.
Но Гэсэр не ведает страха:
«Если есть у шеи хрящи,
Сверх шести хряща не ищи,
Если ты человеком рожден,
Выполняй человеческий закон!»
Так подумав, напряг сухожилья
И в сражение вступил рукопашное,
Чтоб избавить мир от насилья.
Он схватил чудовище страшное
За предплечье правой руки —
Стали биться они, как быки.
Сила с мощью великой столкнулась,
Синецветная твердь содрогнулась,

Мироздание пошатнулось,
Море вздрогнуло и захлебнулось,
Превратились горы в песок,
Разъярился речной поток,
Желтоцветная пыль взметнулась —
И земля во мгле задохнулась!
В черной мгле и желтой пыли
Исчезали приметы земли,
Все живое стало незримо
В облаках тяжелого дыма...

Трое суток — и ночью и днем —
Длится бой на просторе земном.
Длится битва семь дней, семь ночей —
Кто сильнее из двух силачей?
Здесь могучий бьется с могучим.
Если их на верблюда навьючим,
Одинаковым будет их вес,

И такой же вес мы получим,
Если их на лошадь навьючим.
С человеком сражается бес
От зари до полночного часа,
Задевая края небес,
От спины отрывая мясо,
На груди разрывая мясо,
Попирая полные горы,
Коль другой не видно опоры,
Попирая вершины юга, —
Уничтожить хотят друг друга!

Длится бой девяносто суток.
Между гор найдя промежуток,
Бой ведут на тропе ледяной.
Девять месяцев длится бой.
Храбрецы, как лошади, взмылены,
Обескровлены, обессилены,

От зари до позднего часа
Попирают дно пропастей.
Воздвигается горка из мяса,
Воздвигается холм из костей,—
Уничтожить не могут друг друга!
Прилетают вороны с юга,
Это мясо на ночь уносят,
Разрешенья при этом не просят.
Покидая север, сороки
Прилетают на краткие сроки
И на сутки мясо уносят
И при этом слова произносят:

«Своего нам давайте мяса,
Пусть побольше будет запаса,
Чтоб на тысячи тысяч лет
Было мясо для птиц на обед!»

Так сказав, сороки и вороны
Разлетаются в разные стороны.

Целый год в борении прожит,
А Гэсэр победить не может
Ни военной мощью меча,
Ни надменной силой плеча,
Ни копьем, ни острой стрелой,
Ни отвагою удалой.
От зари до полночи лунной
Злобный бес, не кончая сраженья,
Бьет Гэсэра плетью чугуновой
До всемирного изнеможенья!

Так сражаются благо и злоба,
Круглый год продолжается бой.

Ослабели в сражении оба,
Обескровлены долгой борьбой.
Мощь иссякла, и сталь заржавела,
И они, соблюдая правила,
Порешили передохнуть:
Каждый в свой отправился путь.

Обладая ценным сокровищем —
Чистым сердцем, умом прозорливца, —
Так подумал Гэсэр: «С чудовищем
Слишком рано решил я сразиться.
Не хватает мне силы-уменья,
Не хватает и разуменья».

И с Эржен-Шумаром вдвоем
На гнедом Бэльгэне своем
Богатырь поскакал домой
По тайге, что слывет глухой,
По горам, что слывут высокими,
По морям, что слывут широкими,
По просторам, слывущим далекими,
По озерам, слывущим глубокими.

Он добрался до моря Мунхэ,
До своей долины Морэн,
До реки Хатан многопенной.
Как приехал к себе домой,
Удалого коня Бэльгэна
К кольям коновязи расписной
Привязал он привязью красной,
Сотворенной из ткани атласной,
И к супруге своей молодой
Он вошел в чертог золотой.

Тут Алма-Мэргэн, та жена,
Что для грозных битв рождена,
Увидав, что супруг пришел,
Золотой накрывает стол,
Накрывает серебряный стол,
Угощает Абай-Гэсэра
Вкусной пищей, крепким вином,
Угощает арзой-хорзою ¹
И, сияя свежей красою,
С милым мужем садится вдвоем.

Вот, отведав чуть-чуть вина,
Вот, откушав чуть-чуть еды,
Рассказать попросила жена,
Чем его завершились труды.
Рассказал Гэсэр полупшепотом,
Что свирепа чугунная плеть:
Ни отвагой, ни силой, ни опытом
Не сумел он врага одолеть.
Ослабев, он вернулся обратно,
Он решил отдохнуть немного,
Но теперь ему непонятно:
Где лежит к победе дорога?
И жена ответила строго:

«Не тебе ли твои небожители —
Пятьдесят и пять — помогли
Вновь родиться в земной обители
Ради жизни и правды земли?
Не тебе ли была бурханами
Пятикнижная мудрость дана,
Чтоб твоими деяньями бранными
Укрепились твоя страна?

¹ Арза и хорза — водки, полученные из перегнанного молока.

Если ты не сразишь чудовище,
Чье губительно самовластье,
То чудовище, чье становище —
Ближе смерти и дальше счастья,
Чье оружие — чугунная плеть, —
Кто же сможет его одолеть?
Кто же землю наполнит цветением,
Чтоб она перестала страдать,
Чтобы к людям, животным, растениям
Счастье жизни вернулось опять?

Злобный бес, погибель готовящий
Детям всех государств-племен,
Должен, должен быть побежден, —
Так иди, победи чудовище!
Ты во имя людей потрудись,
Поднимись на небесную высь,
Ты спроси у Хурмаса-отца
И у бабки Манзан-Гурмэ:
Как борьбу довести до конца,
Чтоб она завершилась победой?
Эсэгэ-Малана проведай —
Там и мудрости почерпнешь!»

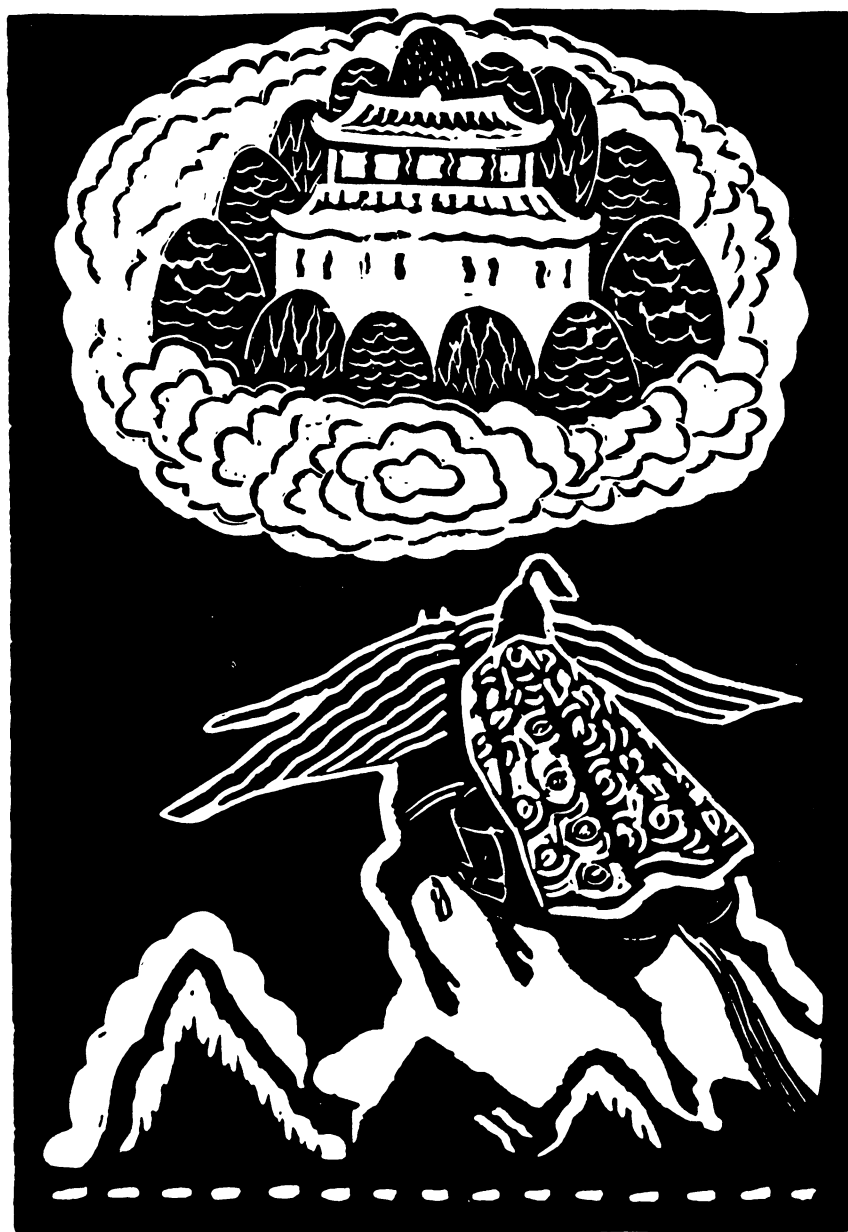
Говорит ей Гэсэр в ответ:
«Ты права, твой совет хорош,
Ибо правилен твой совет!»
И тогда на коне Жэгуртэ,
Что к небесной взмывал высоте,
Полетел Гэсэр удалой,
Ввысь поднялся, расстался с землей,
Вскоре скрылся в небе рассветном
На своем коне синецветном.

МАНЗАН-ГУРМЭ ВРУЧАЕТ ГЭСЭРУ
ШЕРСТОВИТНЫЙ СМЫЧОК

Поднимаясь все выше и выше
В беспредельном небе, Гэсэр
До отцовской домчался крыши,
Светом солнечным залитой.
Он врата объезжает справа,
Возле коновязи золотой
Оставляет коня, величаво
В бело-звездный вступает чертог.
Ни соринки не оставляя,
Перешагивает порог —
Светозарный мрамор Хангая,
И здоровается по обычаям,
С богатырским гордым величием.

Хан-Хурмас и Гэрэ-Сэсэн
Дорогого приветствуют сына,
Многомощного исполина,
Чью отвагу повсюду славят —
И на небе, и на земле.
Угощение отменное ставят
На серебряном щедром столе,
Накрывают и стол золотой,
А на нем, с курган высотой,
Возвышаются масло и мясо
И рекою льется питье.

Средний сын пред лицом Хурмаса
Рассказал про горе свое.
Рассказал отцу про чудовище
С трехсаженной свирепой пастью,
Про чудовище, чье становище —
Ближе смерти и дальше счастья,

Рассказал про то, как злодей
Пожирает малых детей.

«Этот бес, — Гэсэр говорит, —
Зло и мрак на земле творит,
Истребляет он все живое,
А оружие его боевое —
Беспощадная черная плеть.
Я врага не смог одолеть.
Как покончить с бедою этой?
Помоги мне, отец, посоветуй».

Хан-Хурмас говорит в ответ:
«Силы нет, чтобы дать совет.
Только бабка Манзан-Гурмэ
Может мудрое слово сказать,
Чтобы с гнусным отродьем справиться,
Надо к ней за советом отправиться».
И отца, и добрую мать
На прощанье обнял Гэсэр,
Обласкал их речью учливой,
Пожелал им жизни счастливой
И помчался к Манзан-Гурмэ.

Во дворце своем восседая
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра,
Так разнежилась бабка седая,
Увидав любимого внука,
Удалого стрелка из лука,
Что ему поднялась навстречу,
Обласкала приветливой речью,
Обнимая его и целуя,
И любовь и милость даруя.

Золотой накрывает стол,
Накрывает серебряный стол,
Ставит все, чем полон котел,
Ставит пищу, приятную взору,
Ставит мяса целую гору,
Наливает море вина...
Приступили они к разговору
Про старинные времена.
О счастливых годах и печальных,
Начиная с дней изначальных,
До тех пор говорили тогда,
Выясняя земные дела,
Что в пруду закипела вода,
А на камне трава проросла.

Покраснев от питья хмельного,
Молвил воин такое слово
Мудрой бабке Манзан-Гурмэ:
«На земле я родился снова
Ради жизни и блага людского.
Было трудно мне в битве подчас,
Но тогда вспоминал я вас...
Так бывало — от вас не скрою, —
Сила зла побеждала порою,
Но скакал я навстречу бою,
Славных предков призвав имена,
И была мне по силам война.

А теперь моя битва — иная...
Происшедший из тела Атая,
Из руки его левой, отрубленной,
Кровь людей на земле проливая,
Черной смерти и жизни загубленной
Стал причиной Шэрэм-Мината.

В трехсаженном рту супостата
В целых пять четвертей язык
И один-единственный клык.
Красных глаз пылают круги,
Так что страшно на них смотреть...
Жизнь и радость — его враги,
А в руке — чугунная плеть.

Обитает этот злодей
Ближе смерти и дальше счастья,
Низвергает он на людей
То кровавую влагу ненастья,
То пургу — все лютей и лютей.
Воздвигает холмы из костей,
Воздвигает горы из мяса.
Дожил я до тяжкого часа!
Истребляет Шэрэм-Мината
И людской и звериный род,
И скота моего приплод,
Самых жирных ягнят и телят —
Овцы плачут, собаки скулят!

Порешил я: пойду войной.
Коль вблизи чудовище встречу —
Уничтожу в стране родной,
Если нет — я устрою сечу
На чужой стороне далекой...
И сошлись мы в битве жестокой,
От зари до позднего часа
От спины отрывая мясо,
На груди разрывая мясо
В буйном гневe кровопролитья, —
Но врага не смог победить я

Ни военной мощью меча,
Ни надменной силой плеча —
Истощилась моя отвага...

У небесных мужей, чье число —
Пятьдесят и пять, что светло
Даровали мне чистое благо,
У бурханов, чей свет и тепло
Благодарной душою приемлю,
Ибо послан я ими на землю,
Чтоб карать неправду и зло,
У тебя, моя бабка седая,
Дорогая Манзан-Гурмэ,
У тебя, что глядит, восседаю,
В чашу разума и добра,
Сотворенную из серебра,
Я прошу: помогите спасти
Человечество на земле,
Укажите к победе пути,
Чтобы жизнь не погасла во мгле,
Дайте недруга одолеть,
В чьей руке — чугунная плеть!»

Тут Гэсэру Манзан-Гурмэ
Говорит слова укоризны:
«Как мне жаль, что во имя жизни
Ты в бою не сражался как воин!
Видно, сын отца недостоин...
Шерстобитный смычок возьми.
Ты навек породнился с людьми,
Так на землю спустись ты вновь,
Защити добро и любовь,
Защити человеческий род,
Защити матерей и сирот!»

Тут возрадовался Гэсэр:
«Ты мне, бабушка, помогла, —
На земле рассеется мгла,
Будет сломлен свирепый бес!»
Пожелал он ей благоденствия:
Пусть не знает горя, главенствуя
Над воителями небес,
И помчался к себе домой,
Взяв смычок шерстобитный с собой.

ВТОРАЯ СХВАТКА С ЧУДОВИЩЕМ

С беспредельных небесных высот
Он спустился на землю снова
И, людской приветствуя род,
Произнес богатырское слово:
«Если встретился ты, человек,
С многотрудной преградой особой —
Трижды взять преграду попробуй!»
Для сраженья, что будет сурово,
Снарядить приказал он гнедого,
А Эржен-Шумару сказал:
«Мне ты спутником будешь в дороге,
Мы разделим труды и тревоги», —
Снарядиться в поход приказал.

Он вступил во дворец золотой,
Он вошел к жене молодой,
И любимого мужа она
Как желанного гостя встретила,
Обласкала, взглядом приветила.
Говорит он: «Моя судьбина
Мне для ратных трудов завещана.

Пусть пребудет в дороге мужчина,
Как в домашних заботах — женщина.
Если есть на пути преграда —
Пусть воитель запомнит впредь:
Совершить три попытки надо,
Чтоб ее наконец одолеть.
Вышим благом правды владея,
Я иду уничтожить злодея,
В чьей руке — чугунная плеть.
Он живет в пределах ненастья —
Ближе смерти и дальше счастья».

У Гэсэра на теле — броня,
Боевые доспехи грозны.
Сел Гэсэр на гнедого коня,
Состоявшего из огня,
И открыл дорогу войны.
На коне чудесного цвета
Разгорающегося рассвета
С ним помчался Эржен-Шумар,
Как помощник-спутник в дороге,
Чтоб делить с ним труды и тревоги.

Если едут всадники наши
Не спеша — из-под гордых копыт
Пыль до самого неба летит,
И комки этой пыли — как чаши,
Если едут они побыстрей,
То взлетают комки, как котлы,
На дороге богатырей.
Там, где в зелень одеты стволы,
Мчатся всадники над листвой,
Что обрызгана теплыми росами,

Там, где высится кряж вековой,
Пролетают они над утесами,
Там, где море шумит у нагорий,
Переносятся через море.
Скачут всадники выше воздуха
Над пространствами в сто кругозоров,
Покрывают, не зная роздыха,
Расстоянье в пятьсот просторов.

Порешили стать на ночлег
На холме серебристо-белом,
Где еще не ступали вовек
Ни животное, ни человек,
Где вольготно пернатым стрелам,
Где к воде, что дарует родник,
Ни один еще конь не проник.

Вот и спешились два седока
У истока того родника,
На холме, что снега белей.
Напоили уставших коней
И пустили гулять по траве.
Приложили стрелу к тетиве —
И упали лосиха и лось:
Та стрела над ними не сжалилась,
Засвистела — пронзила насквозь.
Вот лосиное мясо изжарилось
На огне сине-красном костра,
И заснули стрелки до утра.

До того, как явила заря,
Словно в зеркало, глядя в родник,
Свой румяный, упитанный лик,

Два проснулись богатыря,
Родниковой водой освежились,
Причесались, расположились
На холме одиноком, пустынном
И насытились мясом лосиным.
На траве, что шелка нежней,
Двух поймали могучих коней,
Оседлали и дальше помчались,
О судьбе своей не печалась.

Пролетали повыше воздуха
Над пространствами в сто кругозоров,
Покрывали, не зная роздыха,
Расстоянье в пятьсот просторов,
За три дня, не устав ничуть,
Покрывали трехмесячный путь,
Покрывали за три перехода
Путь, длиною в три долгих года.

Хоть просторна земля, широка —
В наилучшее время поспели,
Хоть длинна, бурлива река —
Доскакали они до цели.
Перед ними легла граница —
Здесь им надо остановиться.

Обитавший в пределах ненастья —
Ближе смерти и дальше счастья,
Обладавший чугунной плетью,
Приказавший быть лихолетью,
Страшный бес, истреблявший людей,
Понял с быстрым понятием злодей,

Что Гэсэр уже прискакал,
За его охотясь душой,
До границы страны чужой.

Размахнулся бес непоборною
Жгучей плетью, чугуною, черною,
И помчался Гэсэру навстречу,
Чтоб начать кровавую сечу.
Там, где внешней реки переправа,
За которой — чужая держава,
Там, где блещет издалека
Царства внутреннего река
Синецветным разливом влаги,
В бой вступили два смельчака,
Два могущества, две отваги.
А на чьей стороне перевес?
Бьет Гэсэра свирепый бес,
Черной плети удары множит —
Победить Гэсэра не может.
А Гэсэр, победить желая,
В ход пускает стрелу Хангая,
Ту, что прочих стрел совершенней, —
Зачинательницу сражений.
Но, скользнув по броне, от тела
Людоеда Шэрэм-Мината
Отскочила стрела, улетела,
Утонула в разливе заката...

Чтобы радость жила человечья,
Бьется с бесом Гэсэр бесстрашный.
Вот схватились они за предплечья —
Ибо в битве сошлись рукопашной.
То ведут сраженье по-птичьи,
То дерутся они по-бычьи,

То, как соколы, жаждут добычи,
То — как коршуны на небосклоне,
То — как в поле дикие кони.
Обопрутся на южную гору —
В пыль и прах превратят опору,
А на северный станут хребет —
В толще пыли сокроется свет.

Бьется насмерть с Гэсэром могучим
Девять суток свирепый бес.
На верблюда обоих навьючим —
Одинаковым будет их вес,
И такой же вес мы получим,
Если их на лошадь навьючим.
В том урочище диком, глухом
Бес кровавый и сын Хурмаса
Из костей воздвигают холм,
Воздвигают гору из мяса.

Смерть и злобу везде славословящий,
Бес, бранясь, устремляется вспять, —
И опять наступает чудовище,
Бьет чугунною плетью опять,
Бьет Гэсэра злое отродье!
Мощь Гэсэра уже на исходе,
Воин кажется беззащитным,
Но тогда о смычке шерстобитном,
О подарке Манзан-Гурмэ,
Вспомнил воин, сидевший верхом.
Он взмахнул шерстобитным смычком
И ударил беса с размаха
Так, что мерзкий присел от страха,
Стал бессильней пыли и праха.

А Гэсэр сечет и сечет —
Он теряет ударам счет, —
Чтобы выбить из тела дух.
Злобный бес от ударов распух,
Стал недвижим язык в страшной пасти.

Обитавшего в черном краю —
Ближе смерти и дальше счастья,
Богатырь одолел в бою
Ненасытного людоеда.
Вынул душу и вышиб дух.
Свет в глазах злодея потух.
Наконец-то пришла победа!

Раскраснелся Гэсэр от счастья:
«С тяжелой справились мы напастью,
Побежден кровожадный враг,
Всем внушавший ужас и страх!»

Вот Гэсэр и Эржен-Шумар
Порубили деревья лесные,
И сухие стволы и сырые,
Порубили деревья таежные
Вместе с ветками, вместе с корнями.
Утверждая слова непреложные,
Разожгли высокое пламя
И в огне возмездья сожгли
Изувеченные останки
Кровопийцы, врага земли,
Возле черной его стоянки
В ненавистных пределах ненастья —
Ближе смерти и дальше счастья.

И осиновою лопатой
Этот пепел собрали проклятый,
Чтобы ветры, что с севера веяли,
Черный пепел на юге рассеяли,
И лопатой из березы,
Отомстив за людские слезы,
И золу собрали и сажу
И пустили по горному кряжу,
Чтобы ветры, что с юга веяли,
В странах северных пепел рассеяли.

ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ

Вот спаситель всего живого,
Победитель чудовища злого,
Именуемый всюду Гэсэром,
Серебристую трубку достав,
Что казалась с нерпу размером,
Из похожего на рукав
Темно-бархатного кисета
Трубку красным набил табаком.
Он огнем жемчужного цвета
Высек яркие искры огня —
Пламя вырвалось из кремня.
Наслаждался Гэсэр табаком —
Закурил, затянулся дымком,
А как выдул дымок — был он цвета
Загорающегося рассвета!

Совершивший великое дело,
Возвративший отчизне смело
Счастье жизни, счастье добра,

Так Гэсэр порешил: «Пора
Нам коней повернуть обратно!»
И с Эржен-Шумаром вдвоем
Поскакал он знакомым путем.

А земля кругом благодатна,
И отрадно мчаться вперед.
Льются реки, сердцам их вторя,
Говоря им: «От смерти и горя
Вы спасли человеческий род.
Возвратили счастье, и волю,
И любовь, и блаженную долю
Человеческому очагу,
Ибо смерть нанесли врагу!»

К той реке, что их в детстве поила,
К той земле, где возникла их сила,
В дорогие, родные края,
Где у каждого — дом и семья,
Поскакали, как быстрая влага,
По дороге света и блага.

Вот коней замедляют бег,
Потому что стать на ночлег
Посреди долины пришлось.
Их стрела, подчиняясь приказу,
Двух животных пронзила сразу —
И упали лосиха и лось.
О кремень огнивом ударили
Два защитника вольной земли,
Сине-красный костер разожгли,
И лосиху и лося изжарили,
И на отдых спокойно легли.

Не успел еще в небе разлиться
Бледный свет зари молодой —
Освежили руки и лица
Родниковой чистой водой,
Привели одежды в порядок,
Подкрепились мясом лосиным,
И навстречу сияниям радуг
Понеслись по горам и долинам,
Мчались всадники выше воздуха
Над пространствами в сто кругозоров,
Покрывали, не зная роздыха,
Расстоянье в пятьсот просторов.

Вновь решают на отдых лечь,
Вновь решают они разжечь
Сине-красное пламя костра,
Но Гэсэр, заступник добра,
Произносит такую речь:
«Там, где мы ночевали вчера,
Я забыл, оставил на пне
Плеть из красного тальника.
Та ночевка отсель далека,
И без плети приходится мне
Приближаться к моей стороне».

И тогда, не желая ночевки,
Поскакали без остановки,
Поскакали к себе домой,
К той стране, что была им родной,
К той реке, что их в детстве поила,
К той земле, где возникла их сила,
К побережью моря Мунхэ,
К той долине, чье имя — Морэн,

К той супруге — Алма-Мэргэн,
Что Гэсэра ждала дорогого...
Богатырь привязал гнедого
К кольям коновязи золотой:
Охранитель всего живого,
Сокрушитель чудовища злого, —
Победитель вернулся домой!

Был он встречен с любовью женой,
Было радостным возвращенье
Ратоборца в родимый дом.
На столах перед ним угощенье —
На серебряном и золотом:
Мясо всякое здесь в преизбытке,
И арза, и другие напитки.

И тогда Гэсэр говорит:
«Возвратилось хорошее время,
Мне не нужно военное стремя,
Уберу я кольчугу и щит».
Говорит победитель-воин:
«Снова счастлив мир и спокоен,
Род людской избавлен от мук —
Уберу я стрелы и лук».

В этот час прямодушный Саргал
Прозорливым умом угадал,
Что, земли и неба избранник,
Возвратился домой племянник,
Что Гэсэр уничтожил чудовище,
Чье губительно самовластье,
То чудовище, чье становище —
Ближе смерти и дальше счастья!

И возрадовался Саргал,
Он к племяннику прискакал
И сказал ему, что отныне
На земле не погаснет свет.
А Гэсэр вздыхает в ответ:
«Там, где мы ночевали, в долине,
Что от наших мест далека,
Плеть из красного тальника
Я забыл, оставил на пне,
И пришлось поэтому мне
Возвратиться без плети к жене!»

На Гэсэра ласково глядя,
Улыбнулся племяннику дядя.
Прямодушный нойон Саргал
В золотой барабан ударил,
Свой народ на праздник собрал.
Он Гэсэра гордо восславил
На веселом, обильном пиру,
Ибо воин, служба добру,
Род людской от смерти избавил,
В самый трудный и горький час
Все живое от гибели спас,
Чтоб любовь на земле не погасла,
Чтоб светились покой и мир...

Восемь дней продолжался пир.
Словно холм, поднималось масло,
Мясо высилось, точно гора,
Разливались вина, как реки...
В честь великой победы добра,
Утвердившей счастье навеки,
Длится пир девять дней и ночей.
Много сказано было речей.

Сколько можно есть-угощаться?
Стал народ по домам разъезжаться.

А Гэсэр и его жена
В многотравной, мирной долине,
Говорят, пируют поныне,
А кругом ликует страна,
Изобилья и света полна.

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ И ВОСЬМОЙ ГЛАВ (ВЕТВЕЙ)

Дядя Гэсэра, криводушный Хара-Зутан, полон вражды к своему племяннику. Воспользовавшись отъездом Гэсэра на охоту, Хара-Зутан предлагает старшей жене Гэсэра, Тумэн-Жаргалан, перейти к нему, Хара-Зутану. Тумэн-Жаргалан пытается отделаться шутками, но так как шутки не помогают, она призывает на помощь одного из Гэсэровых богатырей, который избивает Хара-Зутана. Тот, задумав отомстить, обратился за помощью к подземным бесам. Гэсэр тяжело заболевает, он при смерти. Чтобы спасти его, Тумэн-Жаргалан должна уйти

к чудовищу Абарга-Сэсэн-Мингадхаю, жертвуя своей свободой и честью ради спасения Гэсэра. Выздоровев, Гэсэр отправляется на борьбу с исполинским чудовищем. Он превращается в двух мальчиков и в облике этих мальчиков проникает к томящейся в неволе своей старшей жене. С помощью Тумэн-Жаргалан, после долгих и тяжких битв, Гэсэр уничтожает чудовище и благополучно возвращается с женою в свои владения.

Среди самых заклятых врагов Гэсэра — чудовище Лойро-Лобсоголдой и три его зловредных сестры, происшедшие из седалища и отрубленных ног Атай-Улана. Вражда эта началась еще в детские годы Гэсэра, когда Гэсэр жестоко избил Лойро-Лобсоголдой за то, что тот повадился бегать по земле, принадлежавшей Гэсэру.

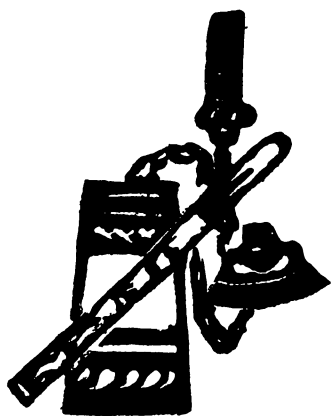
Три сестры обучают Лойро-Лобсоголдой колдовству, и чудовище превращает Гэсэра в осла. Гэсэр вынужден от зари до зари возить издалека камни на железной арбе. Тем временем Лойро-Лобсоголдой берет в плен вторую жену Гэсэра, красавицу Урмай-Гохон, и добивается ее любви. Младшая жена Гэсэра, женщина-воин Алма-Мэргэн, освобождает мужа от колдовских чар, возвращает ему человеческий облик и помогает победить Лойро-Лобсоголдой.

ВЕТВЬ ДЕВЯТАЯ

**ПОРАЖЕНИЕ ТРЕХ
ШАРАГОЛЬСКИХ ХАНОВ**

ПОЛЕТ ЖЕЛЕЗНОЙ ПТИЦЫ

С твол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.
Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться,
Родословной могучих
Почему б не заняться?

В поединках побеждены,
С многооблачной вышины
Наземь сброшены были три сына —
Три опоры Атай-Улана.

Утвердились три злобных хана,
Шарагольских три властелина,
Там, где Желтой реки долина.

Самый старший был стар и бел,
Прозывался Саган-Гэрэл,
Табунами коней владел,
Что светились белою мастью.
Черный люд, подневольный люд,
У него находился под властью.
Средний сын, тот Шара-Гэрэл,
Что соловым конем владел,
Был для мира людского напастью.
Черный люд, подневольный люд,
Под его находился властью.
Самый младший, Хара-Гэрэл,
Сероцветной кобылой владел,
На расправу был крут и лют.
Под его находился властью
Черный люд, подневольный люд.

Вот подумал Саган-Гэрэл:
«Не пора ли свату отправиться,
Чтоб для первенца-сына красавицу
На просторной земле присмотрел?»
Стали хитрым трудом трудиться
Три владыки, три колдуна.
Сотворили огромную птицу,
Что, казалось, земле равна.
Хан Саган-Гэрэл белолицый
Создал голову этой птицы
Из белейшего серебра,
Чтоб возвысилась, как гора.

Желтоликий Шара-Гэрэл
Отлил грудь из желтого золота,
Чтоб сверкала жарко и молодо.
Черноликий Хара-Гэрэл
Из железа выковал тело,
Чтобы черным блеском блестело.
Сын Сагана, Эрхэ-тайжа,
Чародействуя, ворожа,
Сделал крылья и оперенье
И вдохнул в нее душу живую
Для полета и для паренья.

Рукотворную птицу большую,
Что была, как земля, велика,
Угощают мясом быка,
И тогда существо рукотворное,
Непомерное, туловом черное,
Шевельнуло клювом по-птичьи
И сожрало все мясо бычье.
Дали целого ей жеребца —
Съела птица мясо и сало
И еще еды пожелала,
Чтоб насытиться до отвала.
Дали целого ей верблюда,
Чтоб насытилась птица-чудо.
Клюв у птицы как мощный молот —
Кое-как утолила голод!

Три владыки, три злобных брата,
Наставляют разбойного свата:
«Троекратно ты облети
Землю круглую, нежную, юную,
Осмотри все дороги-пути,
Ибо девушку надо найти,
Чтоб сияла прелестью лунною,

Ты четырежды осмотри,
Чтоб сияла светлей зари,
А потом уже отбери
Ту, чьи щеки алее дня,
Ту, чьи губы жарче огня,
Ту, чье сердце — пахучий цветник,
Ту, чьи думы — кипучий родник!»

С этим твердым ханским наказом
Рукотворная птица разом
На высокое небо взлетела —
Как земля, велико ее тело!
Распростертые мощные крылья
И луну и солнце закрыли,
Расширялась когтистою тучею,
В небе тварь пожирая летучую.

Троекратно она облетела
Ширь и даль земного предела,
Выполняя слово наказа,
Облетела четыре раза
Землю круглую, нежную, юную,
Но нигде с красотою лунною
Не находит она невесты
Совершенной и наилучшей,
Той, чье сердце — цветник пахучий,
Той, чьи думы — родник кипучий.

Над вселенною пролетая,
Увидала железная птица:
На просторах счастливого края,
Где река Мунхэ, закипая,
По долине Морэн струится,
Расстилается величаво
Ранних жаворонков держава.

Опустилась птица большая,
Землю крыльями закрывая,
Посреди благодатных трав,
Распростершихся без предела,
И на лиственницу присела,
Ветви красные обломав.

А Гэсэра вторая жена,
Дорогая Урмай-Гохон,
Светоносная, как луна,
Озарившая небосклон,
Блеском правой своей щеки
Затмевая закат высокий,
Блеском левой своей щеки
Затмевая свет на востоке,
Как трава степная звеня,
В это время зарей-восходом
Засияла перед народом,
Возвестив наступление дня.

В это время дядя Гэсэра,
Многомудрый нойон Саргал,
Все измерив, чему есть мера,
Дальновидным умом познал,
Что́ за птица вдруг прилетела,
Распластав железное тело.
И, с обличем обеспокоенным,
Он сказал Гэсэровым воинам —
Храбрецам тридцати и трем:
«Прилетела к нам не с добром
Рукотворная эта птица.
В ней опасность большая таится.
Надо справиться с ней, с проклятой,
А не то беда разразится.

К нам проникла, как соглядатай,
На разведку примчалась птица!

У нее голова бела,
Голова блестит серебром,
Пусть взлетит стальная стрела, —
Эту голову разобьем.
Пусть стрела засвистит, взлетая,
Чтоб разбилась грудь золотая,
Пусть и третья взлетит стрела,
Чтоб разбились оба крыла!»

Но Гэсэровы тридцать и три —
Эти грозные богатыри —
Стали робки, стали несмелы,
Не метнули проворные стрелы
В эту птицу, величиной
В необъятный простор земной.
И тогда по хребту земли
Поднялась огромная птица, —
На восток, на восток стремится,
Уменьшаясь все время вдали:
То в пылиночку сокращается,
То в былиночку превращается.

На летунью Алма-Мэргэн
Посмотрела с видом расстроенным:
Ведь Гэсэра третья жена
Родилась настоящим воином!
Тетиву натянула она
И пустила стрелу Хангая, —
От большого пальца большая
Сила этой стреле дана!
Восемь верхних высот пронзая,
Сотрясла их до самого дна,

Семь глубин и низин потрясая,
Их стрела пронзила насквозь.
Говорит воитель-красавица:
«На ладони отозвалось,
И в ушах моих отдалось.
Пусть вдвоем верховые отправятся,
Пусть посмотрят, что там стряслось».

По верхушкам трав луговых
Двое двинулось верховых:
Там, где зелень светом дышала,
Там, простреленное, лежало
Из крыла, что было остро,
Быстро выпавшее перо.

Двое славных и сильных бойцов
Пятьдесят притащили возов,
Пятьдесят возов запрягли,
На возах поместили перо
Из крыла, что было остро,
Из крыла, что скрылось вдали,
Из крыла той птицы, чье тело —
Словно ширь земного предела.

На пятидесяти возах
Кое-как притащили перо.
Вспыхнул гнев у Саргала в глазах.
Он, всегда защищавший добро,
Убеленный годов серебром,
Так сказал тридцати и трем:

«Далеко-далеко на востоке,
Желтоцветной долиной владея,
Пребывают, хитры и жестоки,

Три владыки, три хана-злодея,
Ненавистники рода людского.
Зависть, злоба и месть — их основа,
Ложь и мерзость — их клятва и слово,
А разбой и грабеж — ремесло.
Чтоб узнать, что у нас творится,
Чтоб людей победило зло,
Ими послана эта птица
Рукотворная, величиной
В необъятный простор земной.

Жаль, что мой племянник Гэсэр
О державе мало заботится,
Где-то в дальнем краю охотится,
Жаль, что наша Алма-Мэргэн
Не сразила стрелой соглядатая
И разведчица эта пернатая
За далекими скрылась пределами.
Жаль, что вы, тридцать три храбреца,
Растерялись — и стали несмелыми
И беспечными ваши сердца,
Жаль, что в птицу я сам не стрелял:
Постарел, ослабел ваш Саргал...»

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ПТИЦЫ-РАЗВЕДЧИЦЫ

В это время птица, чье тело,
Как сама земля, велико.
К устью Желтой реки прилетела,
В облаках паря высоко,
И губительным блеском блестела,
В гуще множеств небес кружа.

И тогда, сын Саган-Гэрэла,
Кликнул птицу Эрхэ-тайжа.
Кличет, кличет ее, но птица
Не желает на землю спуститься.

Заколот он кобылу буланую,
С жиром в восемь перстов толщиной —
Отвергает еду нежеланную
Птица, равная шири земной.
Из бесправного черного люда
Отобрал он раба одного, —
Не спустилась птица, покуда
Ханский сын не зарезал его,
А потом с небосвода раскрытого,
Два крыла широко распахнув,
Опустилась на грудь убитого
И, серебряный вытянув клюв,
Грудь раба насквозь проклевала
И, насытившись до отвала.
Утолила жажду свою
Человеческой кровью красною
И глотала с алчностью властною
Остывающую струю.

Все три хана Желтой долины,
Шарагольские властелины,
Птицу-хищницу, соглядатая,
Напоив и насытив сперва,
Стали слушать ее слова.
Вот разведчица эта крылатая
Сыплет речи свои свысока,
Как монеты из кошелька:
«Молодую круглую землю
Облетела я троекратно
И теперь вернулась обратно.

Молодую круглую землю
Осмотрела четырехкратно.
И, хотя земля необъятна,
Я красавицы ни одной
Не нашла на шири земной,
Что сравнилась бы с солнцем-луной,
Что сияла бы ярче созвездий!

Ничего не узнав о невесте,
Я достигла счастливого края,
Где река Мунхэ, закипая,
По долине Морэн величаво
Устремила чистые воды,
Где цветет, не зная невзгоды,
Ранних жаворонков держава,
Где Гэсэр — предводитель племен,
Где — Гэсэра жена вторая —
Всех чарует Урмай-Гохон,
Блеском правой щеки затмевая
Свет вечерний, закатный свет,
Блеском левой щеки затмевая
Свет восточный, ясный рассвет.
Как пройдет походкою гибкой,
Ей навстречу травы звенят,
Улыбнется светлой улыбкой —
Одарит овец и ягнят.

Подчиняясь вашим наказам,
Я оценивала ее
Острым разумом, острым глазом,
Проницательностью удвоенным,
Но, заметив меня, с приказом
К тридцати и трем своим воинам
Обратился дядя Гэсэра.

Так нойон Саргал повелел:
«Залетевшую в наш предел,
Эту птицу вы повалите,
Пусть пронзят ваши стрелы остро
Головы ее серебро,
Золотую грудь прострелите,
Прострелите оба крыла,
Чтобы гибель она обрела.
Наш Гэсэр сейчас на охоте,
Где-то скачет на вольном просторе.
Если птицу вы не убьете,
Будет нашей державе горе
От пернатого соглядатая!»

И тогда, испугом объятая,
Улетела я на восток,
Я в пылиночку сократилась,
Я в былиночку превратилась.
Но какой-то красивый стрелок,
С юной силою удаюю,
Вдруг настиг меня меткой стрелою.
Я с трудом свою жизнь спасла,
Уронив перо из крыла...

Я летала в небесном пространстве.
Я устала от дальних странствий,
Поистерлось груди моей золото.
Я на родину вечного холода
Улечу и лягу на отдых
В ледовитых холодных водах.
Я три года там отдохну!»

Так сказав, она улетела
В чужедальнюю ту страну,

И ее огромное тело,
Растолкав на пути облака,
Рассекая лучи восхода,
Застилало шов небосвода,
Что белел белей молока.

Призадумались властелины,
Эти ханы Желтой долины,
Услыхав донесенья слова,
И решили: птица права.
Но они испугались: «Птица,
Что всей шири земной равна,
Даже в думах своих — кровопийца,
Изверг даже в объятиях сна!
Нам сулит она горькое горе:
Вдалеке отдохнув до поры,
Эта птица очистит вскоре
Наши изгороди и дворы
От животных четырехногих,
От людей очистит двуногих
Наши юрты-дома при дорогах
И кочевья в степной глуши —
Не оставит нам ни души!»

Так подумав, Саган-Гэрэл
Сыну-первенцу повелел:
«Ты возьми плетеный ремень
И ступай — будет ночь или день —
По следам непомерной птицы,
Что равна всей шири земной.
Как дойдешь до холодной границы,
Как дойдешь до страны ледяной,
Как дойдешь до воды ледовитой —
Ты ударь плетеным ремнем

Эту птицу, объятую сном:
Может белый ремень знаменитый
На пятьсот растянуться шагов.
Так во время сна излови ты
И свали в поток ледовитый
Ту, что всех опасней врагов,
Ту, что даже во сне — кровопийца,
Ту, что создана для грабежа,
Ту, что в помыслах даже — убийца!»

Сын Сагана, Эрхэ-тайжа,
Стал преследовать черную птицу,
Что равна всей шири земной.
Перешел он страны ледяной
Вечно стынущую границу
И увидел птицу-убийцу,
Что спала долголетним сном
Возле серой воды ледовитой.
Он взмахнул своим белым ремнем,
И плетеный ремень знаменитый
На пятьсот растянулся шагов.
Был конец этой птицы таков:
Он поймал ее, черную, сонную,
В воду бросил ее ледовитую,
Неожиданно потрясенную
И поэтому гневно-сердитую!

ТРИ ШАРАГОЛЬСКИХ ХАНА, В ОТСУТСТВИЕ ГЭСЭРА,
ИДУТ ВОЙНОЙ НА ЕГО СТРАНУ

Порешили тогда властелины,
Все три хана Желтой долины,
Кликнуть воинов с двух сторон,
На Гэсэра пойти войною,

Чтоб его завладеть женою —
Светлоликой Урмай-Гохон.
Зашумело Севера воинство,
Ополчилась южная рать,
Чтоб Гэсэра страну отобрать,
Чтоб унижить ее достоинство.

Обе рати сильны, как гроза,
Их начальник — нойон Бируза.
Землю гулом своим потрясая
И желая лихих перемен,
Поскакали к долине Морэн,
Ворвались в долину Хатая.

Верховые передовые
Топчут свежие травы живые,
Верховые, что в середине,
Топчут пыльные листья полыни,
Те, что скачут в задних рядах,
Топчут зноем выжженный прах.

Если спереди встать и взглянуть,
То покажется: двинулась в путь,
Все деревья взметнув, тайга,
Если сзади на рать поглядишь,
То подумаешь: на берега
Наступает густой камыш.
Страшно воет зимой пурга,
Но страшнее — войско врага,
Быстро веет ветер весны,
Но быстрее — кони войны!

В это время в краю Гэсэра
Достославные богатыри

Догадались — тридцать и три, —
Что от Желтой реки, с истока,
Устремилось войско с востока,
Войско трех ненавистных владык,
Войско ханов, что правят жестоко.
Это полчище — как мурава,
Как дремучих лесов дерева,
Это движутся для боев
Муравейники муравьев,
Это вырос камыш шумливый,
Это — полрой воды разливы!

Два нойона, Саргал и Зутан,
Богатырский возглавив стан,
Порешили двинуться в бой.
Повели они за собой
Триста храбрых ратных вождей
И три тысячи воинов грозных,
А они — как потоки дождей,
Как дыханье буранов морозных!

Чтобы встретить войну войной,
По холмистой земле родной
Поскакали в одежде бранной,
Прискакали к горе песчаной.
За песчаной горой сказал
Многомудрый нойон Саргал:
«Как на поле сражения выйдем,
Столько надо врагов одолеть,
Сколько мы под плетью увидим».
Взял он в руки длинную плетъ —
Оказалось, что вражью рать
Невозможно узнать-сосчитать.

Он воскликнул, отбросив плеть:
«Надо нам через лук посмотреть,
Чтоб узнать: на поле войны
Сколько мы победить должны».
Лук широкий он в руки берет,
Смотрит прямо, смотрит вперед —
Не вмещается в лук большой
Войско, хлынувшее в поход.
И, старик с великой душой,
Объявляет нойон Саргал:
«Будьте зорки, мои сыны,
Будьте бдительны и умны.
Все вы знаете дело войны:
Если можно, вытянув плеть,
Вражье полчище разглядеть,
Мы идем, разгромом грозя,
Но теперь смотрю я: нельзя
Вражью рать под плетью вместить...
Мы могли врагам отомстить,
Если в лук их гуща вмещалась ¹, —
Но с такой воевать не случилось:
Вражья рать, что нахлынула вдруг,
В боевой не вмещается лук».

Но не вняли тридцать и три
Тем словам, что сказал белоглавый,
Ибо только собственной славы
Эти жаждали богатыри,
И пока погружалось время
Всеми днями в неизвестность и тьму,
Поскакали не стремя в стремя —
Поскакали по одному,

¹ Здесь и выше речь идет о старинных способах определения численности войска.

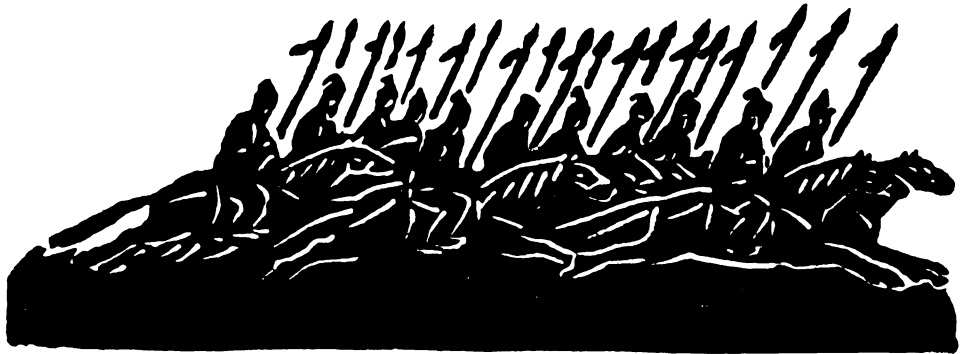
Поскакали за собственной славой,
Воскликая: «В битве кровавой
Пусть послышится звон мечей,
Пусть послышится хруст костей!»

Только славы своей им хотелось.
Лишь она им была дорога.
На свою уповали смелость —
И не поняли силу врага.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРИВОДУШНОГО НОЙОНА ХАРА-ЗУТАНА

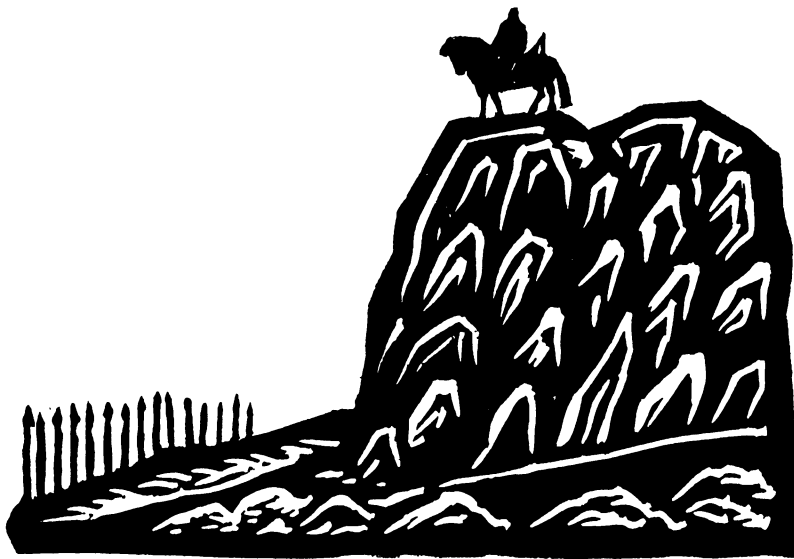
Криводушный, с черною злобою,
Брат Саргала, Хара-Зутан,
Говорит: «Попытаюсь, попробую
Я напасть на вражеский стан».
Так сказав, на синем коне
Из рядов он вырвался вдруг.
Муравьиного цвета лук —
За спиной, а спина — в броне.

Знал Саргал, что душа Зутана
Состояла из зла и обмана.
Он сказал тридцати и трем:
«В младшем брате не вижу опоры,
С ним погибнем, с ним пропадем,
Он погубит наш край и дом».
Тут пошли меж бойцами споры:
«Пусть пойдет!» — одни говорят,
А другие: «Ваш младший брат
Ни за что с врагами не справится,
Если он пойдет — обесславится!»

Но Хара-Зутан, лиходей,
Говорит, говорит без конца,
Уговаривает силачей.
Вот на синего жеребца
Он садится и скачет вперед,
А навстречу войско идет,
На страну Гэсэра нагрянув, —
Войско трех ненавистных ханов.

Это — многодеревный лес
Поднимается до небес,
Это движутся для боев
Муравейники муравьев,
Это — ветер сорвался с гор,

Это — шумный камыш у озер,
Это — буйное половодье,
Это — душных песков бесплодье,
Это — черный, густой туман!

Испугался Хара-Зутан,
Увидав, что́ за сила скопилась,
Сколько вражьих полков впереди.
Серо-пестрое сердце забилося
У него в дрожащей груди.
Стали гнуться короткие ребра,
Он забыл свое имя тогда, —
Лишь о черной душе, о недоброй,
Сразу вспомнил, не зная стыда.

Ждал нойон в неоглядном поле,
Чтобы ночь пришла потемней,
А дождавшись, напал на коней,
Что стояли в ночи на приколе.
Сто поводьев разрезал он,
Сто угнал скакунов нойон.

Услыхав об этом захвате,
Предводитель вражеской рати,
Осудил его Бируза,
Злым весельем наполнил глаза:
«Разве слабость для мужа опора?
Разве, если б он был сильней,
Он угнал бы, с повадкою вора,
Темной ночью наших коней?
Так не делает честный воин,
Званья мужа он недостойн!
Он — грабитель, разбойник, тать,
Надо вслед за ним поскакать,
Захватить его надо в плен!»

Два стрелка — Зургалдай-Мэргэн
И Бухэ-Саган-Маньялай,
Одержавшие много побед,
За нойоном Зутаном вслед
Сквозь ночной помчались туман.
Слышит, слышит Хара-Зутан,
Что все ближе во мраке ночи,
Настигают его враги.
У коня его стали короче
И беспомощнее шаги.
Своему покорясь бессилью,
И покрытый горячей пылью,

И от угнанных ста коней
Отделившись в притихшем поле,
С жеребца, что стрелы синей,
Соскочил он, дрожа до боли,
И в байбачьей скрылся норе,
В страхе думая о расплате.

Прискакали туда на заре
Два стрелка из вражеской рати.
Осмотрели они нору,
Разожгли дрова на ветру
В поле диком и нелюдимом
И окуривать стали дымом
Ту байбачью нору поутру.

Из норы долгоспящей твари,
Задыхаясь от дыма и гари,
Выползает Хара-Зутан.
Он забыл свое имя и сан,
Он забыл о роде и племени!
Два стрелка, не теряя времени,
Потащили его за волосы,
В пыльном поле выдавив полосы,
И за голени взяли сухие,
Стали бить нойона с размаха
О сыпучие камни сухие.
Завопил он от боли и страха:
«Старика пожалейте седого!
Льется кровь, если режут скотину,
А когда убивают мужчину,
Пусть прольется из уст его слово!»
Так молил он, валяясь у ног
Двух стрелков из войска чужого
И облизывая песок.

Тут стрелки Зургалдай-Мэргэн
И Бухэ-Саган-Маньялай
Говорят: «Не кричи, не стенай.
Если слово имеешь — скажи,
Два имеешь — слова свяжи,
Все, что хочешь, скажи, кроме лжи, —
Или твой мы вырвем язык!»

Начал слово Хара-Зутан,
В чьей душе — навет и обман,
Начал брата чернить клеветник,
Чтоб спасти свою черную душу:
«Пожалейте меня, я старик, —
Обращается к двум стрелкам, —
Верьте, клятву я не нарушу,
Вам сполна за это воздам!

Мой племянник Абай-Гэсэр,
Тот гордец, что возглавил державу,
Ускакал на охоту-забаву.
Хоть и выехал он из дворца —
Тридцать три удальца-храбреца
Берегут его честь и славу.
Не пронзит их стрела, а меч
Удалыцов не сможет рассечь.
Если стрелы кончаются в сече,
То без стрел стреляют их руки,
Тетива разорвется — так плечи
Превратятся в мощные луки!

Тридцати и трем крепкостанным
Храбрецам, что у нас в чести,
Только хитростью, только обманом
Вы сумеете смерть нанести.

Мне отдайте сто кляч захудалых,
На войне истощенных, усталых.
Дайте волю мне и коню.
Я обманывать вас не стану:
Этих кляч к богатырскому стану,
К тридцати и трем пригоню
И скажу, прибегнув к обману:
«Повернули три хана вспять,
Еле-еле спасли свою рать.
Посмотрите: их скакуны
Обессилены, истощены!»

Так людей отчизны своей
Я сочту ниже жизни своей,
Их мечта, что живет издревле,
Для меня — моей шкуры дешевле!
Над племянником-богатырем
Занесу я возмездия руку,
Отомщу тридцати и трем,
Обреку их на смертную муку!

К ним вернусь я с речью такой:
«Наступили мир и покой.
Свой наряд вы снимите бранный,
Спрячьте луки, спрячьте колчаны,
Наши дни теперь не тревожны,
Спрячьте сталь смертоносную в ножны,
Не скачите в железной броне!»
Храбрецы, доверившись мне,
Скажут: «Скатерти мы расстелем!»
Будут пить, наслаждаясь весельем,
До беспамятства, до глухоты.
Вот тогда-то, сраженных хмелем,
Я вам выдам богатырей.

Только действуйте побыстрей:
Приходите условной порою,
И ворота я вам открою!»

Черен помыслом, черен душой,
Двух стрелков из рати чужой
Так молил он, валяясь в пыли.
Два стрелка, не веря слезе,
За два уха его повели
К предводителю, к Бирузе.
С речью льстивой, с низким поклоном
Криводушный Хара-Зутан
Пред могучим предстал нойоном,
Возглавлявшим вражеский стан.
Повторил он подлое слово:

«Наших воинов обману:
«Время мира настало снова!» —
Все напьются вина хмельного —
И тогда вторгайтесь в страну.
Снимут панцири, снимут шлемы
Наши тридцать и три храбреца.
Я открою ворота дворца.
Будут глухи и будут немые
Покорившиеся вину —
И тогда вторгайтесь в страну!

Ждите лучшего часа и мига:
Есть у брата священная книга.
Только глянет мой брат Саргал
В эту желтую книгу священную,
Чтобы правду узнать сокровенную, —
Повернитесь всей гущей ратной,
Поскачите стезей обратной.

Не оглядываясь в дороге,
Чтоб развеять его тревоги,
Чтобы сразу был успокоен
Проницательный старый воин».

Так нойон, изменивший стране
И погрязший в своих преступлениях,
Пред врагом стоял на коленях,
Возвышался тот на коне,
А предатель, стоя внизу,
Умолял и просил Бирузу.
Вражьих полчищ ответил глава:
«Произнес ты со смыслом слова.
Сто коней у нас отбери,
Пусть побоище будет устроено,
Пусть погибнут тридцать и три
Удалых Гэсэровых воина!»

Криводушный Хара-Зутан
Выбрал сто захудалых коней,
На войне усталых коней,
По земле, как будто в болоте,
Сто едва ползущих теней,
Сто имен без души и плоти,
И в родные места их погнал.
Вот он стана достиг боевого.
Перед ним — его брат Саргал,
Что смотрел на него сурово,
Перед ним — все тридцать и три.

Он сказал им: «Богатыри,
Вы — родного края основа!
Время мира настало снова,
Время пира, время потехи.

Боевые снимите доспехи,
Вам не нужно стрел и колчанов!
Трое грозных вражеских ханов
Повернулись к сраженью спиной,
Потесненные в битве со мной!
Обессилен, боясь погони,
Ускакали их кровные кони,
И воители трех властелинов
Убежали, оружие раскинув
Посреди равнины степной,
Позабыв, что пришли с войной.

Начинайте праздник счастливый!
Скакунов с шелковистою гривой
На зеленый пустите покров.
Отберите из табунов
Самых вкусных и самых жирных.
Будем гнать арзу и хорзу.
День пришел — и развеял грозу,
День пришел для радостей мирных!»

Многомудрый Саргал-нойон
Со вниманием слушал брата,
Но ему не поверил он:
Подозреньем душа объята.
Он сказал тридцати и трем:
«Только правильный путь изберем!
Быстро скачет порой собака,
Но она не скакун, однако, —
У того, чья душа крива,
Только кривдой полны слова.
Вы не верьте Хара-Зутану,
Вы не верьте его обману!

Три властителя Желтой страны,
Что нагрянули для разбоя,
Распахнув ворота войны,
Не уйдут отсюда без боя,
Так легко не вернутся назад.
Справедливо у нас говорят:
«Кто виновен — дождется суда,
Кто совет — умрет от стыда!»

Всей душой негодуя черною,
Чуть не плача, Хара-Зутан
Отвечает с обидой притворною:
«Если слово мое — обман,
Загляните в книгу священную,
Чтобы правду узнать сокровенную!»

Вот, умом постигший вселенную,
Раскрывает нойон Саргал
Желтоликую книгу священную..
Долго всматривался, искал —
И увидел: три злобных хана,
Повернув скакунов нежданно,
Верховых повернув поток,
Удаляются на восток...

ВОРОН СООБЩАЕТ БОГАТЫРЯМ ГЭСЭРА О ТЯЖЕЛОМ РАНЕНИИ ЭРХЭ-МАНЗАНА

Зашумели тридцать и три,
Загремели богатыри —
Эта весть была им желанна:
«Если в страхе ушли с войны
Злобных три шарагольских хана,
Властелины Желтой страны,

То к чему нам раны и муки?
То к чему нам стрелы и луки?
Нужно ль мучить напрасно людей,
Разбивать мослаки лошадей?
Что нам делать на поле бранном?
Возвратимся лучше домой,
Насладимся вином и айраном!»

Но Саргал, великий душой,
Опечаленным был и расстроенным.
Он сказал Гэсэровым воинам:
«Вы хотите вернуться, чтобы
Враг разрушил наш мир и покой?
Есть предел у небесной злобы,
Нет предела у злобы людской!»

Так Саргал говорил в печали.
Но бойцы Гэсэра не вняли
Речи твердой, речи прямой
И коней повернули домой.
В золотые вступили ворота,
Прискакали к Алма-Мэргэн,
Говорят ей: «Ушла забота,
И веселье пришло взамен!
Удалились жестокие ханы,
Убежали в испуге вспять,
Убоялись они воевать.
Спрячем стрелы свои в колчаны,
И начнем опять пировать!»

И тогда Гэсэра супруга
Стала с севера, стала с юга
Люд-народ на пир созывать.

Гору мяса и гору масла
Перед всеми ставит она,
Чтобы радость в сердцах не гасла.
Разливает озера вина.
Восемь дней веселие длится,
Длится пир девять дней и ночей.
Покраснели желтые лица
Тридцати и трех силачей.
И от хмеля и от курения
Богатырского табака
Ослабели до одурения
Эти тридцать и три смельчака.

Буйный пир Саргала тревожит.
Говорит: «Сыновья-сыны,
Будьте бдительны, будьте умны!»
Но бойцов успокоить не может.
Говорит он: «Дочери-снохи,
Полно пить, будут дни ваши плохи,
Хватит хмеля и табака,
Станьте снова бодрыми-бодрыми!»
Но не слушают старика,
Пьют вино они ведрами-ведрами
И в беспамятстве валятся-валятся —
Над собою сами не сжалятся!

И подумал Саргал: «Не к добру
То, что вижу я на пиру!»
В чутком сердце взметнулась тревога,
Посмотрел он печально и строго,
И увидел старик, что не пьян
Юный воин, Эрхэ-Манзан,
Богатырь пятнадцатилетний.

Подозвал храбреца Саргал,
На разведку его послал —
Не стоят ли враги наготове?

На коне, что краснее крови,
Юный воин пустился в путь,
Чтоб на видимое взглянуть.
На песчаную выехал гору —
И предстали острому взору
Из чужих, далеких краев
Густо движущиеся дружины
Трех властителей Желтой долины —
Муравейники муравьев
В мураве под горой песчаной!
Стало чаще, стало сильней
Биться сердце Эрхэ-Манзана.
Скакуна, что крови красней,
Он ударил, боец сильнорукий,
И стрелу из бухарского лука
Он направил в гущу врагов.
Десять сотен убил он стрелков,
Уложил десять сотен коней,
А потом повернул назад,
Чтобы весть доставить скорей
О врагах, что смертью грозят.

В быстро скачущего верхового
В это время вперила глаза
Предводитель войска чужого,
И стрелкам приказал Бируза:
«Эй, вдогон! Это что там за пьяница?
Пусть он вам немедля достанется,
Или смерть ему — или плен!»

Два стрелка — Зургалдай-Мэргэн
И Бухэ-Саган-Маньялай —
Погнались за Эрхэ-Манзаном,
Поднялись по скатам песчаным,
С храбрецом на вершине столкнулись.
Сабли острые перехлестнулись,
С белым стремям встретилось стремя.
Закричали оба стрелка:
«Чей ты сын? Где твой род и племя?
Для того ли издалека
Прискакал ты, разбойное семя,
Чтобы в нашу вторгнуться рать,
Чтобы грабить нас, разорять,
Отнимать у отцов-матерей
Их богатство — богатырей?»

Супостатам Эрхэ-Манзан,
Богатырь пятнадцати лет,
Говорит с издевкой в ответ:
«Видно, вашим богатырям
Всем на радость отцам-матерям
Надо битву затеять кровавую,
Чтобы с нашей покончить державою,
Чтоб отнять у нас государство?»

Тут Бухэ-Саган-Маньялай
В ход пускает обман-коварство:
«Не мели языком, не болтай.
Если есть в тебе гордость мужчины,
Докажи, что отвагой богат.
Видишь, вороны в небе летят?
Если к ним взметнешься с вершины,
То навряд ли вернешься назад!»

Был доверчив Эрхэ-Манзан,
Разгадать не сумел обман.
Он скосил в ту сторону взгляд,
И стреле Зургалдай-Мэргэна
Две подмышки его насквозь
Прострелить тогда удалось.
Не оглядываясь, мгновенно
Унеслись, от горы отпрянув,
Два стрелка трех свирепых ханов.

А воитель юный схватил
Ту стрелу из последних сил
И сказал: «Плохо дело мое,
Ранен я неожиданно-нечаянно.
Наконечник ли, острие —
Не узнаёт стрела хозяина!»
Он морщины на лбу разгладил,
Ту стрелу к тетиве своей,
Заговаривая, приладил:
«Полети — и врага не жалей,
Зургалдаю не дай вздохнуть,
Прострели его черную грудь!»
Полетела стрела — и, сраженный
Той стрелою заговоренной,
Зургалдай свалился с коня
И простился со светом дня,
Кровью собственной обогранный.

Что же делать Эрхэ-Манзану?
С жеребенка величиной,
Поднял камень в пыли степной
И закупорил правую рану.
Что же дальше делать бойцу?

Наклонился всадник к кургану,
Поднял камень размером с овцу
И закупорил левую рану.
Крепко-накрепко перевязав
Раны шелковым кушаком,
Посреди запылившихся трав
Он поехал тихим шажком.
Кровь его запеклась на седле,
И скакун его — крови красней.
Сколько надо ночей и дней
По пустынной скакать земле!

Повстречался в степи широкой
Богатырь с полосатой сорокой.
Продвигаясь едва-едва,
Говорит ей свои слова:
«Ждут известья Гэсэровы воины —
Удалые тридцать и два, —
Ждут известья, обеспокоены,
Триста храбрых знатных вождей
И три тысячи ратных людей.

Принеси им черную весть:
Три властителя Шарайдай¹
Вторглись в наш благодатный край.
Их коней и бойцов не счесть.
Попирая волю и честь,
Поднимаются для боев
Муравейники муравьев
На песчаную нашу гору.

¹ Шарайдай — другое наименование трех шарагольских ханов, властителей Желтой реки.

Приготовиться надо к отпору,
Уничтожить врага пришедшего!
Ваш соратник Эрхэ-Манзан
Поступил в бою опрометчиво,
И теперь по степной стороне,
Где пылится чахлая зелень,
Чуть дыша, полужив, на коне
Он плетется, насквозь прострелен.
Он товарища просит в подмогу:
Чтоб его спасти, пусть в дорогу
Снарядится Нэхур-Нэмшэн...»

Слышит воин в ответ от сороки:
«Полететь не могу я туда.
Яйца класть наступили сроки,
Ветки надобны мне для гнезда».
Так сказала и улетела,
А Эрхэ-Манзан — полужив,
Ослабели душа и тело,
И упал он, глаза смежив,
А земля — сухая и жаркая,
Ни души на глухой равнине...
Вдруг, в беспомоществе, слышит он: каркая,
Ворон кружится черно-синий.
И зажегся в уме расстроенном
Свет сознания едва-едва,
И услышал ворон слова:

«Полети к Гэсэровым воинам
И печальную весть передай:
Три властителя Шарайдай,
Три злодея из Желтой долины,
Привели для битвы дружины,
Поднимаются для боев

Муравейники муравьев
На песчаную нашу гору.
Приготовиться надо к отпору.
А в степи угасает от ран
Ваш соратник Эрхэ-Манзан».

Ворон каркает черно-синий:
«Я в полет отправился ныне,
Чтоб детишкам найти ночлег,
Но коль просит меня человек,
Надо просьбу исполнить сперва!»
И, прокаркав эти слова,
Он поднялся в небесную ширь.
Посмотрел ему вслед бедняга,
Тяжко раненный богатырь,
Пожелал ему счастья и блага:
«Если с трех ты увидишь курганов,
С тридцати кругозоров прянув,
Каплю крови не больше наперстка,
Или мяса покажется горстка,
Пусть твоими будут вовек —
Так желает тебе человек!»

Черный ворон летел всю ночь,
Он спешил, чтоб Манзану помочь,
Торопил он время полета.
Засверкал перед ним наконец
Златоглавый Гэсэров дворец.
Ворон сел на его ворота,
Прокричал, поднимая шум,
Он воззвал к тридцати и двум:

«Наказал мне Эрхэ-Манзан,
Чтобы вы услышали речь его!

Он в бою поступил опрометчиво
И теперь страдает от ран.
Он прострелен насквозь, полужив,
И лежит он, глаза смежив,
Тот, чья верность была совершенна.
Вы пошлите Нэхур-Нэмшэна,
Чтобы вашего друга спасти...
Он велел передать, что в пути —
Войско ханов Желтой долины,
Что спешат на битву дружины,
Муравейники муравьев
Поднимаются для боев
На песчаную вашу гору.
Приготовиться надо к отпору,
Надо встретить войну войной,
Уничтожить надо злодеев,
Их разбойное войско развеяв
На дорогах шири земной.
Надо встать железной стеной,
Надо край защитить родной!»

Так сказав, от ворот твердыни
Удалился гонец черно-синий.

ВОИТЕЛЬНИЦА АЛМА-МЭРГЭН ПРИНИМАЕТ ОБЛИК ГЭСЭРА

Услыхали эти слова
Сильнорукие тридцать и два,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей.
Им готовиться надо к отпору,
Но они были пьяны в ту пору,

По два, по три в обнимку сидели,
Ослабев от пиров и безделья,
Одурев от вина и похмелья.

Услыхав, что вражьи полки
По зеленому скачут простору, —
Разом, разуму вопреки,
Понеслись на песчаную гору
Без рассудка и без порядка,
Без доспехов и снаряженья.
Началась кровавая схватка.
Распахнулись ворота сраженья.

На горе, где песчаные склоны
Обливал жидкий жир зловонный.
Разрастался холм из костей,
Возвышался из мяса курган.
Кровь текла — за ручьем ручей,
Низко стлался черный туман,
Пыль взметнулась в разные стороны.
Прилетевшие с юга вороны
На ночь мясо уносят далёко.
Войско трех владык Шарайдай,
Разбежавшееся широко,
Утопает в красной крови,
Задышается в гуще потока,
И плывут к голове голова.
А Гэсэровы тридцать и два,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей
От вина, что лилось в изобилии,
Стали страшной томиться жаждой —
Каждый крови напился в бессилии,
И упал в бессилии каждый.

В это время войско трех ханов,
Вновь на ратном поле воспрянув —
Муравейники муравьев,—
Окружило со всех краев
И дома и дворцы Гэсэра.
Горе вам, храбрецы Гэсэра!
Но Гэсэра третья жена,
Что была для битв рождена,—
Принимает Алма-Мэргэн
Облик мужа, облик Гэсэра,
Не желает сдаваться в плен,
Во врагов направляет стрелы.
Видит вражий стан оробелый:
Где взвилась за стрелой стрела,
Там в траве дорога прошла,
Где стрела за стрелой взлетела,—
Там земля навек опустела!

Три владыки, лишённые чести,
Завопили, будто от боли:
«О Гэсэре мы слышали вести:
«Он на дальнем охотится поле»...
Обманули нас вестники, что ли,
Иль Гэсэр возвратился домой?
Что случилось? Нам непонятно!»
Войско ханов дорогой степной
Повернуло в смятение обратно,
Порешило покончить с войной.

Лишь узнал об этом угрюмый,
Криводушный Хара-Зутан —
Вспыхнул, злобою обуян,
Всполошились черные думы,

Сел на синего скакуна,
Поскакал вдогонку владыкам —
К трем врагам, чья совесть черна,
И нагнал их с воплем и криком, —
Этим трем проехать мешая.

У Бухэ-Саган-Маньялая
Дыбом встала тогда седина.
Заскрипели белые зубы:
«Твой обман мы увидели грубый,
Воздадим за это сполна!
Ты сказал, что Гэсэр на охоте,
Посреди далеких раздолий...
Он вернулся негаданно, что ли?
Все вы так, предатели, врите!
Ты решил погубить нашу рать,
Потому и замыслил соврать!»

Рассердился стрелок буйноокий,
Раздувая упругие щеки,
За подмышку схватил Зутана,
Сердце-легкие хочет выдавить.
Кто бы стал Зутану завидовать?
Закричал он истошным криком,
Перед воином грозноликим
Низко ползая в душной пыли:
«Почему вы назад ушли?
Промах вы совершили ныне!
Здесь Гэсэра нет и в помине,
Приняла его облик жена.
Иль Алма-Мэргэн вам страшна?

Вас обманывают обманом,
Одурманивают дурманом!

Если дикая кобылица
Вдруг отстанет от табуна, —
Опечалится, убоится,
Растеряет стрелы жена
И с мужской расстанется славою,
Снова станет женщиной слабою!»

Злобных три шарагольских хана,
Вновь поверив словам Зутана,
Чья душа черна и низка,
Вновь на бой повели войска,
С трех сторон повернув обратно.
Эта рать — грозна, необъятна —
Ставку славной Алма-Мэргэн
Окружила вновь троекратно.
Вновь, рожденная сильной и статной,
Облик мужа Алма-Мэргэн
Приняла для работы ратной.

Где взвивалась ее стрела,
Там дорога в траве прошла,
Где стрела за стрелой летела,
Там земля навек опустела.

Так, воюя упорно и смело,
Разметала войско врага, —
Будто сена летят вороха,
Будто стебли дрожат камыша,
Пригибаясь и робко шурша!
Но кончаются стрелы в колчане
У бесстрашной Алма-Мэргэн.
Иль настало время страданий,
Время быть захваченной в плен?

Нет, была у женщины сила —
Тридцать чар, двадцать три волшебства.
Их по пальцам пустила сперва,
А потом по ладони пустила —
И дворец раздвинула с тыла,
Скрылась, быстрая, из дворца
И направилась потаенно
В дом царя морского Лосона,
Чтоб найти приют у отца.

Не сумели с женщиной справиться
Три бахвала, три злобных хана,
И, покинув низины Хатана,
Вверх решили они отправиться,
Чтоб Урмай-Гохон захватить,
Чтобы им досталась красавица —
Та, которой мир озарен!
Но ждала их Урмай-Гохон,
На пороге, расписанном золотом,
С обнаженным мечом-булатом.
Вот булата раздался звон,
Вот слышался хруст костей,
Посмотрите: Урмай-Гохон
Так встречает незваных гостей,
Обладая сноровкой и хваткой:
Если враг на порог ступит пяткой,
Голова его сразу скатится,
Если ступит враг на порог,
Головой за это поплатится...

Трех властителей войско редело.
И Эрхэ, сын Саган-Гэрэла,
Засучив за локоть сперва
Два широких своих рукава,

За блестящий заткнув кушак
Два подола, шелком расшитых,
По телам, по крови убитых
К ней направил с бесстрашием шаг.

Но Гэсэра жена вторая
Меч держала, красой сверкая,
Домом-родиной дорожа,
И как только Эрхэ-тайжа
Попытался просунуть ногу —
Рассекла она его шею,
Только пятку приблизил к порогу —
Головой поплатился своею!

Вражью рать эта смерть потрясла.
Оглянулись ханы, подавленны,
А кругом лежат без числа
Их соратники, обезглавленны.
Для сражения силы не стало,
Нет решимости воевать.
Опозорились три бахвала
И свою поредевшую рать
Повернули, унылые, вспять.

ГОЛОВА САРГАЛА ВОЗНОСИТСЯ НА НЕБО

Вслед за войском, скакавшим с уныньем,
Поспешил на коне своем синем
Криводушный Хара-Зутан.
Он увидел, что ханы в тревоге,
И тогда поперек дороги
Пред вождем — Бирузой-нойоном —
Он со словом предстал и поклоном:

«Неразумные, где же ваш разум?
Не дождавшись победы обещанной,
Почему повернули вы разом,
Побежденные слабой женщиной?
Если дикая кобылица
Вдруг отстанет от табуна, —
Сразу женщина убоится,
Растеряется, смущена...
Разве так ведется война?
Вы поймите: вам хитрость нужна.
Если скопом в сражение хлынете,
Понесете вы тяжкий урон.
Если войско обдуманно двинете,
Если с двух пойдете сторон —
Победите Урмай-Гохон».

Властелины Желтой долины
С одобреньем слышали то,
Что сказал им язык змеиный,
И повел их предатель презренный
По дороге своей измены.
Так исполнилось наконец
То, что он посулил им раньше:
Он привел их в родной дворец,
Он привел их к прекрасной ханше.
Окружили Урмай-Гохон,
Окружили, взяли в полон.

Все три хана повеселели:
Наконец-то достигли цели,
Завершили победой борьбу!
А красавицу подхватили,
Взяли под руки, посадили
На серебряную арбу,

Запряженную иноходцами,
И враги, совершив разбой,
Возглавляемые полководцами,
Повернули к себе домой.

В это время затрепетала
У Хара-Зутана душа.
Вскрикнул он, тяжело дыша, —
Он боялся брата Саргала
И Гэсэровых богатырей.
Он воззвал: «Три могучих хана,
Помогите мне поскорей —
Вы уходите слишком рано!
Взяли то, что хотели взять,
Повернули дружины вспять,
Видно, вам, глупцам, невдомек:
День победы еще далек.
Слишком рано ликуете вы,
И напрасно рать успокоена:
Не мертвы еще, не мертвы
Тридцать три Гэсэровых воина!

Иль не знаете вы, что, доколе
Будет жить Саргал на земле,
Не подвластны на ратном поле
Тридцать три мечу и стреле:
Если вечером будут убиты
Храбрецы, что славой покрыты, —
Оживут они утром опять,
Чтобы с хитрым врагом воевать!
В камышах у озера белого
Ныне прячется старый Саргал.
Вы отправьте воителя смелого,
Чтобы, крадучись, отыскал
И сразил его наповал!»

Так изменник упрашивал ханов,
Ядом зависти напоен.
На него с пониманьем глянув,
Приказал Бируза-нойон:
«Эй, Бухэ-Саган-Маньялай,
Ты немедля приказ выполняй!
В камышах у озера белого
Ты Саргала, дядю Гэсэра,
От годов и трудов поседелого,
Обезглавь проворной стрелой,
Привяжи к коню его голову,
Как велит обычай седой,
Привязав, привези с собой,
Отруби две руки до плеча,
Преврати две руки в два бича!»

Изготовил воитель свой лук
И пробрался в те камыши,
Где Саргал от позора и мук
Притаился в озерной тиши.
Снял он голову старца с плеча
И, лишив его крепких рук,
Две руки превратил в два бича,
И с добычею боевой —
С той отрубленной головой —
Он вернулся, предстал пред главой
Непотребной, разбойной рати.

Словно солнышко на закате,
Покидающее небосклон,
Зарыдала Урмай-Гохон,
Обратилась к свирепым ханам:
«Криводушным Хара-Зутаном
Вам я выдана на позор.

Нет мне радости с этих пор.
Край родной покидаю ныне,
Чтоб в неволе жить на чужбине,
В ненавистой мне стороне.
Но, прошу, подарите мне,
Полонянке вашей, рабыне,
Эту голову дяди Саргала!»
Так она к трем ханам взывала.

Младший хан сказал: «Отдадим!»
Средний хан сказал: «Не хотим!»
Старший хан прохрипел слова:

«Превратилась та голова
В жалкий вьюк, в беспомощный вьюк.
От нее нам какая беда?
Убежит от нас? Но куда?»

И красавице, что сверкала,
Словно утренняя заря,
Дали голову дяди Саргала,
Многомудрого богатыря.

По тропинке сошла крутой
Та, что славилась красотой,
С этой мертвою головою
И омыла ее живою
Девятиродниковой водой,
А потом умастила жиром
Неприступных скал девяти
И сказала ей: «Полети
К той, что правит заоблачным миром,
К нашей бабке Манзан-Гурмэ,
Опустись на ее на колени!»
И ее закинула ввысь.

Устремилась к небесной сени
Голова, что была седой,
Голова, целебной водой
Девяти родников освященная,
Жиром скал девяти умощенная,—
Хороша и светла, как разум,
Поднялась она к облакам.
Обратились три хана с приказом
К самым метким своим стрелкам,
Чтобы стрелы в нее метнули,
Чтоб на землю ее вернули.

За стрелой засвистела стрела,
Ни одна догнать не могла:
Голова Саргала седая,
Метких стрел быстрее взлетая,
Облаков пробила покров
И оставила за собою
Поднебесных тринадцать миров,
Голубой покатилась тропой
К мудрой бабке Манзан-Гурмэ,
К той, что радость дарует и милость, —
На колени ее опустилась.

ГЭСЭР ВОЗВРАЩАЕТ ЖИЗНЬ БОГАТЫРЯМ,
ПРЕВРАЩЕННЫМ В КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

В небе Западном восседая
С чашей разума и добра.
Сотворенной из серебра,
Удивилась бабка седая,
Как на эту голову глянула:
Что за горе на землю нагрянуло?
Стукнув левой рукой по коленям,
Бабка вскрикнула с изумленьем,
Властной правой своей рукой
Материнскую книгу раскрыла
И прочла строку за строкой
Многослезного повествованья —
От вершины до основанья,
И открыла ей книга святая:

«На просторах могучего края,
Где река Мунхэ, закипая,
По долине Морэн течет,
Где раскинулась величаво

Ранних жаворонков держава,
У песчаных горных высот,
Где клубится горячая сера, —
Тридцать три храбреца Гэсэра,
Человеческие сыны,
В изваянья превращены,
В изваянья из каменной плоти!
А Гэсэр — далеко на охоте,
И, открыв ворота войны
И пойдя дорогой обмана,
Злобных три шарагольских хана
Захватили Урмай-Гохон,
Что подобна заре беззакатной,
И умчались дорогой обратной».

Многомудрая бабка к Гэсэру
Трех послала его сестер —
На земной опустила простор.
Облик приняли соловьиный
Три сестры, волшебством владея.
Озирая хребты и долины,
Там, где десять лесов Хухэя,
Над деревьями пролетая,
Там, где двадцать холмов Алтая,
Повстречали брата Гэсэра,
И поведали брату рассказ —
От вершины до самых корней:

«Тридцать три твоих друга сейчас
Стали грудой безгласных камней.
Там, где серный поток зловонный
Обливает песчаные склоны,
Триста знатных твоих вождей
И три тысячи ратных людей

В изваянья превращены.
Властелины Желтой страны
Распахнули ворота войны.
Окружили Урмай-Гохон,
Озаряющую небосклон,
Окружили и взяли в плен.
Одолели Алма-Мэргэн,
Что врагов уложила немало,
И она к отцу убежала.
А Бухэ-Саган-Маньялай
Обезглавил дядю Саргала:
Эту голову в жалкий вьюк
Превратил его черный лук...

Брат Гэсэр! А другой твой дядя,
Криводушный Хара-Зутан,
Как слуга на врагов твоих глядя,
Выбрал подлость, измену, обман.
Вражьей силе помог он ратной,
И стране твоей благодатной
Много зла враги принесли,
Чтоб ее уничтожить навеки.
На просторах твоей земли
Красной кровью наполнили реки,
Возвели холмы из костей,
Твой народ, несчастных людей
Всей державы многострадальной,
Заразили болезнью поваральной,
А твои стада-табуны
Ныне язвой-чумой больны».

Опечалив брата известьем,
Три его непорочных сестры
Удалились к верхним созвездьям.

Встал Гэсэр на вершине горы,
Глянул вправо — заплакал в голос,
Глянул влево — душа раскололась.
И когда из правого ока
Уронил богатырь слезу —
Та слеза разлилась широко,
И Байкал засинел внизу.
А слеза из левого ока
Стала нашей рекой драгоценной —
Нам сверкающей издалёка,
Полноводной, широкой Леной.

И Гэсэр, в тяжелой броне,
На Бэлыгэне — гнедом коне,
Крепкокостный и крепкотельный,
Поскакал в родные пределы.

Широко разлился Байкал,
Высоки вершины Алтая, —
Он спешил, как стрела взлетая,
И на родину прискакал.
Тихо-тихо грустной тропой
Он приблизился к водопою.
Опечалился он, увидев
Край родной, врагами раздавленный,
Опечалился он, увидев
Свой народ, бедой окровавленный.
Становилось добычей тлена
Все, что прежде цвело кругом...
Взял он в спутники Сэнгэлэна
И с отцом помчался вдвоем
На свою песчаную гору.
Что ж предстало тоскливому взору?

Там, где буйная, словно пламень,
Вырывалась кипящая сера,
Превратились в безгласный камень
Тридцать три храбреца Гэсэра,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей,
Каменя в своем бессилье,
Изваяниями застыли.

Дрогнул сердцем Гэсэр могучий,
Опечален печалью жгучей.
Глянул вправо — заплакал в голос,
Глянул влево — душа раскололась.
Чтоб вдохнуть в них пламя деяния,
Вольный дух отцов-матерей,
Обнимать он стал изваяния
Неподвижных богатырей.

На раздавленной, ядом отравленной,
На земле своей молодой
Он упал, богатырь прославленный,
Окровавленный горем-бедой.

Охватил Сэнгэлэна испуг.
Он в тоске оглянулся вокруг.
Как помочь несчастному сыну?
Как развеять его кручину
И кручины этой причину?
Он, владея чарами смолоду,
Светло-синюю выдернул бороду
И в огне освятил ее, сжег, —
Так воителю-сыну помог.

Сердцем светел, обличьем строг,
Встал Гэсэр, озаренный сознанием,

Тридцати и трем изваяниям
Счастье жизни вернул он вновь,
Вновь забились в их жилах кровь.
Оживил чародейной силой
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей,—
Стала жизнь желанной и милой,
И на мир он взглянул веселей.
И оживших богатырей
Обласкал он, довольный снова
Многотрудной своей судьбой.
Их Гэсэр повел за собой,
И достиг он дома родного,
Где, в сиянии полной луны,
Отогнав на время печали,
Две прекрасные ханши-жены
На пороге его встречали.

ГЭСЭР НАКАЗЫВАЕТ ХАРА-ЗУТАНА

Вновь ожившие богатыри
Поскакали — тридцать и три, —
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей,
Чтобы правой подвергнуть мести,
За измену и за бесчестье,
Криводушного Хара-Зутана.
И предатель, полный обмана,
Понял, выведал: быть беде!
Но, спасенья не видя нигде,
Убоявшись прежних собратьев,
Ловкость-хитрость в страхе утратив,
Прибежал к Гэсэру с мольбой:

«Виноват я, Гэсэр, пред тобой,
Но я старец слабый и хилый,
Ты укрой меня, пожалей,
Защити мою кожу и жилы
От возмездья богатырей!»

Минул день. После жаркой погони
Прискакали к Гэсэру воины.
Притомились быстрые кони,
А бойцы неудачей расстроены.
Говорят они, с гневом глядя:
«Где, ответствуй, твой подлый дядя?
Где сокрылся изменника след?
Нет вблизи, в отдалении нет,
Ни в лесу, ни в селении нет,
Нет его у озер-прудов.
Не жалели мы сил и трудов,
Не поймали на этот раз.
Уж не ты ли изменника спас?
Если этот предатель старый,
С кем связали вас племя и род,
У тебя укрытье найдет
От возмездья, от правой кары,
То запомни, Гэсэр, наперед,
Что готовиться надо к бою:
Будем стрелами биться с тобою!»

И Гэсэр тридцати и трем,
Воевавшим с отвагой и славою,
Протянул свою руку правую,
И увидели смельчаки,
Что в мизинце правой руки
Притаился Хара-Зутан.
Был он темен, как тень, как туман,

Был он черен, как ночь, и невесел.
Губы свесил и нос повесил,
Он в мизинце правой руки
Плакал-кааялся, полон тоски,
Бегал-кланялся, в страхе немея.
И Гэсэровы богатыри
Удалились, прокляв злодея,
Но отрезать палец не смея:
Не исполнилась правая месть...

Длится время, разносится весть,
Что скончался Хара-Зутан,
Чьи дела — навет и обман.
«Он мне дядя, — подумал Гэсэр, —
В путь последний его провожу,
Где положено — положу:
Я свой долг нарушать не стану».

Прискакал он к Хара-Зутану
И вошел, никем не встречаем.
Поднимался пахучий пар
Над недопитым крепким чаем,
А над трубкою недокуренной
Поднимался душистый дым...
И, свой глаз не закрыв прищуренный
И не видя глазом другим,
С правой вывернутой ногою,
С левой вытянутой рукою,
Бездыханный, лежал у стены
Криводушный Хара-Зутан.
Поглядишь с любой стороны —
Из одной состоит кривизны!
Но, в его проникая обман,
Так промолвил Абай-Гэсэр,

На безгласного старца глядя:
«Некрасиво умер мой дядя!
Если глаз один не закрыт,
Значит, надо ждать вероломства,
Надо ждать беды для потомства.
Но потомству я помогу,
Этот глаз я золой закрою!»

Он направился к очагу,
Возвратился назад с золою,
Но в испуге Хара-Зутан
Черный глаз прикрывает разом
И моргает закрытым глазом.
Продолжает Абай-Гэсэр:
«Если с вытянутой рукою,
Если с вывернутой ногою
Возлежит мертвец у стены,
То навеки внуки-потомки
Будут светлого дня лишены.
Он отцу моему был братом,
Но я должен подрезать булатом
Сухожилья руки и ноги,
Чтоб не радовались враги».

Но как только Абай-Гэсэр
Вынул меч, причиняющий муку, —
Лжемертвец, хитрец, лицемер
Сразу выпрямил ногу и руку!
Тут воскликнул Гэсэр: «Наконец
Так, как должно, лежит мертвец!
В путь последний его провожу,
Где положено — положу!»

Соболями-бобрами укрыли
Опочившего хитреца.

Путь один у него — к могиле!
Синецветного жеребца
Запрягли в арбу погребальную
И пустились в тайгу чужедальную.

Вырвал с корнем Гэсэр деревья,
Их собрал посреди корчевья,
Возле трупа Хара-Зутана,
И поджег с четырех сторон.
Тут вскочил покойник неожиданно,
Крикнул: «Больно мне от огня,
Помогите, спасите меня!»

Но схватил обманщика злого
И сказал Гэсэр свое слово:
«Если подлый воскреснет снова,
То не ждать отчизне добра», —
И низверг его в пламя костра.
Стал гореть, исполненный злобы,
Криводушный Хара-Зутан
Посреди таежной чащобы.
С криком: «Жжет! Спасите меня!» —
Снова вырвался он из огня,
Но Гэсэр схватил его снова
И сказал: «Пусть запомнит каждый,
Что беда для всего живого —
Враг людей, воскресающий дважды!»
И в огонь его бросил опять.
Стал злодей гореть и кричать:

«Я навеки отныне твой данник,
Делать зло я не буду впредь.
Пожалей ты меня, племянник,
Я не в силах больше терпеть!»

Справедливый Абай-Гэсэр
Так ответил Хара-Зутану:
«Если клятву-слово даешь,
Что отверг ты подлость и ложь,
То казнить я тебя не стану».

И лжеца с душою преступной
Отпустил Гэсэр, говорят.
А деревья и ныне горят
Посреди тайги неприступной.

ГЭСЭР РЕШАЕТ ОСВОБОДИТЬ ИЗ ПЛЕНА УРМАЙ-ГОХОН

Возвратился Гэсэр домой.
Он уселся за стол золотой.
Наслаждался вкусной едой.
Наслаждался влагой хмельной.
У него лицо покраснелось.
Стал он думу думать о том,
Что такое робость и смелость,
И о том, что бесславно и славно,
Что случилось давно и недавно.

«Разве сын, что становится мужем,
Должен зло утверждать оружием?
Разве стать рабыней должна
Та, что женщиной рождена?»
Так подумав, решил он мгновенно,
Что пора ему вырвать из плена
Дорогую Урмай-Гохон,
И, решением своим возбужден,
Богатырь запел вдохновенно:

«Желтый лук, мой военный лук,
Верный друг, драгоценный друг,
Ты по-прежнему крепок и туг!
Золотая моя стрела,
Ты, как прежде, быстра и смела!
Грозный меч, оружие мое,
Ты на все закален времена,
Чародей — твое лезвие,
На твоём обушке — письмена!»

Вся душа этой песней полна.
На гнедого сел скакуна
И отправился на восток
Удалой, отважный седок.
Поскакал по хребтам и отрогам,
По объезженным ханским дорогам,
Поскакал по дороге окольной,
Где народ проезжал подневольный,
Поскакал по теснинам безвестным,
Поскакал по вершинам древесным.
Так достиг он чужой страны.
Посредине простора степного
У подножья красной сосны
Спрыгнул всадник с коня гнедого.

Чародейных двенадцать сил
Он по пальцам своим пустил,
Двадцать три волшебства — по ладони.
Удивились бы люди и кони:
В жеребеночка-лончака
Превратил своего гнедого,
А себя самого — в старичка,
Слабосильного, еле живого.
Жеребенка того старичок

Оседлал седлом деревянным,
Подложил кой-какой потничок
И поехал путем чужестранным,
И хотя бесконечна река,
А земля — широка, велика,
Прибыл к трем шарагольским ханам.

Эти ханы, полны свирепости,
Все закрыли дороги-пути,
Все луга превратили в крепости,
Чтоб и червь не сумел проползти.
Колдовство призвав на подмогу,
Две огромных воздвигли горы,
Чтоб они преградили дорогу.
Из утесов и острых скал

Вырывался губительный пламень,
И зубами, сердясь, скрежетал
Каждый выступ и каждый камень.
Две горы на посту своем
Наблюдали за всеми вдвоем
На земных и небесных дорогах
И проглатывали живьем
Всех двукрылых и четвероногих.

К двум горам подъехал Гэсэр.
Над горами клубился туман.
Превратил седой старичок
Жеребеночка в кремешок
И упрятал его в карман.
У подножья саранки росли.
Он их выкопал из земли
И проткнул ими горные жилы.
Колдовские ослабли силы,
И проход меж горами возник.
И прошел по проходу старик,
Опираясь на посох кривой,
И оставил он за собой
Две горы — две волшебных преграды.

Вот почуял дыханье прохлады
И прилег старик на траве
У ключей-родников на полянке.
В это время семьдесят две
Шарагольских ханов служанки
Через старца перешагнули,
Родниковой воды зачерпнули.
Но сказала семьдесят третья:
«Не могу на это смотреть я!
Вы нарушить обычай дерзнули,

Через старца перешагнули,
Погляжу я, вы слишком горды!»
И кругом обошла девица.

«Для чего вам столько воды?» —
Вопросил старик у служанки.
Но, забыв, что старцы хитры,
Что, невидимые до поры,
Ямы есть на старой стоянке,
Та сказала: «Пойдя на войну,
Три могучих отняли хана
У Абай-Гэсэра жену,
И она томится в плену.
Порешили властители те,
Что нойон Саган-Гэрэлтэ

На жене Гэсэровой женится,
Но когда отказалась пленница,
Поместили ее в сарай,
Низкий, темный, холодный, сырой,
Кормят-поят одной лишь водой,
Притесняют ее лиходеи».

У Гэсэра тогда сильнее
Стало биться сердце в груди.
Он сказал: «Погоди, погоди!
Потому ли ее терзают,
Что она из страны чужой,
Потому ли, что не желает
Нелюбимому стать женой?
Почему вы ее не спросите?
Или воду в сарай не вносите?»

Та сказала в ответ старику:
«Нет, не вносим: по желобку
Звонко катится к ней вода».
И, услышав слово такое,
Поступил богатырь хитро:
Он кольцо свое золотое
Опустил незаметно в ведро.
Догнала подружек девица,
И как только по желобу литься
Родниковая стала вода —
Золотое кольцо покатилося,
Покатилося и очутилось
На ладони Урмай-Гохон.
Показалось: со всех сторон
В том сарае заря засветилась!
Опечаленное лицо
Озарилося надеждой живою,

И Урмай над своей головою
Подняла золотое кольцо.
В сердце вспыхнула жаркая вера:
Здесь он, близко, людей оплот,
Золотое кольцо Гэсэра
Ей свободу и счастье вернет!

На земле шарагольских ханов
День зажегся, для мира воспрянув.
А Гэсэр трое суток подряд
Находился у водополя:
Для грядущего смертного боя
Он выводывал, говорят,
Мошь и хитрость врагов непотребных.
Три и двадцать уловов волшебных,
Чародейных двенадцать сил
По ладони и пальцам пустил,
Превратился в мальчонку-мальца
И пошел к задворкам дворца,
Где Саган-Гэрэлтэ обитал.
Как приблизился к тем задворкам,
Мальчик плачем заплакал горьким.

Услыхав, что ревет мальчуган,
Подошел к нему хан Саган,
По щеке ударил сперва,
Чтобы выведать: мошь какова?
В храбреца превратится ль ребенок,
Как в коня-скакуна жеребенок?
Он дитя недолго испытывал,
И домой мальчонку отнес,
И растил его, и воспитывал.
Не по дням — по часам он рос:
Уж не к битве ли мальчик готовится?

Тесно в шкуре овечьей становится,
Перерос он и шкуру быка.
Ненароком его затронешь —
Сдачи даст Олзобой-Найдёныш:
Так называли озорника.

ПОДВИГ НАЙДЕНЫША

Ш арагольские ханы-владыки
Затевают праздник великий.
В золотой они бубен бьют —
Созывают северный люд,
Бьют в серебряный барабан —
Кличут жителей южных стран.
Мяса целую гору ставят,
Льются вина, как влага ключей.
Восемь суток веселие правят,
Длится пир девять дней и ночей.

Вот Бухэ-Саган-Маньялай,
Богатырь и стрелок умелый,
На пиру расхвастался вдруг:
«Посмотрите на этот лук!
Из него я выпустил стрелы,
И Гэсэровы богатыри —
Знаменитые тридцать и три —
Полегли у степных курганов!»

Все собравшиеся вокруг
Силачи шарагольских ханов
Этот желтый с крапинкой лук
Растянуть-изогнуть пытаются —
А не могут! Им трудно дышится,

Только волосы дыбом вздымаются,
Только скрежет зубовный слышится.

Попросил малыш Олзобой:
«Дайте лук, растянуть попробую».
Кто же знал, что он взыскан судьбой,
Что владеет он силой особою?
Стал Найденыш натягивать лук,
А народ смеется вокруг:
«Потяни посильней, сынок,
Не робей, не робей, стрелок!»

Покраснел мальчуган с натуги,
Стал растягивать лук упругий,
А кругом кричат силачи:
«Потяни и других поучи!»
Мальчик плечи свои расправил,
Мощь умножил, умение прибавил,
Сила вспыхнула в нем удалая,
Потянул — и как дернет вдруг:
На три части рассыпался лук
Силача Саган-Маньялая!

Рассердился могучий стрелок:
«Этот лук я для битвы берег,
Чтобы местью сразить моей
Всех Гэсэровых богатырей,
Ну, а ты еще глуп и мал —
На три части мой лук сломал!»
Он ребенка схватил за предплечья
И Найденыша начал трясти.
Закричали одни: «Отпусти,
Не нанес бы мальчишке увечья!»
А другие кричат: «Нужен бой,
Бей его, не робей, Олзобой!»

В схватку ринулся мальчик сердитый,
Раскраснелся, как утром восток,
А противник, могуч и высок,
Пышет ненавистью ядовитой.
Мальчуган на него напал,
Будто беркут слетел на добычу.
Ухватился за шею бычьёю,
Силача под ребра берет,
Под колени берет и за пятки,
Крутит-вертит он взад-вперед
Наглеца, побежденного в схватке.
Как ударит оземь с размаха —
Разлетаются комья праха,
Вырываясь из глубины,
И силач погружается в землю:
Только уши одни видны!

Властелины Желтой долины,
Все вожатые войск, все дружины
Поразились мальчишечьей силе,
Закричали, заголосили:
«Будет смелым богатырем,
Учинит он Гэсэру разгром,
Будет недруг сломлен заклятый!»
Тут воители подошли,
Кто с колом, кто с широкой лопатой,
Чтобы выкопать из земли
Силача Саган-Маньялая.
А мальчишка, важно ступая,
К трем приблизился грозным ханам
И сказал: «Если вкопан воин
В прах земной в поединке бранном,
То такой богатырь достоин,
Чтобы выкопали его

Не лопатами, не колами —
Чтоб другими спасли делами».

Вот ударил о прах земной
Мальчуган тяжелой ступней,
И, злодея хранить не желая,
Разом выбросила земля
Силача Саган-Маньялая!

А Гэсэр, врага победив,
Произнес чуть слышный призыв,
Чтоб его поняла река.
Удлинилась его рука,
И призыв своего вожака
Услыхали издалика
Мощнорукие богатыри —
Знаменитые тридцать и три, —
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей.
Тот призыв был для них приказом.
Как приказывал ясный разум,
Поскакали воины разом,
Заставляя скрыться в пыли
Небеса с облаками размытыми,
Заставляя сердце земли
Трепетать-стучать под копытами,
Оглушая звоном кольчуг
Все, что жило, росло вокруг.

Шарагольские властелины,
Повелители Желтой долины,
Сообразно рассудку и опыту,
Догадались, прислушавшись к топоту:
Это скачут с силой утроенной
Тридцать три Гэсэровых воина,

И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей.
Приказали: да будет построена
Их несметная буйная рать,
И Найденышу-Олзобою
Знамя боя велели поднять —
Пусть полки поведет за собою!

Погружая в пыль небосвод,
С двух сторон на дороги нахлынув,
Злое полчище трех властелинов,
Грохоча, устремилось в поход,
А полки Найденыш ведет.
По горам-вершинам скалистым,
По лугам-нижинам душистым
Разлетаются стрелы со свистом.

И тогда-то Гэсэр воинственный
Принимает свой облик истинный,
На коня садится гнедого,
И его увидели снова
Мощнорукие богатыри —
Знаменитые тридцать и три,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей.
Приумножили силу свою,
Словно вихрь, на врагов нагрянув,
Перебили войско трех ханов,
Разгромили его в бою
Так, что небо вдруг потемнело,
Распростершееся без предела,
И земли зеленое тело
Неожиданно почернело.
Из костей воздвиглась гора,
И река разлилась кровавая.

Бранный гул затих до утра —
Так закончилась битва правая.

Злобных три шарагольских хана,
Потерпев поражение внезапно,
Растерялись, испугом охвачены.
Увидав, что войска перебиты,
Призадумались, озадачены,
Смысл желая найти сокрытый,
И увидели три лиходея,
Что недаром конец таков,
Что Гэсэр оказался хитрее —
Обманул он трех простаков.

Проклиная себя и ругая,
В золотой они бьют барабан,
Бьют в серебряный барабан,
Чтобы рать собралась другая
Из полных и южных стран.
Силача Саган-Маньялая
Впереди головным поставили.
Под водительством Бирузы,
Чтоб дрожали верхи и низы,
Эту рать на битву отправили.

ЖЕЛАННОЕ ВРЕМЯ

Видишь: движутся для боев
Муравейники муравьев?
Это — грохот и гул половодья,
Это — ветер в пустыне бесплодья,
Это — в поле взвихренный снег,
Это — буйного леса набег!

Но Гэсэровы богатыри,
Остроглазы и мощноруки,
Натянули грозные луки,
Обнажили мечи-булаты
Ради правды, во имя расплаты,
Устрашая сотни полков,
Превращая в козлят волков.

День померк, за тучами скрытый.
Были все враги перебиты.
Из костей, из вражеских тел
Вырастала гора большая.
Словно беркут, вдруг налетел
На Бухэ-Саган-Маньялая,
Гневом яростным обуян,
Храбрый воин Буйдан-Улан —
Из Гэсэровых богатырей.
Оказалось, что он сильней
Силача Саган-Маньялая.
«Ты убийца! — врагу он сказал,
Бычьё шею к земле прижимая. —
Обезглавлен тобою Саргал,
Достоцитимый старик белоглавый.
Ты стрелу напоил отравой,
Был ты мерзок, коварен в бою,
И за зло я злом воздаю,
За несчастье расплата — несчастье!»

Так сказал он, подлость карая,
И булатным мечом на две части
Разрубил Саган-Маньялая.

В это время Абай-Гэсэр,
И его тридцать три храбреца,
И три сотни знатных вождей,

И три тысячи ратных людей
Прискакали к воротам дворца
Шарагольских коварных владык.
Закричал Гэсэр — показалось,
Что могучий подняли крик
Десять тысяч, сто тысяч изюбров!
Был испуг мироздания велик.
В страхе тело земли разверзалось,
И небесная твердь сотрясалась.
Разрушались горы и скалы,
В море вал восставал небывалый,
Падал с грохотом камень стоячий
И дробился камень лежащий,
По священной Сумбэр-горе
С гулом трепет прошел первозданный!

Шарагольские злобные ханы, —
Растерялись три хитреца,
Заметались в безумном страхе,
Зарыдали, валяясь в прахе
У ворот своего дворца:
«Мы лишились власти и силы,
Наши души, Гэсэр, пожалей,
Пожалей нашу кожу и жилы!»
Так ответил Гэсэр — мощнокрылый
Предводитель богатырей:

«Вашим жалким слезам я не внемлю.
Разоряли вы бедную землю,
Убивали безвинных людей,
С каждым днем становясь лютеей,
Ваша злоба крови алкала.
Страшной казнью казнили Саргала,
Увели вы мою жену —

Вы Урмай-Гохон захватили,
Чтоб она зачахла в плену.
Столько зверств совершив и насилий,
Искупите свою вину!»

Побелели от страха три хана —
Три коварства, три зла, три обмана,
И, поняв, что конец недалек,
Облизали пыль и песок:
«Не карай нас карою строгой,
Ты нам кости и жилы оставь,
Наши алые души не трогай!»
И в пыли, у Гэсэровых ног,
Распростерлись они, как мох.

Так сказал им Гэсэр в ответ:
«Мне противны обман и навет,
Я сюда явился с победою,
Ибо зависти-зла не ведаю,
Ибо ложным путем не следую.
Навсегда запомните то,
Что я ныне вам заповедую:
Ваши стрелы, что злобой отравлены,
Пусть теперь будут в вас направлены,
Пусть падут на вас беды-страдания,
Что всегда причиняли вы людям.
Мы людским судом вас осудим —
Да не будет вам оправдания!

Но искупится ваша вина:
Поклянитесь на все времена,
Что болезни распространять
Перестанете с этого времени,
Что не будете зла причинять
Человечьему роду-племени,

Что, в сознание своей вины,
Вы откажетесь от войны!»

Поклялись шарагольские ханы
Соблюдать до скончания времен
Человеческой жизни закон,
Зла не делать людскому роду.
А Гэсэр возвестил свободу
Светлоликой Урмай-Гохон,
Что была подобна восходу,
Озарявшему небосклон.
Он с любимой встретился снова,
Он сказал ей хорошее слово.

Сокрушил он врагов земли,
Завершил победой борьбу.
Приказал он, чтоб запрягли
Трех коней-иноходцев в арбу,
На серебряной той арбе
Он повез во дворец к себе
Дорогую Урмай-Гохон,
Озаряющую сердца.
Вслед за ним тридцать три храбреца,
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей
Поспешили с победой домой.
Поскакали чужой стороной
То дорогой лесной, то степной.

Вот последний проход-перевал.
Каждый воин возликовал,
Оказавшись на почве родной,
Оказавшись у той воды,
Что их в детские годы поила,

На земле, что свято хранила
С первых, детских лет их следы!
Удалого Абай-Гэсэра,
Тридцать трех его смельчаков,
Триста ратных его вожаков,
И три тысячи седоков,
Претерпевших горя немало,
И Урмай-Гохон, что познала
Унижение и тяжкий плен, —
Вышли встретить отец Сэнгэлэн
И Гэсэровы две жены.

В честь отважных, пришедших с войны,
В золотой они бубен бьют,
Созывают северный люд,
Бьют в серебряный барабан,
Чтоб слышали жители юга,
Чтоб они, поздравляя друг друга,
Шли к извечному морю Манзан,
Чтоб к священному водопою,
Кто лесной, кто степной тропою,
Устремились из разных стран.
У привольных речных побережий,
У прозрачной воды проточной
Угощали их пищей свежей,
Угощали пищей молочной.

Из похода вернувшись домой,
Порешил Гэсэр удалой:
Наступило желанное время!
Ни к чему походное стремя,
Ни колчанов не надо, ни стрел,
Не нужны ни мечи, ни луки!

Он с любовью на землю смотрел —
Долго пробыл с нею в разлуке —
И увидел покой и мир
И устроил великий пир.

Восемь дней веселие длилось,
Девять дней земля веселилась,
Раздавались присловья и шутки.
По домам на десятые сутки
Разъезжаться начал народ.
А Гэсэр, сокрушитель невзгод,
Ниспровергший насилие и горе,
Отпустил своего коня,
Состоявшего из огня, —
Пусть пасется на вольном просторе.
Богатырь упрятал в сундук
Свой колчан, и стрелы, и лук.

Там, где вечное море Манзан,
Где бессмертья шумит океан,
Где в цветущей долине Морэн
Каждый камень благословен,
Где раскинулась величаво
Ранних жаворонков держава, —
На земле, где родился и рос,
У реки, чью испил он воду,
Богатырь, защитивший свободу,
Тот, кто счастье народу принес,
Мир и благо людскому роду, —
Стал Гэсэр, заступник добра,
Светлой жизни вкушать веселье.
Эта радостная пора
Продолжается там доселе.

От забот освобождены
Каждый род и каждое племя.
Наступило желанное время!
Так живут, не зная войны,
Там, где ярки зари переливы,
Богатырь Гэсэр Справедливый,
Три прекрасных его жены
И отважные богатыри —
Знаменитые тридцать и три, —
И три сотни знатных вождей,
И три тысячи ратных людей,
И народ, чья земля благодатна:
В день питается он троекратно,
Наслаждаясь, у всех на виду,
Троекратным счастьем в году!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексей Уланов. Бурятский героический эпос</i>	5
Запев	12

В е т в ь п е р в а я. Истоки людских судеб

Когда это было	17
Богатыри Западных небес	19
Богатыри Восточных небес	29
Срединное небесное царство	32
Болезнь дочери Солнца Наран-Гохон	33
Белый жаворонок исцеляет дочь Солнца	39
Хан-Хурмас отправляется на охоту	43
Хан-Хурмас посещает Срединное царство Сэгэн-Сэбдэга	51
Бой быков	58
О красоте царевны Сэсэг-Ногон	64
Богатыри Западных и Восточных небес собираются у Сэгэн-Сэбдэга	70
Поединки небожителей	78
Бухэ-Бэлигтэ отправляется в Срединное царство	90
Поражение Атай-Улана	97
Перевоплощение Атай-Улана на земле	104
На земле распространяются повальные болезни	109
Девяносто бесов хотят уничтожить людской род	112
Надзвездное собрание богатырей посылает Бухэ-Бэлигтэ на землю	118
Дочь Солнца превращается в старуху	128
Дочь Солнца становится земной матерью Гэсэра	132

Содержание второй, третьей, четвертой и пятой глав (ветвей)	135
--	-----

В е т в ь ш е с т а я. Уничтожение чудовища Шэрэм-Мината

Чудовище хочет истребить жизнь на земле	141
Гэсэр отправляется на битву с чудовищем	145
Первая схватка с чудовищем	152

Манзан-Гурмэ вручает Гэсэру шерстобитный смычок	166
Вторая схватка с чудовищем	173
Торжество жизни	180

Содержание седьмой и восьмой глав (ветвей)	186
---	------------

В е т в ь д е в я т а я. Поражение трех шарагольских ханов

Полет железной птицы	191
Возвращение и гибель птицы-разведчицы	202
Три шарагольских хана, в отсутствие Гэсэра, идут войной на его страну	207
Предательство криводушного нойона Хара-Зутана	211
Ворон сообщает богатырям Гэсэра о тяжелом ранении Эрхэ-Манзана	221
Воительница Алма-Мэргэн принимает облик Гэсэра	232
Голова Саргала возносится на небо	240
Гэсэр возвращает жизнь богатырям, превращенным в каменные изваяния	246
Гэсэр наказывает Хара-Зутана	252
Гэсэр решает освободить из плена Урмай-Гохон	257
Подвиг Найденыша	264
Желанное время	269

Г э с э р

Бурятский героический эпос

Редактор Л. О с и п о в а

Художественный редактор

Г. К у д р я в ц е в

Технический редактор

О. Я р о с л а в ц е в а

Корректор

Г. А с л а н я н ц

С(Бурят)1
Г98

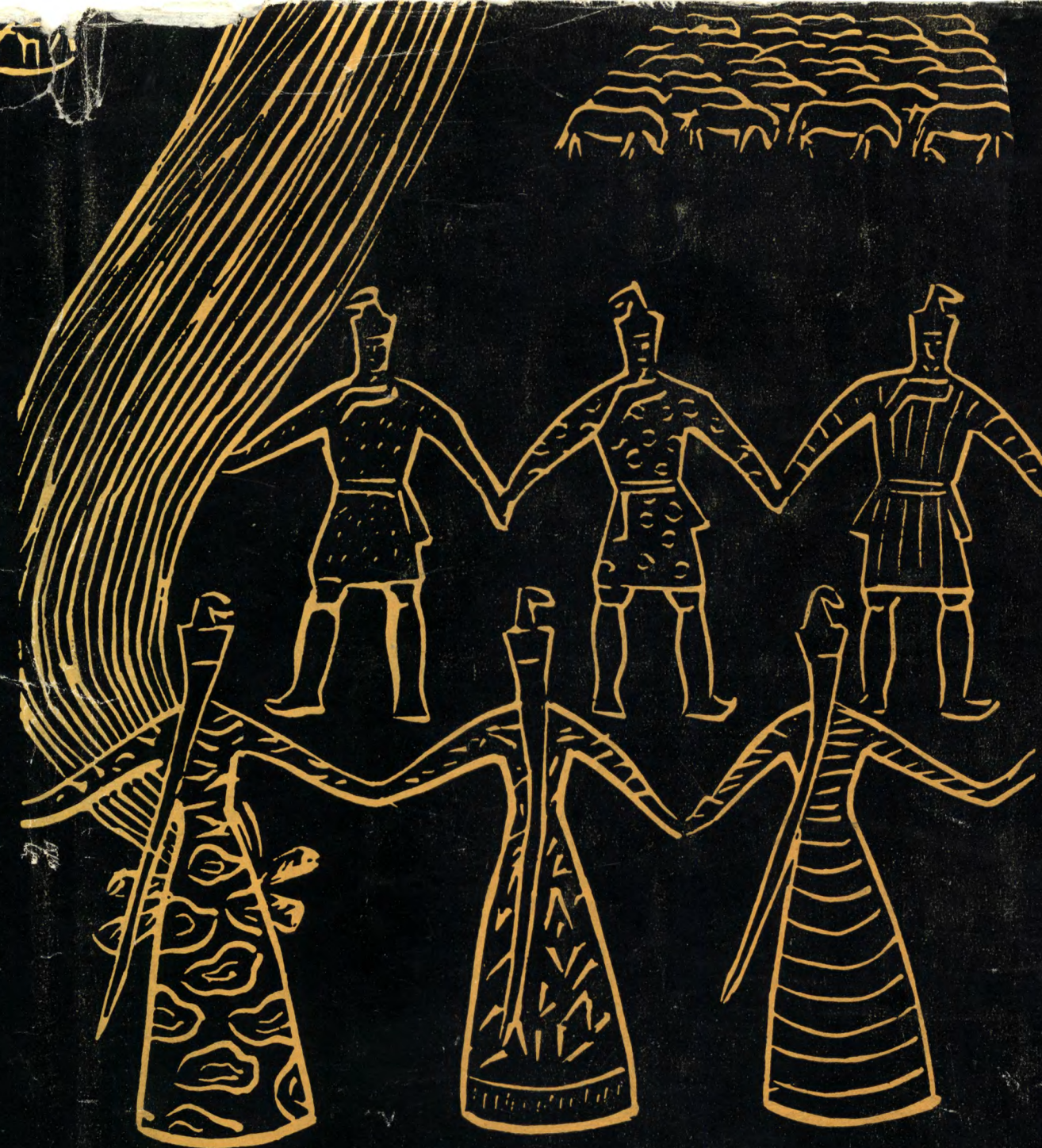
Сдано в набор 15/XII 1967 г.
Подписано к печати 1/VII 1968 г.
Бумага мелованная
Формат 70×90¹/₁₆, 17,5 печ. л.,
20,422 усл. печ. л., 12,393 уч.-изд. л.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 18
Цена 2 руб. 64 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Книжная фабрика «Октябрь»
Комитета по печати
при Совете Министров УССР,
Киев, ул. Артема, 23а.

ГЭСЭР

ГЭСЭР

Гэсэр

